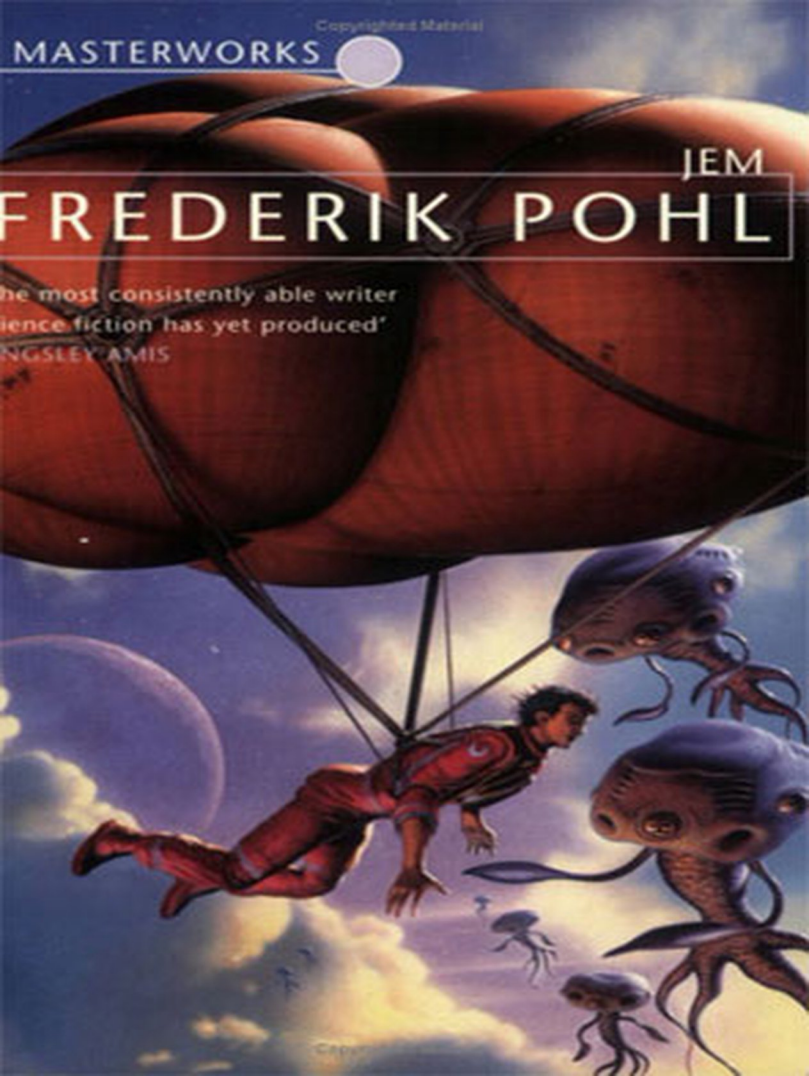
Copyrighted Material

MASTERWORKS

JEM

FREDERIK POHL

he most consistently able writer
ience fiction has yet produced'
NGSLEY AMIS



Джем
Фредерик Пол

Аннотация
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21

Глава 22
Глава 23
Глава 24

Аннотация

Роман Фредерика Пола "Джем" вышел в 1979 году. Роман был финалистом конкурсов Hugo и Nebula, победителем Natonal Book Award, занял 6-е место в конкурсе журнала Locus. В России он был издан в 1993-ем году в серии "Монстры Вселенной", том 11, совместно с другими романами Пола - "Гладиаторы по закону" и "Операция Венера".

Глава 1

... Когда Дэнни Дэйлхауз приехал в Софию, он не знал ни того, что это только первый этап его гораздо более далекого путешествия, ни того, что здесь он встретится со своими будущими спутниками. Он никогда не слышал ни об этом грандиозном проекте, который носил непривлекательное название И-ОА Бес-бес Геминорум 8426, ни об этих людях. Их имена были Нан Димитрова и капитан Мэди Юсиннингер. Поводом для приезда явилась десятая Генеральная Ассамблея мировой конференции по Экзобиологии. И время встречи было не самым плохим. Была весна, и на это время весь мир, казалось, погружался в приятную дружелюбную жизнь.

В Большом Холле Науки и Культуры на открытии было три тысячи человек. И интерес к встрече был таким, что пятьсот-шестьсот ученых не могли найти себе места в зале. Даже переводчики сидели в своих кабинах по двое.

Симпатичный подтянутый Карл Саган открыл сессию. Выглядел он весьма моложаво, несмотря на свой солидный возраст. Он уже двигался к

концу речи, когда Дэн Дэйлхауз нашел себе место в задних рядах. До этого Дэйлхауз никогда не бывал в Болгарии. Его восхитили солнечные парки, и он дал себе слово побывать в музее древних икон в соборе Святого Стефана, в нескольких кварталах отсюда. Но Дэн не хотел пропустить речь Сагана и первое пленарное заседание. Ведь на нем должны были прочесть важнейшие доклады. Многие имена докладчиков он слышал впервые. Конечно, это работа Сагана, подумал он. Саган, как почетный председатель, пропустил все тезисы через свои фильтры. Значит то, что осталось, очень полезно послушать. Саган говори вдохновенно и, закончив, сошел с кафедры под звуки оваций.

Вследствие того, что основным докладчиком был американец председателем сессии был назначен представитель другого блока. Таков был международный этикет. Председатель был англичанином из группы Фред Хойл Кэмбридж. Несколько представителей Блока Горючего остались послушать его из солидарности, но у большинство политиков покинули зал, особенно даже и не скрывая свой уход. Поэтому Дэйлхауз смог перебраться на более лучшее место в центре зала. Он удобно устроился и приготовился

слушать нудные речи и язвительные замечания председателя. Из открытого окна на него волнами накатывал цветочный запах. В Болгарии даже меньше, чем в Америке пользуются кондиционерами.

Так как были уже прослушаны доклады Блоков Горючего и Продовольствия, протокол требовал, чтобы выступил представитель Группы Народ. Им оказался пакистанец, который прочел первый доклад под заглавием: "Измерения жизненно важных параметров планет звездных систем Альфа Драконис, Процион, 17- Каппа Инди и Семистеллар Объект Кунга".

Дэйлхауз уже задремал, но когда он услышал в наушниках название доклада, он сел прямо и шепнул соседу:

— Кто этот парень?

Соседом оказалась женщина. Она показала Дэну программу и имя: Доктор Ахмед Дулла, Зульфикар Али Бхутто университет, Хайдабарад. Когда Дэн наклонился к программке, он понял, что запах цветов исходит от женщины, а не из окон. Дэйлхауз поднял на нее глаза. Блондинка. Немного пухленькая, но с приятным доброжелательным лицом. Возраст трудно сказать, но вероятно, как и у него — тридцать с неболь-

шим. Со времени своего развода Дэйлхауз стал обращать внимание на сексуальность своих коллег- женщин и случайных знакомых. Однако он стал и более осторожным. Он улыбкой поблагодарил соседку и сел прямо.

В первой части доклада не оказалось ничего особенного. Сообщения о зондовых исследованиях Альфа Драконис уже были опубликованы. Дэйлхауз не был расположен слушать о фотометрических измерениях, которые установили наличие в убывающей атмосфере растительной жизни с фотосинтезом. Уже было много найдено и исследовано таких планет. Исследования проводились тахионными зондами, которые были размером не больше грейпфрута, напичканы аппаратурой и способны были преодолевать межзвездные пространства за неделю.

Казалось, пакистанец решил сообщить им каждую цифру своего доклада, перечислить все открытые планеты с убывающей атмосферой и непригодными условиями для жизни. Зонд, исследующий Процион, исчез, и сообщение о Проционе было самым коротким. С Дуллы, к счастью, тоже не пришло никаких сведений. Данные по 17-Каппе Инди были получше — кислородная атмосфера, хотя перепады температуры были так

себе. Но самое воодушевляющее было в конце.

Семистеллар Объект Кунга был немного больше, чем его планета. Хотя звезда была маленькая, у нее хватало энергии излучать достаточно тепла. И эта звезда имела свою планету. Причем данные по ней были многообещающими. Теплая. Влажная. Плотная атмосфера с парциальным давлением кислорода, идеальным для жизни. Даже для жизни исследовательского отряда с Земли. Конечно, если кто-нибудь согласится вложить деньги, чтобы отправить его туда. И анализы были превосходные. Двуокись кислорода. Следы метана, но только следы. Хорошая фотометрия. Отсутствовал единственный параметр — радиоизлучение. А в остальном все было также, как на Майами Бич.

Пакистанец объяснял очень долго, как была открыта Звезда Кунга. Ее заметили сотрудники большого радиотелескопа в горах Тангла. И это открытие было прямым результатом мудрости и предвидения председателя Мао. Это не представляло интереса ни для кого, кроме представителей Блока Народа, которые глубокомысленно кивали головами, но планета казалась удивительно странной. Хотя это и не было сферой специальных интересов Дэйлхауза, он отметил для себя,

что биологическим исследованиям было подвергнуто только одно полушарие планеты. Занятно! И был озадачен не он один. Он посмотрел в зал и увидел перешептывающихся людей.

Дэйлхауз попросил ручку у соседки и сделал заметку в своей программе: "Иссл. Зв. Кунга. Возможно более полн. ознакомл.".

Он не написал название планеты. Может, она еще не имела названия, хотя он слышал, как некоторые из Блока Народа называли ее с почтением - Сын Кунга. Что же, бывают названия и похуже.

Что можно сказать о таком человеке, как Дэнни Дэйлхауз? Начальная школа, средняя школа, колледж, высшая школа. Он получил свой диплом с отличием в двадцать шесть лет, когда работы было мало. Год он обучал новичков биологии, затем год стажировки в Тбилиси и защита докторской диссертации. Поэтому ему уже было за тридцать, когда он получил должность на факультете экзобиологии в Мичигане. Его семейная жизнь, просуществовавшая год на сыре и белом вине в Советской Грузии, стала распадаться в Мичигане. Дэн был среднего роста — правда, это сказано с преувеличением: у него было сто семьдесят сантиметров в обуви,— и довольно тощий. Кроме того, его нельзя было назвать симпатичным. Но

каким он был, так это умным. Он был настолько умным, что за три года работы в Мичигане он стал одним из ведущих экспертов Блока Продовольствия по расшифровке телеметрии тахионных зондов. Он с хорошей степенью вероятности определял, существует ли жизнь на исследуемой планете, и даже предсказывал ожидаемые формы жизни. Затем он усовершенствовался настолько, что стал известным во всем мире интерпретатором телеметрических данных, и его искусство было признано настолько ценным, что было решено не рисковать его жизнью и не включать в экспедиции на удаленные миры. Поэтому он сосредоточился на совершенствовании своего искусства, а также увлекся скалолазанием, яхтами и бегом на длинные дистанции. Кто знает, какие физические качества могут потребоваться тому, кому повезет, и он будет включен в состав ежегодной экспедиции к далеким звездам.

Развод дал ему дополнительные преимущества. Человек, которому не надо спешить домой, может лучше сосредоточиться из своей работе. Дэйлхауз не хотел, чтобы Полли уходила. Но когда она собрала вещи и ушла, он быстро понял, что холостая жизнь это не так уж и плохо.

Этим вечером в Аперетив Баре он снова столк-

нулся с блондинкой. Он пришел послушать конференцию для представителей печати, но толпа в конце бара была слишком плотной и большинство в ней были репортеры, привычные к такой обстановке. Между их головами и камерами Дэн мельком заметил Сагана и Иосифа Шкловского, которые сидели в креслах с жизнеобеспечением. Они что-то говорили, улыбаясь, а затем поехали к лифтам. Вся толпа двинулась за ними. Дэйлхауз заказал выпивку и огляделся.

Блондинка пила скотч с двумя невысокими смуглыми улыбающимися мужчинами. Нет, скотч пила она одна. А эти двое пили апельсиновый сок. Мужчины вскоре встали и попрощались с нею, Дэйлхауз подыскивал себе место, чтобы сесть, и сразу же воспользоваться возможностью.

— Не будете против, если я присяду? Я Дэнни Дэйлхауз, Мичиган.

— Мэгги Меннингер,— ответила она. И она ничего не имела против его компании. Она также не возражала, когда он предложил взять для нее один скотч. А затем она сама заказала еще скотч для него и для себя. Она также не возражала против прогулки с ним под покровом теплой темной болгарской ночи. И она не возражала против

того, чтобы зайти к нему и распить бутылочку болгарского вина. И весь этот день, когда Дэнни Дэйлхауз впервые услышал о Звезде Кунга, был для него весьма успешным и приятным.

Следующий день оказался не таким хорошим.

Правда, начался он довольно хорошо ранним утром. Они проснулись в объятиях друг друга и, не меняя положения, сразу же занялись любовью. Для завтрака было еще рано, поэтому они допили оставшееся вино, приняли душ, оделись. Затем они решили пойти прогуляться.

Ночью прошел небольшой дождь. Улицы были влажные. Но воздух был теплым, и в розовом рассвете желтые дома в стиле Марии-Терезии выглядели мирными и дружелюбными.

— Больше всего,— экспансивно произнес Дэйлхауз, обнимая Мэгги за талию,— мне хочется взглянуть на Звезду Кунга.

Мэгги с интересом взглянула на него.

— У тебя для этого есть деньги?

— Нет. Пожалуй, нет. Наш МСУ получил дополнительные ассигнования в прошлом году, но у нас никогда не хватало денег, чтобы запустить зонд с человеком на борту.

Она потерлась лбом о его плечо.

— Ты более деятельный человек, чем кажешь-

ся.

— Что?

— Ты не кажешься сильным, Дэнни-мальчик, но каждую минуту знаешь, что делаешь, верно? Как в прошлый вечер. Эти два араба не ушли бы никуда, стараясь заманить меня с собой. Но ты вовремя появился.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Нет?

— Нет. Ну, не совсем.

Однако она не собиралась ничего разъяснять ему, и поэтому Дэн вернулся к тому, что действительно интересовало его.

— Планета очень многообещающая, Мэгги. Может быть даже с цивилизацией. Ты понимаешь это? Следы двуокиси углерода и озона.

Она задумчиво возразила:

— Но никакого радиоизлучения.

— Да. Но это не доказывает ничего. Двести лет назад с Земли никто не слышал радиосигналов, но цивилизация существовала.

Она поджала губы, но ничего не сказала. Ему показалось, что Мэгги что-то тревожит. Может, что-то по женской части. Дэн не считал себя крупным знатоком в этой области. Он осмотрелся вокруг, ища что-нибудь, что могло бы развлечь

ее.

— Посмотри на этих парней.

Они проходили мимо мавзолея Димитрова. Несмотря на ранний час, несмотря на то, что вокруг не было ни души, кроме них двоих, два часовых стояли абсолютно неподвижно в своей старинной, как из музыкальной комедии, форме. Даже кончики перьев на плечах не шевелились.

Мэгги посмотрела, но, по-видимому, что-то более важное занимало ее.

— Этот полет займет по крайней мере два года,— сказала она.— Ты действительно хотел бы полететь?

— Я... я не понимаю тебя, Мэгги,— пробормотал он, действительно ничего не понимая.

Нетерпеливо:

— А, черт. Если бы у тебя были деньги, ты полетел бы?

— Испытай меня.

— Этот Паксам горит желанием попасть туда. Вероятно, он уже заручился согласием Блока Народа — наследников Мао, чтобы они финансировали полет человека к Кунгу.

— Что же, это тоже хорошо. Мне плевать на политику. Мне все равно, какая страна впервые встретится с цивилизованными братьями. Я про-

сто хочу быть там в этот момент.

— А мне не все равно,— пробормотала она. Выскользнув из его объятий, Мэгги стала прикуривать сигарету.

Дэйлхауз остановился и смотрел, как она ладонью прикрывает огонек зажигалки от легкого утреннего ветерка. Вчера они неплохо выпили и совсем мало спали. Он чувствовал внутреннюю слабость от вчерашнего, но на Мэгги, казалось, это не подействовало. Впервые в жизни Дэйлхауз лег в постель с женщиной, с которой не обменялся даже парой слов о том, кто она, чем занимается. Он совершенно не знал ее разумом, а только чувствами.

Затем Дэйлхауз подумал, что в 10:00 начинается доклад, который он хотел бы послушать: "Предварительные исследования первого контакта с субтехническими разумными существами". Кроме того, он хотел бы получить дополнительные сведения о планете Звезды Кунга.

Дэн бросил взгляд на часы: 7:39 — уйма времени. Город еще спал. Правда уже слышались первые трамваи где-то вдалеке. Впереди, на улице, по которой они шли, виднелись два жандарма, шагающих плечо к плечу. Дубинки мирно покачивались у пояса в такт их шагам. В Софии

больше не происходило ничего. Это заставило его подумать о собственном доме в Ист-Лэнсинге. В это время года и дня университетский городок бурлит, готовясь к сессии. А он сам в такое утро идет или едет на велосипеде в свой рабочий кабинет. После развода он всегда старался пораньше покинуть свой пустой дом.

Он напомнил себе, что София вовсе не была похожа на его Ист-Лэнсинг. Это был настоящий город со всеми его атрибутами. А Ист-Лэнсинг больше походил на веселую деревушку. И Мэгги Меннингер тоже не была похожа на Полли, смуглую, быструю. Что же такое эта Мэгги Меннингер? Дэйлхауз терялся в мыслях. Она была совсем не похожа на всех его знакомых. Она не из его круга. Вчера, в Большом Холле Культуры и Науки, она была его ученым коллегой. Затем ночью она была именно тем, что хотел бы каждый американский мужчина иметь в своей постели. Но кто она сегодня утром? Они уже не шли рядом, прижавшись друг к другу и полуобнявшись. Мэгги шла твердым шагом, глубоко затягиваясь сигаретой, смотрела только вперед.

Наконец, она, казалось, пришла к решению и повернулась к нему.

— Университет Штата Мичиган, Институт

Экстрасолярной Биологии, Дэниел Дэйлхауз, бакалавр, Магистр, Доктор. Разве я не говорила тебе, что я изучила все материалы о тебе, прежде чем вылететь из Вашингтона?

— Ты? — удивился он.

— У тебя интересный доклад. Думаю, что ты говоришь серьезно о твоем желании лететь. Дэнни-мальчик, я могу тебе помочь.

— Как?

— Деньгами, мой милый. Это все, что я могу дать. Разве ты не заметил эмблему с моим именем и должностью, когда раздевал меня? Я работаю в КИЭКСМЕ.

— Хвала тому, откуда проистекают все блага, — с чувством процитировал Дэнни. Это была строфа из институтской песни. Ведь ежегодно институт Дэнни получал дотацию из Комитета по Исследованию и Эксплуатации Космоса. Только благодаря этим Дотациям мог существовать институт.— Почему же никогда во время приездов в Вашингтон я не встретился с тобою?

— Я работаю там с февраля. Я вице-секретарь новых проектов. Этой должности раньше не существовало. Так что я первый вице-секретарь. А до этого я преподавала в своей альма-матер. Маленькая школа без факультета экстрасолярной

биологии. Ну так что?

— Ты о чем?

— Ты спишь? Ты хочешь участвовать в экспедиции к Звезде Кунга?

— Я? О, Боже, конечно, да! Она взяла его руку, легонько похлопала:

— Считай, что все улажено. О, что это?

— Но...

— Я же сказала - все улажено.— Она больше не смотрела на него. Что-то иное привлекло ее внимание. Они пришли в большой парк, и аллея вела к мемориальному комплексу. Справа и слева у входа в аллею находились две бронзовые скульптурные группы. Дэйлхауз шел за Мэгги к скульптурам. Он ничего не понимал, он еще не мог поверить ее словам.

— Думаю, что я должен принять предложение,— пробормотал он нерешительно.

— Тупица! Сколько можно говорить. Ты получишь официальное приглашение—Она рассматривала бронзу.— Посмотри на это!

Дэйлхауз рассматривал фигуры без интереса.

— Это военный мемориал,— сказал он.—Солдаты и мирные жители.

— Разумеется. Но не совсем он старый. Пулемет у солдата., и этот, на мотоцикле. И посмотри,

некоторые солдаты—женщины.

Она наклонилась и рассматривала надпись, исписанную кириллицей.

— Проклятье. Не понимаю, что написано. Но эти рабочие и крестьяне приветствуют освободителей, да? Наверное, это последняя большая война — Вторая Мировая. Это Болгария, а значит, Красная Армия изгоняет отсюда немцев, и все болгары встречают их цветами, сердечными рукопожатиями и кружками с чистой родниковой водой. Боже! Дэнни, оба моих деда сражались в ту войну, и одна из бабок. Двое на одной стороне, одна на другой.

Дэйлхауз с любопытством посмотрел на нее. Все-таки странно видеть человека, который так интересуется той войной, хотя каждый знает, что любая война—это только борьба за рынки,

— А что с твоей второй бабкой? Она жива?

Мэгги коротко взглянула на него:

— Погибла во время бомбежки,— сказала она.— Эй, вот это любопытно.

Скульптуры действительно были интересными для любого любителя войны. Каждая фигура выражала мужество, радость победы, решимость в самых лучших традициях соцреализма. Все фигурки были выполнены так, чтобы вписаться

в прямоугольный объем, и поэтому напоминали банку сардин, которые переплелись между собою. Интерес Мэгги к этим скульптурам был интересен сам по себе. Дэйлхауз заметил, что жандармы уже прошли мимо них и теперь разворачивались, чтобы идти в обратном направлении по своему маршруту. Взгляды у них были непроницаемы.

— Так что тут любопытного в солдатах? — спросил он.

— Это же мои противники, дорогой Дэн, разве ты не знаешь - Марджори Мод Меннингер, капитан армии США, закончила Уэст-Пойнт. Если бы ты видел меня в форме! — Она закурила вторую сигарету, и когда она протянула ее Дэну для затяжки, понял, что это вовсе не табак.

Она задержала дым в легких, затем выпустила длинную струю дыма.

— Какие были времена! — мечтательно проговорила она, глядя на бронзовые изваяния.— Посмотри на этого молодца, который поднял ребенка в воздух. Знаешь, что он говорит другому солдату? "Давай, Иван, я подержу ребенка, пока ты позабавишься с его матерью, а затем подержишь ты, а я сменю тебя".

Дэйлхауз рассмеялся. Ободренная Мэгги продолжала:

— А ты знаешь, что говорит этот мальчик? "Эй, доблестный солдат Красной Армии, тебе нравится моя сестра? Что ты дашь за нее? Шоколад? Русские сигареты?" А офицер, который берет цветы из рук женщины? Он говорит: "Послушай, товарищ. Зачем ты воруешь народное достояние из парков. Смотри не ошибись, а то тебе придется много времени провести в лагере. Немцы ушли, с ними покончено. Но теперь сюда пришли советские солдаты..."

— Эй, Мэгги,— беспокойно сказал он.— Идем.

Он внезапно понял, что жандармы не улыбаются больше, и вспомнил, правда, немного поздно, что вся городская полиция прошла краткосрочные курсы иностранных языков. Все-таки в городе проходила крупная международная конференция, а жандармы должны быть на высоте.

Глава 2

Все, что можно сказать об Ане Димитровой, вряд ли нужно говорить, потому что это было очевидно с первого взгляда. Нежная восторженная девушка, способная любить и внушить любовь. Иногда ее мучили жесточайшие головные боли, и тогда она была раздражена, теряла ориентацию, боль буквально ослепляла ее. Но она старалась переносить такие приступы в одиночестве, не причиняя никому беспокойства.

Она встала рано, как и рассчитывала, пробралась на кухню, чтобы сварить кофе своими руками. Никакого суррогата для Ахмеда! Когда она принесла ему кофе, он поднял эти длинные, разбивающие сердце ресницы и улыбнулся ей. Легкие морщинки побежали вокруг его темно-коричневых глаз.

— Ты слишком добра ко мне, Нан,— сказал он на урду. Она поставила чашку возле него и опустилась на колени, чтобы потереться своей щекой о его лицо. Ахмед не признавал поцелуев, за исключением таких обстоятельств, каких она, хоть и испытывала при этом необычайное насла-

ждение, не хотела включать в свои теперешние планы.

— Вставай и быстро одевайся,— сказала она.— Я хочу показать тебе свое доброе чудовище.

— Чудовище?

— Ты увидишь.— Она выскользнула из его объятий и направилась под душ. Там она долго стояла под струей горячей воды. Сегодня ни в коем случае нельзя допустить головной боли.

Позже, когда она уже сушила волосы полотенцем, тихо подошел Ахмед и пробежал пальцами по узкому прямому шраму на голове.

— Милая Нан,— сказал он.— Столько выдержать, чтобы изучить урду. Я выучил его без такой операции.

Да, эта операция и принесла ей жуткие головные боли. Она на мгновение прижалась к нему, затем завернулась в полотенцу и улыбнулась.

— Сейчас у нас нет времени для ласк, если мы хотим увидеть чудовище в утреннем свете. Кроме того, я сделала операцию на мозге не только для того, чтобы изучить языки. Это помогло мне стать хорошей переводчицей.

— Мы в Пакистане такого не делаем,— сказал он.

Нан вышла из ванной и, занимаясь своими де-

лами, прислушивалась к кряхтенью и возгласам Ахмеда, который плескался под струей холодной воды. Нан серьезно думала об Ахмеде. Она была практичным человеком. Она не задумываясь пожертвовала бы материальными выгодами ради принципа или чувства, но при этом она хотела бы знать, ради чего жертвует, каковы ставки. А сейчас ставка была достаточно высока — ее любовь к Ахмеду. Болгария, как и Советский Союз, была одной из стран, экспортирующих продовольствие и лояльно относящихся к отсталым народам стран Блока Народов. И тем не менее, политические проблемы существовали и между ними. Нан и Ахмед редко могли видеться друг с другом, и единственный выход был в том, чтобы или ей или ему переменить гражданство. И Нан знала, что Ахмед не пойдет на это.

Насколько глубоко она хочет связать свою жизнь с милым пакистанцем? Сможет ли она жить в переполненных сонных городах Блока Народов? Она видела их. Они достаточно красивые. Но пища в основном растительная, полное отсутствие личных машин, замкнутость, погруженность в себя людей... Хочет ли она этого? Там приятно быть в гостях. Месяц, два... Но вся жизнь?..

Она быстро оделась, так ничего и не решив. Часть ее мозга контролировала ее действия, другая часть обдумывала планы на сегодняшний день конференции. Все-таки операция по расщеплению мозга прекрасная вещь. Она сильно расширяет функциональные возможности человека. Однако даже ее расщепленного мозга сейчас не хватало на мысли об Ахмеде. Она быстро прибрала постель, вымыла и убрала посуду и буквально вытащила Ахмеда за дверь.

Небо было ярко розовым, но солнце только-только появилось. Самое время, если они поторопятся. Она потащила его вниз по лестнице, не дожидаясь лифта. Они выбежали на двор и затем я пересечение двух бульваров. Здесь она остановилась и обернулась.

— Вот, видишь?

Ахмед прищурился от солнца.

— Я вижу собор,— кивнул он.

— Да, это собор. И чудовище.

— Чудовище? Этот собор?

— Да.

— Хм... Святой Стефан чудовище?.. О! Кажется, я понял. Вон те окна вверху, что глаза. А окна внизу — зубы.

— Он улыбается нам, ты видишь? А вон там

— уши и нос.

Ахмед уже смотрел не на собор, а на нее.

— Ты очень странная девушка. Интересно, какой ты будешь в Пакистане?

У Нан перехватило дыхание.

— Нет, нет. Пожалуйста, не говори так.— Она взяла его за руку.— Пожалуйста, давай просто гулять.

— Я еще не завтракал, Анна.

— У нас много времени.—Она повела его через парк к университету.—Ты простил меня за то, что я так плохо переводила тебе на болгарский язык? — она засмеялась.

— Я бы не узнал, что плохо, если бы ты не сказала мне.

— Это было очень плохо, Ахмед. Я посмотрела на тебя, когда ты говорил о Звезде Кунга, и совсем забыла, что нужно переводить.

Он взглянул на нее.

— Знаешь, что сам Наследник Мао заинтересовался звездой. Именно он выбрал название для планеты. Он был в обсерватории, когда была открыта звезда. Я думаю...

— Что ты думаешь, Ахмед?

— Я думаю, что должно произойти нечто необычное,— осторожно сказал он.

Она рассмеялась и погладила его щеку.

— Аня,— выдохнул он и остановился посреди бульвара.— Слушай меня. Ведь если меня не будет долгое время, ты же не забудешь меня?

— Пожалуйста, Ахмед, милый...

— Я знаю, это трудно,— сказал он, забыв, что они стоят у всех на виду.— Я знаю, что Пакистан — бедная страна. У нас нет возможности экспортировать продовольствие, как у вас или американцев. У нас нет нефти, как у Стран Ближнего Востока или Англии. Поэтому мы и присоединились к Блоку Народов.

— Я очень уважаю Пакистан.

— Ты была в Пакистане еще ребенком,— сказал он с горечью — Но можно быть счастливым даже в стране Блока Народов.

Проехал троллейбус, за ним, тихо шурша шинами, три длинных черных автомобиля. Нан затащила Ахмеда на тротуар, радуясь случаю сменить тему разговора. Главная трудность международной конференции, думала Нан, в том, что приходится встречаться со своими политическими противниками, которые иногда кажутся совсем не противниками. Она сейчас вовсе не имела в виду свой роман с Ахмедом. Она вовсе не желала иметь какие-то неудобства и страдания.

Она прекрасно знала, каковы ставки в этой игре. Как переводчик с четырех основных языков и дюжины менее значительных, она могла бы найти работу в любой стране, и особенно в странах Блока Продовольствия от Москвы до Канзас-Сити, от Рио до Оттавы. Она встречала тех, кто перешел в другие Блоки. Она видела в Сиднее девушку из Уэльса, даже в ее университете было две японки. Они жили с нею по соседству. Все они отчаянно старались приспособиться к жизни в новых условиях — все же сразу было видно, что они иные.

Однако нынешнее утро и Ахмед были слишком прекрасны для таких тоскливых размышлений. Одна часть ее мозга переключилась с беспокойства на размышления о планах на день, другая часть, которая воспринимала и интерпретировала происходящее вокруг, зафиксировала ее внимание на том, что она увидела.

— Смотри,— сказала она, стиснув локоть Ахмеда, чтобы привлечь его внимание.— Что там происходит?

Это случилось возле Мемориала Освобождение. Блондинка, которую она видела на одном из приемов, спорила с двумя милиционерами. Один держал ее за руку. Другой постукивал своей дубинкой по руке и что-то втолковывал мужчине,

по виду, профессору, который тоже скорее всего прибыл на конференцию.

Ахмед остался безучастным к этому. Он сказал:

— Американцы и болгары. Пусть жирные решают свои проблемы между собою.

— Нет, нет, — возразила Нан. — Может я смогу чем-нибудь помочь.

Но после долгих разговоров дело кончилось тем, что Нан Димитрова оказалась тоже арестована.

В этом была вина американки. Даже американцы должны знать, что не стоит отпускать шовинистические шуточки по адресу Красной Армии, если их может услышать полиция столицы самой русофильной страны. Но даже если американка и не знала этого, то она должна была бы знать, что ей не стоило бы настаивать на том, чтобы американский посол должен быть информирован об инциденте. До этого момента милиционеры ждали случая, чтобы закончить разговор и отпустить нарушителей. А когда был упомянут посол Америки, дело сразу приобрело международную окраску.

Единственный положительный момент в этой истории только то, что Ахмед не был замешан в ней. Нан отослала его прочь в самом начале. И

Ахмед охотно ушел. Остальных - двух американцев и Нан - препроводили в Народный Дворец Юстиции. Поскольку это было воскресение, им пришлось провести много часов на деревянной скамье, пока удалось собрать членов магистрата.

Никто не стоял возле них. И Нан была уверена, что никто их не остановит, если они поднимутся и выйдут из здания. Но она хотела, чтобы инициатива исходила с ее стороны. Американка тоже не желала воспользоваться шансом. Видимо, она руководствовалась своими принципами. А мужчина не уходил потому, что женщина оставалась. Нан с неудовольствием осмотрела их, особенно пышную американку, которая была чересчур откормлена даже для представительницы страны Блока Продовольствия. Да, подумала Нан, нам не приходится выбирать своих союзников. Мужчина ей понравился. Пожалуй он немного тощ по сравнению со своей партнершей по сексуальным развлечениям.

Время шло. Милиционер принес им тесты, крепкий чай. Постепенно совместное заключение немного сблизило их. Они уже оживленно болтали между собою, когда явились члены магистрата. Чиновники отказались вызвать представителей посольства и настоятельно посо-

ветовали в будущем руководствоваться здравым смыслом, которым Господь наградил людей, и пользоваться хорошими манерами, которым без сомнения обучили их родители. После этого они были отпущены с миром.

Они пропустили десятичасовое заседание конференции, а что еще хуже, не попали на ленч, устроенный для делегатов. Так как это был воскресный день, все рестораны в Софии были забиты народом, поэтому все трое остались без ленча.

Это был первый раз, когда эти трое встретились.

Вторая встреча состоялась позже и очень далеко от Земли.

Дэнни Дэйлхауз выяснил, что его доклад прочитал за него его коллега. Так что пропуск заседания вовсе не оказался катастрофой. Более того, в этом были даже свои преимущества. Он заручился обещанием Мэгги в том, что она постарается устроить ему место в экспедиции на Звезду Кунга.

И сидя в лайнере, который уносил его домой с конференции, Дэйлхауз сочинил официальное письмо Мэгги с просьбой зачислить его в штат экспедиции. К рассвету они уже были над

Лабрадором, и самолет летел плавно сквозь ночную мглу. Дэйлхауз в одиночестве съел свой завтрак - яйца и кофе - который ему приготовила стюардесса. После этого он сидел и рассеянно смотрел через иллюминатор на проносящиеся внизу облака. Он размышлял, какова же в действительности Звезда Кунга.

Глава 3

На следующий день после того, как Мэгги Меннингер вернусь в Вашингтон, она получила официальное письмо Дэйлхауза. Однако к этому времени она уже и сама начала работу по претворению проекта экспедиции в жизнь.

Из своей квартиры она позвонила государственному секретарю по культурным связям. Время уже было нерабочее, но Мэгги без труда связалась с секретарем. У нее были довольно близкие отношения с этим высоким человеком. Она была его дочерью.

Она коротко рассказала ему о том, как долетели, а затем сразу перешла к делу:

— Папа, мне нужна поддержка проекта межзвездной экспедиции

Короткое молчание. Затем он спросил:

— Зачем?

Мэгги почесала пупок, обдумывая свои аргументы. Ради увеличения знаний человечества? Ради потенциальной экономической выгоды Соединенных Штатов и стран Блока Продовольствия? Потому что она обещала Дэйлхаузу?

Каждый из этих аргументов имел смысл для той или иной части человечества, а последний был важен только для нее самой. Но Мэгги привела толь ко тот аргумент, который мог подействовать на ее отца:

— Потому что если не полетим мы, полетят эти сукины дети, пакистанцы.

— Сама? — даже за три тысячи километров Мэгги уловила скептицизм.

— Китайцы примут участие. Они очень заинтересованы.

— Ты знаешь, сколько это будет стоить?—Это не был вопрос, так как ответ они знали оба. Даже простая капсула с сообщением, весившая всего несколько килограммов, требовала затрат в пару миллионов долларов, если ее нужно было переправить из одной звездной системы в другую. А она требовала отправить по меньшей мере десять человек со всем снаряжением. Это обойдется в биллионы долларов.

— Много,—сказала она.—Но полет этого стоит.

Отец хмыкнул с восхищением.

— Ты всегда была расточительным ребенком, Мэгги. Как ты хочешь протащить это через комитет?

— Думаю, что мне это удастся. Оставь это мне,

папа.

— Хм. Хорошо, я помогу тебе со своей стороны. Что тебе нужно от меня сейчас?

Мэгги колебалась. Это была открытая телефонная связь, и она тщательно подбирала слова.

— Я попросила этого Паки прислать нам полный отчет. Конечно, если бы я первой ознакомилась с ним, это дало бы мне преимущества.

— Разумеется, — согласился отец. — Что еще?

— Пока я не ознакомлюсь с отчетом, я ничего не могу просить.

— Понимаю. А что вообще нового? Как тебе понравились наши смелые болгарские друзья?

Она рассмеялась:

— Полагаю, ты знаешь, что я была арестована?

— Я только удивляюсь, почему тебя не арестовывают чаще. Ты ужасная девчонка. Ты пошла совсем не в меня.

— Я скажу матери, что ты говоришь,— пообещала она и повесила трубку.

Вскоре она уже получила микрофильмированную копию доклада пакистанца, уже переведенную для нее. Она внимательно прочла все, делая заметки для себя, затем оттолкнула бумаги себя и откинулась в кресле.

Этот чертов пакистанец не рассказал и трети

того, что было в отчете. Он даже не упомянул о существовании трех основных форм жизни. По крайней мере три формы жизни живых организмов имели социальную структуру. Антроподы, затем существа, живущие в норах — теплокровные и мягкие, и, наконец, существе живущие в воздухе. Вернее, они проводили большую часть жизни в воздухе, но крыльев не имели. Они не были птицами, а поднимались в воздух с помощью воздушных баллонов, шаров.

Три формы социальной жизни! Может быть, одна из них окажется разумной настолько, чтобы создать цивилизацию!

Эта мысль привела ее к Дэнни Дэйлхаузу, к его докладу о первом контакте с разумной жизнью на субтехнологическом уровне. Она нашла его письмо и ухмыльнулась. Этот бедняга Дэнни даже не знает, чего просит. Ведь стоимость экспедиции семнадцать биллионов долларов.

Семнадцать биллионов долларов — это примерная стоимость Манхэттена... годовой доход многих стран... двухмесячные выплаты США за горючее... уйма денег.

Она положила бумаги в красную папку с надписью СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО и заперла их в сейф. Затем она стала пробивать то, что обещала

Дэнни Дэйлхаузу.

Много можно сказать о Мэгги Меннингер, но самое главное в ней то, что она всегда знает, что хочет.

А хотела она многого, причем самого разнообразного. Все ее желания были выстроены в ее мозгу стопочкой, по степени их важности. Третье или четвертое желание сверху было в данный момент менее важным, чем второе, а первое сверху было в данный момент самым главным, для выполнения которого Мэгги готова была применить все силы, все возможности.

Через неделю она должна была предстать перед Комитетом Сената по Космическим Исследованиям. Эту неделю она использовала для того, чтобы сообщить Дэйлхаузу, как изменить текст его письма, чтобы шансы на успех увеличились, а также заполнить пробелы в своем образовании.

Чтобы перебросить космический корабль с людьми из одной бездной системы в другую, необходимо вывести его на орбиту.

Тахионная транспортация была весьма элегантным достижением человеческой технологии. Как только капсула переводится определенное зарядовое состояние, она начинает подчиниться тахионным законам. Она теперь может двигать-

ся со скоростью, превышающей скорость света, преодолевая громадные расстояния за короткий срок. И для этого ей требуется удивительно мало энергии. Парадокс тахионного процесса заключается в том, что для медленного движения требовалось гораздо больше энергии, чем для движения с большой скоростью.

Самое главное и сложное — это изменить зарядовое состояние капсулы. Для этого требуется огромная платформа. Платформа очень дорогая, а кроме того, она очень тяжелая. Вывести платформу на орбиту чрезвычайно сложно. Нужно сжечь сотню килограммов горючего, чтобы перевести грамм вещества в тахионное состояние. А горючее — это горючее. Это может быть нефть, может быть что-то другое, заменяющее нефть.Во всяком случае, нужно сжечь полмиллиона метрических тонн нефти, чтобы послать десять человек и минимум аппаратуры к Звезде Кунга.

Полмиллиона метрических тонн!

Это не просто стоимость в долларах. Это четыре супертанкера, полных нефти, которые пришли из одной из нефтедобывающих стран. Интерблочный Комитет по Импорту и Ценам очень плохо относится к странам Блока Продовольствия и непрерывно повышает цены на нефть. Так что

стоимость экспедиции может возрасти до такой цифры, какую Мэгги и Дэйлхауз представить не могли.

Когда все цифры благополучно перекочевали из бумаг в ее голову, Мэгги закрыла свой сейф в кабинете в Вашингтоне. Она направилась в комнату 20! - Кабинет Слушания, понимая, что она подготовилась к разговору полностью.

Теперь перед нею находилось следующее препятствие. Мэгги терпеть не могла препятствий. Ее отточенный мозг рассекал проблему на части, и она концентрировала свое внимание на решении каждой из частей по отдельности. Проблема Комитета представлялась ей состоящей из четырех частей: председатель, лидер меньшинства, советник Комитета и Сенатор Ленц. Мэгги подготовила стратегию борьбы с каждым из них. Лидер меньшинства был другом ее отца, поэтому можно было оставить его отцу. Председатель лелеял мечту стать Президентом. Он всегда не упускал возможности поднять волны — ведь это была реклама. Так что с ним нужно держать себя поскромнее, чтобы ему казалось, что это он владеет инициативой.

После того, как она принесла присягу и прочла свой меморандум, председатель первым стал

задавать вопросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну, мадам, уверен, что ваши намерения самые лучшие, но вы знаете, сколько приходится нам здесь, на Холме, работать, чтобы снизить дефицит?

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Конечно, Сенатор.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И вы ждете, что мы дадим вам Бог знает сколько биллионов долларов на этот проект?

Это звучало оптимистично. Он не сказал, сумасшедший проект, или что-нибудь похуже.

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Я не жду, Сенатор. Я надеюсь на это. Я надеюсь, что Комитет одобрит проект, так как по моему мнению, все расходы, вложенные в него, со временем многократно возместятся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы не можем тратить деньги налогоплательщиков на надежды.

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Я знаю это и ценю. Я прошу деньги не на надежды. Это реальность, расчет. Не только мой, но и коллективный расчет хорошо информированных экспертов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы получаем много проектов, которые базируются на весьма авторитетных оценках. Мы не можем финансировать все проекты.

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Конечно, Сенатор. Я не появилась бы здесь, если бы не была уверена в вашей компетентности и здравом смысле.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну и что же. Кто-нибудь из моих коллег хочет задать вопросы?

Конечно, они хотели. Вопросов было много, но мало из них по существу. Самые значительные люди, сенатор Ленц и лидер меньшинства держались в тени, ожидая своего часа. Остальные старались выговориться, чтобы их имена попали в отчет о заседании, что укрепило бы их положение.

Самую сложную проблему представлял главный советник. Он был умен. И его основной задачей было сделать так, чтобы Комитет не попал в какую-нибудь неприятную историю. А задача Мэгги в данном случае заключалась в том, чтобы для Комитета сказать "да" сулило меньше неприятностей, чем сказать "нет".

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Вы говорите о том, что вложения будут возмещены. Вы имеете в виду реальные ценности или нечто абстрактное — знания или тому подобные ирреальные штучки.

КАПИТАН МЕННИНГЕР. О, и то, и другое.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Да, м-с Меннингер? Доллары вернутся?

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Исходя из прошлого опыта и наших знаний о планете, да. Определенно, да.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Можете вы сказать, в каком виде вернутся доллары?

КАПИТАН МЕННИНГЕР. В широком смысле, могу. Из всех сообщений ясно, что там имеются ценные сырьевые ресурсы. А кроме того, присутствие разумной жизни. Разумеется, пока что это только показания приборов.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Насколько я знаю, интерпретация показаний приборов всегда вызывает споры.

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Совершенно точно. И именно поэтому следует направить на планету экспедицию. Экспедиция должна точно выяснить то, что другим способом выяснить мы не можем. Если бы мы точно знали, что найдем там, то не стоило бы Ссылать людей. Но тут есть и другая, более важная причина для посылки экспедиции. Эта причина — приоритет, лидерство.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Лидерство?

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Все страны, экспортирующие продовольствие, видят в нас лидера. Я не думаю, что кто-то из нас хочет обмануть их надежды. Такая возможность выпадает раз в

жизни. Я здесь потому, что не хочу брать на себя ответственность за то, что мы упустим ее. Пусть комитет проанализирует все и примет на себя эту ношу.

Так как на открытой сессии ничего не решалось, Мэгги была уверена, что у членов комитета будет время все обдумать и понять, что эту ношу комитет может скинуть с себя только если проголосует за принятие проекта.

Однако Мэгги не забывала о том, что главным дирижером событий был Джианпаоло. Он был слишком умен, чтобы закончить это заседание на той ноте, которая удовлетворила бы Мэгги. Он стушевал ее драматическое заявление с помощью выуживания из нее самых разнообразных технических данных: ...да, мистер Джианпаоло, я знаю, что сила тяжести, давление выше, чем на Земле, на несколько процентов. Но количество кислорода то же самое... Он расспрашивал ее о непрерывном выделении газообразных веществ на холодной части планеты, о резервах внутреннего тепла, он долго дискутировал с нею по поводу, какова классификация планеты по последнему каталогу ОАО: Бес-бес Джеминорум 8326 или Бес-бес Джеминорум 8426, так как в ее отчете были приведены оба обозначения. Види-

мо машинистка сделала ошибку. Эта дискуссия длилась так долго, что даже председатель запротестовал. И затем, вполне удовлетворенный тем, что ему удалось усыпить половину аудитории, он попросил десятиминутный перерыв, после которого снова бросился в атаку.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Капитан Меннингер, я уверен, что вам известно, сколько стоит запуск тахионного корабля. Во-первых...

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Да, сэр. Конечно, знаю.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Вы же понимаете, что это громадные деньги. Корабль будет стоить не менее шести биллионов долларов.

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Да, сэр. Но как заявил вице-президент на Десятой Ассамблее Всемирной Конференции по Экзобиологии, у нас уже есть такой корабль. Он может быть использован для выполнения самых разнообразных миссий.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Но как сказал вице-президент, время использования корабля полностью расписано. И тем не менее вы настаиваете на отправке экспедиции на... как называется планета?

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Сын Кунга. Хотя это еще не официальное название.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Надеюсь, что нет. Но эта экспедиция означает прекращение исследования

Проциона V. А вы знаете, что, по предварительным данным, эта планета имеет очень тверда ядро и, следовательно, перспективна с точки зрения добычи урана для наших энергетических установок.

Англичане запустили эту утку. Они заверили всех, что в соответствии с существующими международными соглашениями они сделают данные всех своих исследований Проциона доступным всем. Это будут общие знания.

КАПИТАН МЕННИНГЕР. Да, сэр. Но вы же знаете, что Добыча урана на Процион, очистка его и доставка на Землю будут обходиться очень дорого. С этой точки зрения Бес-бес Джеминорум гораздо более перспективна.

Мр. ДЖИАНПАОЛО. Да, капитан Меннингер. Мы уже выслушали вашу точку зрения по этому вопросу.

Такой конец был обнадеживающим. Англичане не сообщили, но и Мэгги и Джианпаоло знали, что приборы не обнаружили никакой ионизирующей радиации на Процион. Может там и был уран, но на глубине тысячи метров. Мэгги подробно ознакомилась со всеми официальными и не официальными отчетами.

Так что теперь она была вполне удовлетворена

тем, что события двигались в нужном ей направлении. Оставалась еще проблема сенатора Ленца. Он был твердым орешком и играл большую роль и здесь, в комитете, да и в сенате тоже. С ним нужно было поработать индивидуально и в частном порядке. Мэгги уже кое-что придумала для него.

Она решила возвращаться в Хьюстон кружным путем, через Денвер. Отец отвез ее в аэропорт Даллеса в своем автомобиле.

Впрочем, это был не его автомобиль. Он принадлежал государству. Как и сам Годфри Меннингер, если хорошенько подумать об этом. Автомобиль был и свидетельством его положения, и необходимостью. Дважды в день служащий связывался с электронной системой автомобиля, чтобы убедиться, что автомобиль вместе с Меннингером не взорван и не похищен.

— Ты прекрасно вела себя на слушании,— сказал он дочери.

— Благодарю, папа. И спасибо за доклад пакистанца.

— Нашла в нем, что хотела?

— Да. Ты поговоришь с лидером меньшинства?

— Уже.

— И?

— О, с ним все ол райт. Если ты пройдешь Гуса

Ленца, я думаю, что комитет у тебя в кармане. На слушании они молчали.

— Я и не ждала, что он будет говорить.

Отец подождал, но так как Мэгги не продолжала, он не стал задавать вопросы, он сказал:

— Относительно твоего друга пакистанца есть еще сведения. Он имел встречу в Кушу и с весьма значительными людьми.

— Кушуи? Где это черт побери?

— Как бы хотелось знать больше об этом, чем знаю я. Это местечко в провинции Синкянь. Пока у нас нет полных сведений о встрече. Это городок поблизости от Лоб Нора и не очень далеко от большого радиотелескопа. Сам Наследник Мао был в прошлом году там раз пять или шесть.

— Похоже на то, что они что-то замышляют.

— Вероятно. Я верю в твои оценки ситуации. И лучшее доказательство твоей правоты то, что Наследник Мао решил сделать то, о чем ты просишь нас.

— Дерьмо!

— Не беспокойся. Я уже сообщил это лидеру меньшинства, я не сомневаюсь, что тот обо всем доложит Джианпаоло. Так что это сработало в твою пользу.

— Но я хочу быть первой!

— Первые не всегда снимают сливки, милая. Сколько людей открывали Америку до того, как Англия положила ее себе в карман? Но расскажи мне, что интересного в этой планете?

Мэгги смотрела на проносящиеся мимо пригороды Вирджинии — высокие дома, окутанные сетью солнечных батарей.

— Все в докладе Ахмеда Дуллы, папа.

— Я не читал его.

— Жаль. Это маленькая звезда со множеством мелких планет. Но есть одна планета размером с Землю. Чуть меньше сила тяжести, чуть плотнее атмосфера. Это настоящее богатство, папа. И там есть жизнь.

— Мы и раньше находили жизнь.

— Мхи и амебы? Здесь совсем другое. Там настоящая жизнь. Скорее всего, разумная. И, может быть, там уже есть цивилизация. Но планета интересна и в другом смысле.

Она почти задохнулась от возбуждения.

— Эта планета не вращается. Она ведет себя, как наша Луна — всегда повернута к звезде одной стороной. Так что на одной стороне планеты вечный день!

Отец слушал ее внимательно, почесывая живот. Когда она замолчала, чтобы перевести дух,

он сказал:

— Подожди минутку.— Он наклонился и включил радио. Даже в служебном автомобиле Год Меннингер не хотел рисковать. Под завывание электрогитар он сказал: — Ты должна знать еще кое-что. Страны Блока Горючего ведут между собой переговоры о шестидесятипроцентной надбавке на цены за нефть.

— Боже, папа. Значит мне уже никогда не пить скотч?

— Нет, на этот раз не Англия. Это китайцы.

— Но они же экспортируют народ, рабочие руки!

— Они экспортируют все, что им хочется, — поправил отец. — Единственная причина, которая привела их в Блок Народов, это то, что там они могут играть первую скрипку. Наследник Мао играет свою игру. Он объявил, что сам повысит цены независимо от результатов голосования блока. Саудовцы, индонезийцы и прочая мелочь поддерживает его. Они тоже хотят играть в игру вместе с большими мальчиками. — Он задумчиво помолчал. — Так что твоя просьба о полумиллионе тонн нефти несколько несвоевременна.

— Понимаю. А что же мы собираемся делать? Я не имею в виду мой проект. Я имею в виду

страну.

— Что мы не собираемся делать,— угрюмо сказал он,— так это поднимать цены на зерно. Мы не можем. Хитрость Наследника Мао заключается в том, что он поднимает цены только на экспорт горючего. Внутри Блока цены останутся низкими. Так что их затраты на ирригацию и прочее будут низкими. И внутренние цены на зерно тоже. Если мы поднимем цены, то они просто откажутся покупать его. Мы, конечно, выдержим это. Но Советы, Индокитай, бразильцы... их экономика потерпит крах. И тогда блок разрушится. Именно этого и добивается Наследник Мао.

Он припарковал автомобиль возле аэропорта. Прежде чем выключить радио, он сказал дочери:

— Если ты хочешь протолкнуть свой проект, действуй быстрее.

Мэгги выскользнула в сырой теплый воздух. Вдали темнели вздыбленные хвосты лайнеров. Некоторые из них разогревали моторы и в воздухе стоял гул.

Мэгги пошла за отцом, который подхватил ее сумки и направился к терминалу.

— Папа,— сказала она.— Но я могу сказать об этом сенатору?

— Нет, нет! Может он и сам уже знает об этом,

но ты-то не должна знать!

Она расхохоталась.

— Ну, ладно, придется действовать по-другому. Постой, папа. Я не полечу рейсом на Хьюстон.

— Почему?

— Я полечу по другому маршруту.

Меннингер поцеловал дочь на прощание возле стойки, где шла регистрация пассажиров на Денвер. Он смотрел, как она исчезла в туннеле со смешанным чувством восхищения и опасения за нее. Он хотел спросить ее, как она собирается обрабатывать сенатора Ленца, но не стал. Этим же рейсом летел и сам Ленц.

Потому что полет был ночной, самолет задержался здесь на двадцать минут для дозаправки и прогрева. Пассажиры поднялись на борт. По салону сновали стюардессы, рассаживая пассажиров. Моторы работали, нагоняя теплый воздух в салоны.

Мэгги воспользовалась случаем, чтобы умыться, причесаться, подновить косметику. Она видела, что сенатор тоже поднимается в самолет. Она подумала, стоит ли ей сменить форму на что-нибудь женственное, затем решила, что не стоит. Это будет выглядеть расчетливым действием, а Мэгги всегда рассчитывала действия так, чтобы

не выглядеть расчетливой.

Гул моторов несколько стих, и пассажиры стали пристегиваться ремнями для взлета. Самолет несколько раз тряхнуло, и он стал плавно набирать высоту.

Через некоторое время Мэгги встала с кресла и пошла к стойке, чтобы заказать себе выпить. Через пару минут к ней присоединился улыбающийся сенатор.

Сенатор, несмотря на свой авторитет в сенате, был немногим старше сорока лет. Но выглядел моложе. Он уже дважды разводился. Его избиратели в Колорадо посмеивались над его невезением в семейной жизни, но исправно переизбирали его. Он мог бы стать председателем собственного комитета, но предпочел участвовать в других комитетах, где было более интересно — и где он был больше на виду. Этот парень Гус мечтал стать президентом США и все знали это.

— Мэгги,— сказал он.— Я предчувствовал, что это будет приятный полет, но только сейчас догадался о причине.

Мэгги похлопала по сиденью кресла рядом.

— Вы дадите мне семнадцать биллионов?— спросила она.

Ленц рассмеялся:

— Вы не теряете времени, Мэгги.

— У меня нет времени. Блок Народов собирается сам наложить лапу на планету, если мы не решимся. Впрочем, они полетят в любом случае. Это гонки.

Он нахмурился, кивнул на стюардессу — маленькую, смуглую. Она носила форму Юнайтед Эрлайнз как сари. Когда им принесли заказ, он сказал:

— Я выслушал все, что ты сказала, Мэгги. Это звучит неплохо. Только не знаю, стоит ли это семнадцать биллионов долларов.

— Есть еще кое-что, чего вы не имели возможности прочесть! Вы обратили внимание на ту часть, где говорится о том, что планета имеет свое солнце?

— Не уверен.

— Оно маленькое, но совсем недалеко. Оно излучает в основном на низких длинах волн. Света мало, но много тепла. И планета постоянно повернута к светилу одной стороной.

— И что?

— Энергия, сенатор. Солнечная энергия. Весьма экономично.

— Не совсем понимаю, о чем вы говорите. Значит, это солнце горячее, чем наше?

— Нет, не горячее. Но ближе. И самое главное, оно не двигается относительно планеты. Какова основная проблема с солнечной энергией у нас? Солнце постоянно перемещается по небу. А половину суток вообще скрывается за горизонтом. А там, Гус, там же никогда не бывает ночи!

Ленц кивнул, немного выпил из бокала, ожидая продолжения.

— Там не бывает темноты, не бывает зимы. Больше того, даже облака там не помеха для приема солнечной энергии.

— Разве там не бывает облаков? — удивился Ленц.

— Бывают. Но длина волны излучения такова, что облака не могут служить экраном. Они пропускают энергию беспрепятственно. На Земле мы можем использовать не более десяти процентов солнечной энергии, так мы будем использовать все сто.

Ленц задумался на мгновение.

— Интересно,— осторожно сказал он и жестом показал, чтобы им наполнили бокалы.

Мэгги не стала мешать ему обдумывать все услышанное, раскладывать в мозгу по полочкам. Скоро он спросит, что даст эта энергия в сотне световых лет от Земли его избирателям в штате

Колорадо. Она уже подготовила ответ на это, но предпочитала подождать, пока он спросит.

Но когда он спросил, вопрос захватил ее врасплох.

— Мэгги, что ты имеешь против этого пакистанца?

— Пакистанца? Нет, ничего.

— Кажется, ты слишком серьезно относишься к этому соревнованию.

— Но не на личном уровне, Гус. Я, конечно, не люблю пакистанцев, но с некоторыми у меня дружеские отношения. С одним пакистанцем я училась в Уэст-Пойнте. Ничего парень. Гладил мою форму и никогда не мозолил глаза мне, если чувствовал, что я не хочу видеть его.

— Понятно,— заметил Ленц.

— Да, да,— Мэгги призадумалась.— Так что я против Ахмеда вовсе не потому, что он пакистанец. Я против пакистанцев потому что они на другой стороне. И ничего не могу поделать с этим. Я пустила корни в своей команде.

— В какой, Мэгги? В Блоке Продовольствия? В США? Или ты имеешь в виду женщин офицеров Армии США?

Она хихикнула.

— Все. И именно в этом порядке.

— Мэгги,— серьезно сказал он.— Тебе не кажется, что мы слишком много пьем? Я не хотел бы решать серьезные вопросы в таком состоянии.

— А почему нет, Гус? Закажи еще пару порций и мы поговорим обо всем.

Он повиновался. Пока им готовили выпивку, он сказал:

— Ты хорошая девушка, Мэгги. Но только немного кровожадная. Жаль, что ты училась в Уэст-Пойнте.

— Ты не прав, Гус. Жаль, что так мало молодых американцев идет в Армию.

Он покачал головой.

— Я голосовал за то, чтобы упразднить военные академии и урезать военный бюджет.

— Я знаю. И осуждаю тебя.

— Ты не права. У нас нет выбора. Мы не можем рассчитывать на войну, Мэгги. Разве ты не понимаешь этого? Даже пакистанцы могут стереть нас с лица Земли. Не говоря уже о китайцах, турках, поляках и остальных из Блока Народов. И не говоря об англичанах, саудовцах, венесуэльцах. Мы не можем победить никого. Впрочем, в этой войне не победит никто. И все это знают. Они не враги нам...

— Но они же соревнуются с нами, сенатор,—

сказала капитан Меннингер, выпрямившись и тщательно подбирая слова.— Экономически. Политически. И во всех остальных отраслях жизни. Вспомните Клаузевица: война — это логическое продолжение политики. Нет, я понимаю,— быстро сказала она,— что мы не можем заходить так далеко. Мы не хотим уничтожить планету. Я знаю, о чем вы говорите. Это, как сказал один русский космонавт... как же его фамилия? А, Севастьянов. Это было очень давно. "Когда я был в космосе, я видел, как мал наш мир. И я понял, как важно для всех нас научиться жить вместе". Вот так, Гус. Но научиться жить вместе не означает, что некоторые народы будут жить получше, другие — похуже. Вот последний факт! Люди Блока Горючего поднимают цены. Люди Блока Народов требуют большей оплаты на экспортируемых рабочих, иначе их не выпустят за границу, и что мы тогда будем делать без рабочих рук? И мы сопротивляемся. А когда я сражаюсь, Гус, я сражаюсь до конца. Я сражаюсь, чтобы победить. Я играю, чтобы выиграть. И сейчас я хочу выиграть Звезду Кунга. Я знаю, что на планете есть много полезного для нас. И я хочу, чтобы она служила нам. Нам — это значит Техасу, городу Хьюстону. И многому другому, чему служу я. Я хочу, чтобы

то, чему я служу, было всегда первым, преуспевающим, лучшим во всем. Я думаю, что это и есть патриотизм, сенатор. Сомневаюсь, что вы на это сможете возразить.

Он задумчиво посмотрел на нее поверх бокала, затем поднял его.

— За вас, Мэгги. Вы настоящая железная леди.

Она засмеялась.

— Ол райт,— сказала она, смягчившись.— За это я выпью. А как насчет моих денег?

Ленц выпил вино и поставил бокал.

— Хочешь ты этого или нет, но все мы только часть сообщества. И предлагать мне свой проект, это не значит предлагать его всему сообществу. Мы должны сотрудничать со всеми странами Блока.

— Чепуха, Гус. Мы же заплатим за все!

— Да, во всяком случае девяносто процентов.

— Почему бы нам не заплатить все и не взять все в свои руки?

— Потому что,— раздельно сказал он.— Потому что я не буду голосовать за это.

Мэгги долго молчала, оценивая приоритеты. Затем пожала плечами.

— Пусть так,—сказала она.— Я не возражаю, если мы примем в игру несколько пешек. Канад-

цев. Бразильцев. Может быть, болгар. К тому же, я знакома с одной болгаркой...

И тут она остановила себя. Ей пришла в голову мысль, что она все же обязана этой Нан Как-Там-Ее-Фамилия, но одновременно она вспомнила, что эта болгарка была близка с тем самым Паком...

— Нет,—сказала она.— Подумав, я решила, что болгары нам ни к чему. Может взять парочку из Советского Союза? Если мы пошлем десять человек и шесть из них будут самые чистокровные Мэйд ин ЮэСЭй, то я буду довольна.

— Хм.— Ленц задумчиво смотрел на нее. Самолет потихоньку начинал снижение.— Посмотрим,—сказал он.— Что же мы будем делать с этой ночью, которую Бог подарил нам, Мэгги? Уже слишком поздно, чтобы усиленно думать, и слишком рано, чтобы идти спать. Хочешь посмотреть на звезды просто так?

— Именно это я хочу,— ответила она, допила бокал и поднялась. Они прошли через салон в переднюю рубку и встали, опершись о поручни и глядя сквозь стекло. Самолет летел над Холмами Западной Вирджинии. Впереди над горизонтом плыла торжественная Венера. Немного погодя Ленц обнял Мэгги одной рукой.

— Просто проверяю,— сказал он,— насколько ты железная леди.

Мэгги прильнула к нему достаточно охотно. Ленц не был большим мужчиной. Не был он и красивым, но он был теплый, мускулистый, и рука его приятно согревала. Существуют гораздо более низкие способы борьбы за голоса в сенате, чем этот, подумала она, поворачивая к нему лицо с приглашающими губами.

Ленц сделал все. Полный состав Комитета одобрил проект и через три месяца в жаркий полдень Мэгги была вызвана из отряда по телефонному звонку высшего приоритета. Она не мылась уже три дня. Летние полевые маневры проводились в условиях, максимально приближенных к боевым. Она была вся потная, грязная, в глине. Она знала, что от нее пахнет совсем не духами. Кроме того, ее отряд готовился к атаке высоты, захват которой она сама готовила. Так что к телефону она подошла в очень плохом настроении.

— Капитан Меннингер! — рявкнула она — И, черт побери, позаботьтесь, чтобы вызов был действительно важным!

В ушах ее раздался смех отца.

— Ты сама решишь,—сказал он весело.— Десять

минут назад Президент подписал билль.

Мэгги буквально рухнула в кресло сержанта.

— Боже, папа! Это так здорово!

Она смотрела на стены командного трейлера, не видя их, и думала, что сейчас для нее более важно — вернуться к отряду, штурмующему высоту, или сейчас же позвонить Дэнни Дэйлхаузу.

— ...Что?—она вдруг поняла, что отец говорит что-то.

— Я сказал, что у меня для тебя есть еще новости. Не вполне радостные. Это насчет твоего Пака.

— Что с ним, папа?

— Дело в том, что он собирался на каникулы, помнишь? Так вот, он отправился на прошлой неделе.

Глава 4

Пилотом был Виссарион Ильич Капелюшников. Он был низеньким, смуглым — таковы были традиции космонавтов. В числе его предков было гораздо больше евреев, чем это можно было предположить по его фамилии. Инженер экспедиции тоже был советский, но высокий, с вьющимися волосами. Его звали Петя Кристин. Номинальным командиром экспедиции был американец Алекс Вудринг. Сейчас они все говорили одновременно. Алекс пытался рассудить двух русских. Помогала ему Харриет Сантори, переводчица. Однако она плохо ему помогала, и командир никак не мог примирить двух спорящих. Капелюшников хотел опустился на планету и начать исследования. Кривитин же хотел изучать указания пробных зондов, чтобы выбрать место для посадки. Харриет требовала от них, чтобы они, ради бога, вели себя, как взрослые люди. Трудность Вудринга состояла в том, что пока они не приземлятся, капитаном был Капелюшников, а он, Вудринг обладал только формальной властью, и весь этот шум продолжался уже больше часа.

Дэнни Дэйлхауз проглотил желание вмешаться в спор. Он ослабил пристяжные ремни и посмотрел в иллюминатор. Вот она планета. Она заполнила весь иллюминатор. До нее всего лишь сотни тысяч километров. Это уже не "вдали", а вот тут, "внизу". И вот они там спорят, но никто из них не знает, что участвует в его экспедиции. Ведь ничего бы не было, если бы он не смог убедить эту блондинку и армию поддержать экспедицию.

Кто-то сказал ему в ухо:

— Как ты думаешь, мы когда-нибудь сядем на планету?

Дэнни обернулся. Это была Спарки Кербо, довольно приятная женщина, но после того, как они все вместе провели девятнадцать дней в пространстве в двадцать кубических метров, им было трудно выносить друг друга.

— Планета очень оригинальна. Она не похожа ни на что.— Спарки продолжала говорить, явно делая усилия быть дружелюбной.

Дэйлхауз заставил себя ответить. Она ведь не причем, что Дэнни не выносил звука ее голоса, не мог слышать ее голос, ощущать ее запах. А кроме того, она действительно была права. Сын Кунга действительно не был похож ни на одну планету. Дэнни знал, как должны выглядеть планеты.

Некоторые из них были красные и мутные, как Марс. Некоторые были молочно-белыми, как Венера. Эта планета даже не пыталась выглядеть правильно.

Но в этом была вина не планеты, а самого Кунга. Он был некомпетентен, как звезда. Если бы Сын Кунга вращался вокруг земного солнца, он выглядел бы великолепно. Он имел бы все краски земли. А здесь планета не имела настоящего солнечного света. Кунг едва тлел. Он был лишь немного ярче, чем земная луна. Так что Сын Кунга получал от своего светила кроваво-красный свет и отсюда, из космоса, был похож на открытую рану.

Отсюда даже невозможно было различить, какая сторона планеты дневная, а какая ночная. Можно было только угадывать переход от темного к очень темному. Кривитин заверял их, что как только они будут на поверхности, глаза их быстро приспособятся, и они будут видеть нормально.

Однако отсюда это выглядело весьма сомнительным. И ради этого, подумал Дэнни, я бросил прекрасную работу в Мичигане.

Русский язык достиг своего крещендо в перепалке, и внезапно спор утих. Кривитин, улыбаясь так, как будто такие жаркие споры были не боль-

ше, чем невинная дружеская болтовня о погоде, занялся аппаратурой. Затем посмотрел на Дэнни и Спарки.

— Сара, дорогая,—сказал он на прекрасном английском языке.—Тебя ждут в главной каюте. Тебе тоже лучше идти туда, Дэниел.

— Мы будем садиться?—спросила Спарки.

— Нет, нет. Капитан наконец понял необходимость перейти на другую орбиту.

— Дьявол! — кратко выразилась Спарки. Ею тоже владело страстное желание поскорее оказаться на твердой почве. Дейлхауз полностью разделял ее чувства. Значит, им болтаться здесь еще день, по меньшей мере.

— Да, я согласен, — сказал Кривитин — Но Алекс хочет, чтобы он снова попытался поймать сигналы Пипов *(Пипы — сокращенное от Пипл — представителей Блока народов).*

Харриет стала жаловаться, что Дейлхауз не стал слушать. Он отстегнул ремни и достал кассеты с информацией, которые спрятал на случай перегрузок при посадке. Он включил магнитофон, вставил в ухо наушник. Послышалось шипение ленты, случайные щелчки и далекий угрюмый вой. Это были звуки, посылаемые посадочным зондом. Его миссия заключалась в том, чтобы

обнаруживать биологические объекты и исследовать их во встроенной лаборатории. Однако его микрофоны воспринимали звуки, которые приходили снаружи. Дэнни пожал плечами, остановил магнитофон и сменил кассету. Эту он слышал уже раз пятьдесят.

На этот раз звуки стали громче и чище. Это был уже нейтральный аппарат-исследователь. У него имелся локатор двуокиси углерода. Как самка комара, которая ищет кровь, чтобы оплодотворить яйца, аппарат дрейфовал до тех пор, пока не обнаруживал двуокись углерода. Затем он летел по следу, пока не находил источник. После этого аппарат кружился поблизости, засекая и передавая эти звуки. Но какие звуки! Иногда они были похожи на звуки труб большого оркестра, иногда — на крики ребятишек, занятых азартной игрой. Дейлхауз идентифицировал по крайней мере двенадцать фонем. (Дейлхауз записал частотный спектр — от единиц герц, которые человеческое ухо не способно воспринимать, до звуков, издаваемых летучей мышью). Это не были крики птиц. Это был язык, Дэнни в этом был непоколебимо уверен.

Внезапно на него потянуло теплом. Дэнни повернулся к иллюминатору. В иллюминатор

вплыл тускло-красный Кунг. Дэнни опустил темный экран. Конечно, смотреть на звезду было не опасно, но можно было обжечь обнаженную кожу.

Теплота охватила его, и сразу захотелось спать. А почему нет? — подумал он. Он выключил магнитофон, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и приготовился уснуть. Но вдруг Услышал свое имя.

— Дэйлхауз! Кривитин! Ди Паоло! Все на корабле. По местам!

Он стряхнул с себя сон, пожалел, что нет под рукой чашки кофе и пошел в рубку. Алекс Вудринг сказал ему:

— Тебе нужно посмотреть это. Пипы передали еще один отчет Харриет записала его на ленту.

Дейлхауз придвинулся поближе к экрану, чтобы лучше видеть. На экране было растение красного цвета необычной формы с грушеподобными плодами, свисающими с его ветвей.

— Перемотай ленту, Харриет,— нетерпеливо сказал Вуд. Изображение на экране подпрыгнуло и погасло.

Затем на экране появилось новое изображение. Сначала Дейлхауз подумал, что он видит еще одно растение Кисига — вероятно, пустынное

растение. Красные и желтые шары росли из чего-то, что Дейлхауз принял за губку... А затем это шевельнулось!

— Боже! — прошептал кто-то. Дейлхауз почувствовал, как комок подкатил к его горлу.

— Что это?

— Мне кажется, что это похоже на белую мышь,—сказал Моррисей, биолог.

— Но что произошло?

— Произошло то,— сказал биолог с оттенком профессионального превосходства,— чего я сам еще не понимаю. Пипы передали речевое сообщение в зашифрованном виде.

— Но ведь они обещали делиться информацией,— рявкнул Дейлхауз.

— Ну что же, они и поделятся. Я полагаю, что наследник Мао дал указание опубликовать отчет на сессии ЮНЕСКО. А затем, после того, как копия попадет в Нью-Йорк, она будет передана нам. Но это будет не скоро. Но то, что мы видели, достаточно для того, чтобы понять — Клонг не такая гостеприимная планета, как нам бы хотелось. Я...

Он помолчал, затем продолжал:

— Я не думаю, что то, что мы видели — то, что произошло с подопытной мышью,— инфекционное заболевание. Я не могу себе представить

микроорганизм, так быстро приспособившийся к нашей биохимии. Я думаю, что мы также ядовиты для них, как и они для нас. Поэтому мы будем есть только свою пищу и ничего больше.

— Значит, мы все же будем садиться? — спросила канадский инженер-электронщик.

Капитан Капелюшников сказал по-русски:

— Да!

Он кивнул, затем пробормотал что-то переводчице, которая сказала:

— Он говорит, что мы для этого прилетели сюда. Он сказал, что мы предпримем все меры предосторожности. Посадка будет со следующей орбиты.

Дэйлхауз снова прокрутил странные песни зонда-комара, но вся аппаратура для серьезных исследований была уже упакована. Теперь уже не было смысла снова доставать ее. Как бы убить время? Засыпая, он думал о планете. Как же назвать ее? Кунгсон, Дитя Кунга, Сын Кунга. Клонг — Сын Кунга — так окрестил планету кто-то из американцев. Но это неудачное название.

Когда Дэнни проснулся, ему вручили тюбик с густой желеобразной массой. Нужно намазать все тело и одежду. Это должно предохранить от инфекции на первое время, пока мы не сориен-

тируемся, что и как.

Затем он снова оделся и стал ждать. Электронщик засекал все источники излучения на планете и наносил их на карту солнечной стороны Клонга.

— Кажется, передают две станции,—прокомментировал Дэйлхауз.

— Да, я думаю, это базовый лагерь, а это поисковый отряд. Вот здесь база Пипов,— она коснулась ногтем до точки, расположенной на берегу большого залива.— А вот здесь другая станция.— Это было на другом берегу залива.— Мы знаем, что это их база. Мы фотографировали ее с орбиты. Кажется, что они даже еще не устроились по-настоящему. Это импульсно-кодовые сигналы научной информации, которые принимаются тахионными приемниками, а затем передаются на Землю.

— А что на другой стороне залива?

— Больше ничего. Есть стойбище каких-то антропоидов. Но радио у них, конечно, нет.

Она сняла датчик с виска и протянула его Дэйлхаузу.

— Послушай этот сигнал.

Дэйлхауз прикрепил датчик. Звук оказался частью двутональным. Он повторялся снова и

снова.

— Печальный звук,— сказал он.

Женщина кивнула.

— Я думаю, что это сигнал отчаяния,— сказала она.— Только на него никто не откликается.

Глава 5

Что можно сказать о человеке, подобном Шарн-игону, что сделало его бы облик четким и понятным? Может, сделать это кружным путем, методом аналогии? Примерно так?

Представьте себе ласкового и веселого человека, которого любят дети, который танцует польку, читает елизаветинские стихи и знает, почему Тибальди величайший мим из всех, кто когда-либо жил на Земле.

Это и есть Шарн-игон?

Нет. Это просто аналогия. А предположим, что вас спросят, видели ли вы когда-нибудь этого человека. Вы задумываетесь, будете перебирать в памяти все свои встречи. Нет, скажете вы, приложив палец ко лбу, думаю, что мы никогда не встречались. И предположим, что мы вам скажем: но все же вы встречались! И это было неделю назад, в понедельник. Он ехал на автобусе А-37, на который вы сели от своей станции. И вы опоздали на встречу с налоговым инспектором, потому что этот человек не разменял вам пятидолларовую банкноту.

Что вы скажете тогда? Возможно, вы скажете: "Ну, конечно! Я прекрасно все это помню!" Но это был совсем не тот приятный человек, которого вы обрисовали. Это был водитель автобуса. То вот так это может быть, если говорить о Шарн-игоне. Достаточно легко представить себе, что вы встречались с ним. Давайте уставим мысленный эксперимент, к чему он приведет. Предположим, что вы находитесь где-то вне времени и пространства, как некий герой Уэллса. Вы смотрите на него со своего облака. Ткните своим пальцем в бесконечность. И вы притронетесь к планете Шарн-игона, вы откроете его для себя.

Что вы увидите?

Один попытается описать его, сказав, что он консерватор, глубоко моральный и фундаментально честный. Другой отвергнет все ваши заявления и скажет, что Шарн-игон буквально кричит от неизлечимой душевной боли.

Но может случиться так, что вы при первом взгляде ахнете и отдерните палец. И скажете:

— Боже! Это же не человек. Это чужое существо! Оно живет на планете, расположенной в тысяче световых лет от нас. Планета вращается вокруг звезды, которую мы никогда не видели. И кроме того, это существо ужасно! Если бы меня

спросили, на что оно похоже, я бы сказал — и не погрешил бы против истины ни на йоту — что оно похоже на раздавленного краба.

И, конечно, вы были бы правы.

Однако точка зрения Шарн-игона на себя была совсем иной.

Во-первых, он не был простой фантазией природы. Он был личностью. У него имелись родственники. Он жил в обществе. Он жил по строгим законам и повиновался жизненному укладу своего общества. Он не был похож ни на одного из кринпитов - так его народ называл себя - несмотря на то, что на взгляд человека все они были неразличимы. Он был Шарн-игоном.

Например, Шарн-игон ненавидел Празднество Приветствия Кольца — а сейчас именно это время и наступило. Для него это было одиночество и самая худшая часть цикла. Он ненавидел бодрый шум, наигранную веселость, фальшь, загадочные сантименты. Все магазины и бордели были забиты народом, так как каждый старался приобрести подарок или стать беременным, но для Шарн-игона все это бесплодная суета, так как он был одинок.

И если бы вы спросили его, он бы ответил, что ненавидит Празднество Приветствия Кольца. Он

сказал бы, что всегда ненавидел его. По крайней мере, с тех пор, как он стал зрелым. Праздник Приветствия Кольца был для молодых, вступающих в половую зрелость. Но это не было полной правдой. Всего лишь за цикл до этого он и его муж-жена Чи-прюитт провели весьма приятно это Празднество.

Но Чи-прюитт ушел. Шарн-игон послал вызов, споткнувшись о Привидение, лежавшее на его пути. Ответа не было. Он колебался. Что-то — может привидение — как будто назвало его имя. Но это было слишком невероятно. После некоторого времени нерешительности он пробился через толпу и... назовем это баром...— чтобы сжевать парочку возбуждающих.

Посмотрим на Шарн-игона, запутавшегося в галлюциногенных сетях, пробирающегося через толпу кринпитов. Он был привлекательным с точки зрения соплеменников. Он был по-мужски широк — почти два метра от обода до обода, но удивительно строен — всего сорок сантиметров в узкой части панциря. Несмотря на его хмурый вид, встречающиеся самцы и самки обращали на него внимание. Он был молод, обладал достаточной сексуальной потенцией и имел успех в выбранной им профессии.

Впрочем, это не совсем верно, так как тут опять возникал парадокс.

Профессией Шарн-игона была социальная деятельность. И этом заключался парадокс: к таким, как он, кринпиты обращались только тогда, когда у них начинались неприятности. Кринпиты создали общество, в котором каждый зависит друг от друга, причем это не похоже на общество технологической культуры, развившееся на Земле. Может быть, аналогии их можно найти в тесных семейных кланах бушменов или эскимосов. Там жизнь племени зависела от каждого его члена. Так что Шарн-игон мог считать себя счастливым и успешно делающим свое дело, тогда когда к нему никто не обращается. Празднество Кольца всегда приносило ему урожаи ущербных личностей, уделом которых стало одиночество среди всеобщего ликования. Во время праздников Шарн-игон всегда был занят больше, чем обычно.

Посмотрите повнимательнее на Шарн-игона со своего облака. Он наверняка может показаться вам странным, даже отвратительным. Его могучий панцирь был усыпан чем-то, похожим на хитиновые крылышки. Некоторые из них были несколько сантиметров высотой, другие мень-

ше. И между ними бегали мелкие насекомые, похожие на вшей. Но это были не вши. И даже не паразиты, если конечно забыть о том, что каждый детеныш по сути паразит для своей матери. А это и были малыши, детеныши. Шарн-игон был в баре не единственным кринпитом, вступившим в пору воспроизводства рода. Из сотни кринпитов в баре у каждых восьми из десяти по панцирю бегали детеныши. Иногда кто-либо из этих суетящихся малышей падал вниз или перебирался на панцирь другого кринпита, когда они соприкасались, и тогда начиналась возня по возвращению малыша к родителю. Ведь если он не попадет обратно, он погибнет.

Панцирь Шарн-игона по окружности крепился к телу с помощью подвижных хитиновых пластин, которые находились в постоянном движении — то сжимались, то расширялись, как меха аккордеона.

Он прошел по утоптанному грязному полу на своих суставчатых ногах. Их было не меньше десятка. После того, как он принял три быстрых и почувствовал себя лучше, он вышел из бара и пошел, не торопясь, по дороге. Ничего определенного у него на уме не было. По сторонам дороги тянулось то, что вы могли бы принять за япон-

ские ширмы. Они не были укреплены ничем, но, соединенные между собой, тянулись тянулись вдоль дороги. Они скрывали дома и коммерческие здания. Некоторые из них, подобно бару, были забиты кринпитами, другие почти пусты. Ширмы тоже были покрыты маленькими крылышкоподобными выступами, но это было единственное их украшение. Можно было сразу же заметить, что ширмы даже не были покрашены. Кринпиты не знали, что такое цвет, живя в тусклом багровом свете Звезды Кунга. Так что, даже если бы ширмы были покрашены, этого невозможно было бы заметить в таком свете. Вот так бы видели это вы своими глазами землянина. Но каким представлялось это все взгляду кринпита? Это бессмысленный вопрос, потому что у кринпитов не было глаз. На их панцирях имелись светочувствительные элементы, но никакого хруста, лика, никакой радужной оболочки, ни мозаики чувствительных клеток, которые могли бы анализировать изображение и переводить его в информацию.

Но хотя тут было темно, жизнь кипела. Здесь было очень шумно.

Каждый кринпит постоянно произносил свое имя — разумеется, имя не в том смысле, который

мы имеем в виду, когда говорим, что имя жены Рузвельта - Элеонора. Здесь имя было тем звуком, который был присущ каждому индивидууму из этого общества. Это был звук, который вел их, постоянно прощупывая пространство вокруг кринпита. Этот звук возвращался к кринпиту, пославшему его, и приносил информацию его чувствительному мозгу. Эти звуковые импульсы, которые кринпиты посылали вперед, и были их имена. Все звуки отличались между собою, характеризуя каждого отдельного индивидуума. Слуховой аппарат кринпита располагался на нижней поверхности живота и представлял собою туго натянутую барабанную перепонку. Перепонка крепилась к животу связками и с ее помощью можно было производить различные звуки во время ходьбы. Они не могли ходить в тишине. Причем это не были случайные звуки. Все они четко различались и контролировались. Это был язык, очень сложный для понимания. Самыми простейшими звуками языка были имена кринпитов. Эти звуки определялись чисто физическими параметрами тела кринпита. Но кринпиты могли производить и другие звуки в частотном диапазоне их слуха. И в этом их "голоса" были подобны человеческим.

И куда бы ни шел Шарн-игон, он испускал этот звук: Шарн резкий усеченный звук с легким шипением, Игон — дробное стакатто, спускающееся на тонику ниже. Все кринпиты испускали присущие им звуки в то время, когда не испускали других, когда не общались с соплеменниками. Но звуки исходили не только кринпитов. Все вокруг них излучало звуки. Каждое строение был снабжено приводимой в движение ветром шумовой машиной. Это были трещетки, трубы, колокольчики, струны — все они был предназначены, чтобы испускать определенные шумовые сигналы, благодаря которым кринпиты могли бы ориентироваться в пространстве.

Так что человеческому взгляду Шарн-игон представился неуклюжим крабом, ковыляющим в скопище себе подобных в полутьме багрового света и в какофонии разнообразных непривычных звуков, доносящихся со всех направлений.

Но для Шарн-игона все представлялось совсем по-другому. Он бесцельно шел по хорошо знакомой улице. Улица тоже имела название. И оно переводилось достаточно близко к оригиналу, как большой Белый Путь.

На перекрестке с Бридерс Вэлоу Шарн-игон вступил в беседу со знакомым.

— Ты не знаешь ничего о местонахождении Чи-прюитта?

— Нет. Справка: статистически возможно, что он находится на берегу озера в деревне.

— Почему?

— Некоторые заболели там. Много любопытных, рассказывают об Аномальных Привидениях.

Шари-игон поблагодарил за сведения и повернул к озеру. Он вспомнил, что возле резиденции Чи-прюитта некоторое время назад видели привидение. И оно было аномальным. Обычно существует два типа привидений. Верхние Привидения были привычны и легко "видимы" — они производили очень много шума. Однако они не отражали звуковых сигналов кринпитов. Если их удавалось схватить, то они были хорошей едой. Нижние Привидения были почти "невидимы". Они редко издавали звуки и отражали к очень мало звуковых сигналов кринпитов. Их обнаруживали в основном тогда, когда их подземные ходы наносили повреждения строениям кринпитов. Они тоже были хорошей едой и кринпиты с удовольствием охотились на них, особенно, если удавалось обнаружить гнезда с детенышами.

Но что такое "Аномальные Привидения", кото-

рые не были ни Верхними, ни Нижними?

Шарн-игон спустился по Бридерс Вэлоу к Рыбному Рынку и пошел вдоль берега озера. На фоне мягкого перекатывания волн в заливе Шарн-игон чувствовал нечто, почти невидимое. Хотя кринпиты редко используют металлы, Шарн-игон сразу почувствовал его яркость. Однако этот яркий металл плавал над чем-то мягким и нематериальным, почти не дающим эха на его сигналы. Однако яркая часть этого объекта не только почти ослепительно отражала сигналы Шарн-игона, но и генерировала собственный звук, слабый высокого тона, слегка напоминающий шуршание песка при ветре. Шарн-игон не смог идентифицировать эти звуки.

И не удивительно: он никогда не видел ни ТВ-камеру, ни радиопередатчик.

Он остановил одного из кринпитов, который раздраженно отходил от группы соплеменников, спросив, что случилось.

— Некоторые кринпиты попытались съесть привидение. Им стало плохо.

— Это привидение нанесло им вред?

— Нет. Им стало плохо после еды. Одно привидение еще здесь. Есть не советую.

Шарн-игон более внимательно прислушался к

странным звукам.

— Ты тоже ел привидение?

— Совсем немного, Шарн-игон. Мне тоже плохо.

Шарн-игон потер нижнюю челюсть и пошел дальше, беспокоясь о Чи-прюитте. Он не слышал его в толпе, но шум вокруг был слишком силен. По меньшей мере две сотни кринпитов собрались тут. Они ползали по песку, карабкаясь и соскальзывая с панцирей соседей. Все они копошились возле кровавой массы, которая некогда была привидением. Шарн-игон остановился и нерешительно прозондировал звуком окружающее пространство.

И вдруг откуда-то позади себя он услышал свое имя, плохо произнесенное, но достаточно различимое: Шарн-игон. Он повернулся и тут же обнаружил источник звука. Привидение. Это оно произнесло его имя. Шарн-игон осторожно приблизился к нему. Ему не нравился его запах, его приглушенный смягченный звук. Но им двигало любопытство. Во-первых, его имя: Шарн-игон. И тут же еще что-то. Другое имя? Это конечно не имя кринпита, но что? Привидение все время повторяло этот звук.

На другом берегу залива Культурной рево-

люции, в пятидесяти километрах отсюда, Фенг Хуа-цзе прополоскал корзины в пурпурной воде и понес их к куполообразным строениям, которые являлись основной базой Блока Народов. Отсюда с берега было невозможно увидеть приземлившийся корабль. Прозрачные купола скрывали его. Через прозрачную стену ближайшего купола — стена могла быть сделана не прозрачной, но группа решила, что экономия энергии более важна для них, чем интимность обстановки в помещениях, — Фенг мог видеть двух женщин, которые работали в помещении для больных. Они занимались этим потому, что в противном случае сами бы лежали в постелях. Хотя они едва передвигались, все же они могли позаботиться о больных и о себе.

Фенг поставил корзины в помещение, сожалея об оставленном драгоценном иле. Однако это было его собственное решение: не использовать ил для удобрения их маленького сада. По крайней мере до тех пор, пока они не узнают, что убило одного члена экспедиции и от чего заболело еще четверо — почти половина действующих членов экспедиции была выведена из строя. Фенг не хотел рисковать. Жаль, что их биолог тоже заболел — сейчас его знания были бы очень полезны.

Но Фенг сам в молодости изучал биологию, и сейчас он проводил эксперименты с животными, посылал отчеты в Пекин, четыре раза в день осматривал больных.

Он задержался в радиорубке. Видеоэкран, отслеживающий путь небольшого отряда, который должен был пересечь залив, показывал все ту же монотонную картину. Очевидно, камера был оставлена на корабле, который сейчас, видимо, дрейфовал в медленном течении. Поэтому на экране лишь изредка появлялась полоска берега на расстоянии примерно в четверть километра. Изредка можно было рассмотреть на берегу двигающихся аитропоидов и их приземистые здания. Но Фенг не видел ни Ахмед Дуллу, ни костариканца, который ушел с ним.

Возле купола со связной аппаратурой два вестиндийца лениво нагружали почву в плетеные корзины. Фенг резко прикрикнул на них, и те сразу зашевелились веселее. Они тоже были больны, но еще было не ясно, той ли болезнью, что и остальные. Фенг с завистью подумал, что вестиндийцы чувствуют себя здесь, как дома. Жара и влажность здесь были такими же, как в их родных джунглях. Но хуже всего здесь дело обстояло со светом. Постоянный багровый полумрак

— никогда по-настоящему светло и никогда — полная темнота. Фенга постоянно здесь мучили головные боли — с самого первого дня их прибытия сюда. Он объяснял это напряжением зрения. Но по крайней мере он не ел ничего, что выросло на этой планете. В этом ему повезло, а может он просто был мудрее тех четверых, что заболели и одного, который умер, не говоря уж о бесчисленных крысах и морских свинках, с которыми проводились эксперименты. Фенг выругался. Почему он позволил этому длинноволосому дикарю с гор Дулле уговорить его разделить отряд? Правда, это произошло до того, как заболели пятеро. Но все равно это было ошибкой. Фенг подумал, что когда он вернется, у него будет достаточно времени для самокритики.

Если он вернется.

Он набрал две корзины ила, поднял их на коромысле и пошел осмотреть дамбу. Это была его самая большая надежда. Когда дамба будет построена, у них будет достаточно электрической энергии, чтобы питать ультрафиолетовые лампы. И тогда эти скудные ростки земных растений дадут хороший урожай. Все-таки почва здесь очень плодородная. Ну что, что некоторые болели, а один даже умер. Почва здесь не причем.

Фенг удовлетворенно взял землю, потер ее между пальцами, даже понюхал. Очень плодородная почва. Единственное, чего здесь не хватает, это солнечного света. А когда будет построена дамба, электричества хватит на все. Фенг подумал, что они здесь будут получать урожаи, которым может позавидовать любой колхоз в провинции Ченси.

Когда он возвращался, пошел дождь. Крупные ленивые капли сбегали по спине Фенга под хлопчатобумажной курткой. Это хорошо, что здесь много воды. Фенг подумал, что дождь прибивает к земле летающие споры здешних растений. Это тоже хорошо. Может, именно споры и ответственны за болезни людей. Даже сквозь облака Фенг ощущал тепло Кунг Фу-цзе. Звезды не было видно на небе, но свет ее придавал зловещий вид облакам, висячим над далеким серым городом. И так будет до тех пор, пока движение воздушных масс не переместит облака, и на небе снова появятся звезды и этот тлеющий раскаленный уголь — звезда Кунга.

Фенг пошел к лагерю по лесной тропе. Он решил проверить ловушки. В одной из них было два многоногих существа, похожих на земноводных рыб. Одно из них погибло, второе пожирало его.

Фенг оглушил его и не стал освобождать ловуш-

ку. У них сейчас не было людей, чтобы заниматься животными. Три ловушки были спущены, но пусты. Одну кто-то утащил. Фенг раздраженно выругался. Все-таки они очень мало знают о фауне планеты и, в частности, этого леса. Например, кто украл ловушку? Большинство здешних существ, которых они тут видели, были антропоиды, похожие на жуков или ракообразных. И ни одно из них не было больше ладони человека. Но было ясно, что существовали и большие существа. Разумные обитатели селения на берегу залива доказательство этому. Они были размером с человека. Но дикие — если они существовали,— никогда не попадались людям. А в этом лесу наверняка кто-то живет. Иногда их можно было услышать, даже увидеть неясные тени, но ни разу еще не удавалось сфотографировать. Как же они могут выглядеть? Волчьи клыки кошачьи когти, клешни краба?.. Фенг бросил думать об этом— такие мысли не могут привести ни к чему. Во всяком случае, не вызывает сомнения, что местная фауна также считает людей несъедобными, как и люди считают несъедобными местных животных.

Впрочем, может еще не все обитатели этого леса поняли это.

В общем, похоже на то, что люди ничего не могут есть на этой планете. Вся природа на этой планете была не похожа ни на что земное. И все же, Фенг добьется того, что поля планеты будут давать урожай!

Вдруг Фенг услышал свое имя.

Он быстро повернулся и пошел к лагерю. Возле берега сквозь редкие кусты он увидел одного из членов экспедиции, который в возбуждении размахивал руками.

Фенг подбежал к нему, едва дыша.

— Что? Что? —спрашивал он.

— Радиосообщение от Длинноносого. Это сигнал опасности. Хуа-цзе!

— Черт! И что он сказал?

— Он ничего не сказал. Это был аварийный автоматический сигнал. Я попытался вызвать его, но безуспешно.

— Ну конечно,— Фенг нервно стиснул руки. Еще одна опасность перед коммуной. Два члена экспедиции в опасности, может даже погибли. И все из-за того, что он по глупости позволил делить силы. Две ничтожных личности, конечно,— горец и испанец, но все же это люди. Их гибель может вызвать серьезные трудности. И пропали не только люди. Одна из трех телекамер. Радиопередатчик.

Драгоценный пластик, из которого была сделана лодка. Это невосполнимая потеря. Пришлось истратить много пластика для изготовления лазарета для больных. Это была тоже глупость. Вполне можно было сделать барак из бревен и жердей, которые можно было нарубить в лесу. В этом климате такого убежища было бы вполне достаточно. Почему он позволил использовать пластик вместо того, чтобы воспользоваться тем, что предлагает природа?

Можно ли теперь построить другую лодку? Пожалуй, пластика хватило бы на корпус. Но если сделать лодку, кого послать на ней? Вначале их было одиннадцать. Один умер, два пропали четверо больны. Не будет ли это еще большей глупостью, если он снова разделит силы, чтобы исправить то, к чему привела его первая глупость? И кто может поручиться за то, что с теми, кто отправится на лодке, не случится то же, что произошло с горцем и испанцем?..

— Мы идем, Хуа-цзе?

Он оторвался от своих размышлений.

— Что?

— Мы попытаемся помочь нашим товарищам?

Фенг стиснул руки.

— Как?—спросил он.

Глава 6

На планете, где нет ночей, дни бесконечны, подумал Дэйлхауз, углубясь на метр в глубину клонганской почвы и зная, что ему предстоит выкопать еще не меньше. Его мышцы говорили ему, что копает он уже часов восемь. Хотя хилая куча земли на краю ямы пыталась возражать такому заключению. Дэйлхауз подумал, что он летел сюда вовсе не для того, чтобы копать отхожее место — нужник. Но его нужно было выкопать, и из всех членов экспедиции он был самым подходящим для такой работы.

Они были на планете всего три дня — старые привычки отсчета времени умирали с трудом. И этого времени было вполне достаточно, чтобы улеглись первые восторги. Участники экспедиции уже познали и неприятную работу, и скуку. А в первые часы после их приземления, когда они натянули первый тент, на них обрушился шторм, сорвавший их палатку. Другим их развлечением стало всеобщее расстройство желудка, после которого строительство нужника стало жизненно необходимым. И что хуже всего оказалось, что

на планете есть недружественные им существа. Капелюшников отчаянно ругался по-русски, докладывая, что уже третий запущенный их зонд исчез с орбиты. Все это означало, что противоречия Земли переносились и на Клонг.

Внезапно его лопата ушла в пустоту.

Дэнни потерял равновесие, рванулся и упал в яму, лицом прямо в открывающуюся пустоту. Оттуда исходил тяжелый влажный запах. Ему сразу пришли в голову замурованные подвалы с глухими камерами, и он услышал быстрые легкие шорохи.

Змеи? Он содрогнулся при этой мысли и, как дружина, выскочил из ямы. Это был самый настоящий земной страх, которому не было места на Клонге. Вряд ли это было нечто большее, чем гнездо крыс. Дэнни закричал:

— Моррисей!

Биолог находился в нескольких метрах от него. Он занимался садками растений, завернутых в пластиковые конверты.

— В чем дело?

— Я выкопал проход в туннель. Хочешь взглянуть?

Моррисей взглянул на саженцы, на яму Дэйлхауза, сказал:

— Конечно, но сначала я закончу посадки. Не копай больше, подожди меня.

Это был приятный приказ и Дэнни принял его с благодарностью. Он уже привык подчиняться. Даже, когда ему поручили копать нужник, он был подручным для любого, более ценного члена экспедиции, которому нужны были рабочие руки. Харриет он помогал устанавливать радио, Моррисею — таскать его саженцы и удобрения, Кербо — отыскивать томаты в банках и кухонную утварь, исчезнувшую во время шторма. В общем — любому. Уже дважды ему приходилось опоражнивать химический туалет с корабля, которым они временно пользовались, в мелкие ямы, которые он же и выкапывал где-нибудь в окрестностях лагеря. Никто не желал ждать, пока он закончит свою работу по устройству нужника. Более того, все они даже мешали ему закончить ее, отвлекая на другие работы. Это было неприятно. Но все же он на Сыне Кунга! Он вдыхал в себя запахи Клонга, похожие и одновременно не похожие ни на что земное. Он видел ландшафты планеты, немного, пока, но он еще увидит все.

А пока он был именно тем, чем и должен был быть в компании специалистов. Он не был поваром, не был фермером, не был врачом, не был

радиоспециалистом. Он не обладал ни одним из полезных навыков на этой стадии искусства, которыми обладали остальные. Сейчас в экспедиции он был вне дела, и так будет продолжаться до тех пор, пока они не вступят в контакт с разумными существами, и тогда он сможет применить свои знания, ради которых его и взяли в экспедицию. Ну, а пока он был на подхвате.

Русский пилот Капелюшников позвал его:

— Эй, Дэнни, я принес тебе попить. Возмести свой пот!

— С удовольствием.— Дэнни с удовлетворением заметил, что Каппи поднял вверх стакан, в котором было на сантиметр воды. Русский широко улыбался. Дэйлхауз жадно проглотил воду, вытер губы, затем влажный лоб. Капелюшников был прав насчет пота. В этом жарком влажном климате они все обливались потом. Капелюшников только что закончил работу по монтажу дистиллятора. Он пока что работал от паяльной лампы. Позже он будет перенесен на берег озера и будет приводиться в действие солнечной энергией. Но сейчас он был необходим здесь: экспедиция нуждалась в питьевой воде.

— Хорошо, да? — спросил Капелюшников. — Судя по всему, тебе стало лучше, значит ты выпил не

яд. О'кей. Тогда пойдем, принесем попить Гаше.

Переводчица взяла на себя обязанности руководителя при установке лагеря, и никто не возражал. Половину своего времени она проводила на радиостанции, ища связь, другую половину времени выдавала задания и контролировала их выполнение. Может, она и правильно поступила, подумал Дэйлхауз. Она была самым упрямым человеком в экспедиции, и никто не хотел спорить с нею. К тому же она была очень малопривлекательна внешне. Однако она с благодарностью приняла воду.

— Благодарю за то, что смонтировали дистиллятор. И, нечно, за нужник, Дэнни. А теперь если вы оба...

— Я еще не закончил,— поправил ее Дэнни.— Джим сначала хочет осмотреть дыру. Есть что-нибудь новенькое по радио?

Харриет улыбнулась поджатыми губами.

— Мы получили радиограмму от Пипов.

— О том парне, который пропал?

— Нет. Взгляните.—Она подала им пленку с факсимиле и прочитала наизусть:

"Народная Республика протягивает руку дружбы второй экспедиции, прибывшей на Дитя Кунга. Благодаря мирному сотрудничеству мы

достигнем блистательных результатов на пользу всему человечеству. Мы приглашаем вас на празднование 1500-летия трудов Конфуция, в честь которого названа наша звезда".

Дэйлхауз был поражен:

— Ведь это один из ваших праздников. Верно?

— Ты сегодня прекрасно информирован, Дэнни. Этот праздник в декабре. Это поистине ответ Конфуция Ханукке.

Дэнни нахмурился, пытаясь вспомнить.

— Но ведь сейчас у нас октябрь!

— Молодец, Дэнни. Так как же ты истолкуешь их предложение?

— Не знаю. Что-нибудь вроде того, что просят не соваться к ним пару месяцев.

— Видимо, так. Впрочем, нельзя сказать, что они недружественно отнеслись к нам, — сказала Харриет, рассматривая пленку. — Обратите внимание, что они называют имя Конфуция с латинским произношением, а не Кунг Фу-цзе, как он произносится по-английски. Уже одно это говорит о почтительном к нам отношении. Но...— она нахмурилась, глядя на ленту. Глаза ее были слегка выпучены, как у кролика, так как она носила толстые контактные линзы.— Но с другой стороны она не преминула упомянуть,

что мы вторая экспедиция.

— Что подчеркивает то, что они первые. Но какая разница? Пусть даже они и первые, но согласно международных соглашений, они не могут установить территориальные претензии ни на что, кроме области с радиусом пятьдесят километров вокруг их основной базы.

— Но они указывают на то, что они могут объявить часть планеты своею собственностью.

Каппи надоели эти разговоры.

— А от Ойли нет любовных писем?

— Пока ничего. Теперь, насчет нужника...

— Минутку, Харриет. А что с тем Паком, который попал в беду?

— Он все еще в опасности. Хочешь послушать последнюю ленту? — Она не ждала ответа, а включила плейер, зарядив в него кассету. Это был автоматический сигнал о помощи — каждые тридцать секунд кодированный СОС, затем пять секунд для пеленгирования. Между сигналами, когда микрофон был включен, были слышны окружающие звуки.

— Все шумы я обрезала. Вот голос человека.

Ни Дэйлхауз, ни Капелюшников не знали урду.

— Что он говорит?—спросил пилот.

— Просит помощи. Но он в плохом состоянии.

Почти все время он молчит и стонет.

Из плейера исходили странные звуки, как будто передавали концерт оркестра народных инструментов аборигенов Австралии.

— Что это, черт побери? — спросил Дэйлхауз.

— Это,— сказала она,— тоже язык. Я поработала над ним и могу определить несколько ключевых моментов. У них какие-то неприятности, но я не уверена, что именно.

— Во всяком случае, им полегче, чем Паку,— хмыкнул Капелюшников.— Идем, пора работать.

— Да, этот мужик...

— Нет, не мужик! Есть более важные вещи, чем дерьмо, Гаша!

Она молчала, глядя на пилота. Капелюшников был почти также бесполезен сейчас, как и Дэйлхауз. Может даже больше. После того, как появятся первые контакты, понадобится и искусство Дэнни. Во всяком случае, они все надеялись, что вступят в контакт с разумной жизнью. А искусство пилота — это пилотирование. Управление космическим кораблем, автомобилем, может, даже лодкой. Но на Клонге не было ничего подобного.

Но у пилота было то, чего не хватало Дэйлхаузу, — инициатива.

— Дорогая Гаша,—сказал он.—Сейчас у нас есть вода. Из нее можно получить водород и сделать летательный аппарат на нем.

— Ты хочешь летать с помощью водорода?

— Ты поняла меня, Гаша, — просиял русский. Он показал наверх. — Как они.

Дэнни посмотрел наверх, затем бросился в палатку за биноклем.

Вот они, носимые ветром баллонисты, высоко, почти под солнцем. Они были довольно далеко, в двух километрах от них, и услышать их песни было невозможно, но в бинокль Дэнни видел их достаточно ясно. В пурпурном небе виднелись их шары, ярко-зеленые и желтые. Да, это было зрелище. Некоторые из них светились сами, как светлячки. Их люминесцирующие шары были диаметром до пяти метров.

— Черт побери, Каппи,—спросил он.— Ты полагаешь, что тоже можешь так летать?

— С легкостью, Дэнни. Нужно только сделать баллон и нагнать в него водород. Тогда можно летать.

— Ты молодец, Каппи,—торжественно заявил Дэйлхауз. - Говори, что делать, и я сделаю. О, что это?!

Стая шаров разнеслась в стороны, и в открытом

пространстве появилась точка, посылающая импульсы света. Затем до них донесся шум мотора.

— Это не геликоптер! — воскликнул Дэнни в изумлении.

Пилотом геликоптера оказался низенький смуглый ирландец. И не просто ирландец, а репатриировавшийся в Англию уроженец Хьюстона, штат Техас. Они с Моррисеем выяснили это моментально.

— Помнишь Бисмарк?

— А ты был когда-нибудь в Ля Карафа? Я там жил.

Когда все собрались, пилот сказал:

— Рад встретиться с вами. Меня зовут Терри Бойн, и я принес вам официальное приветствие от нашей экспедиции, экспедиции Блока стран-экспортеров горючего. Вы выбрали прекрасное место для лагеря, — сказал он, оглядываясь вокруг. — Мы опустились прямо на полюсе тепла. Здесь прохладный ветерок, и вы не можете себе представить, как мы там поджариваемся.

— Так почему же вы сели там? — спросил Моррисей.

— О, мы делаем то, что нам приказывают хозяева. Разве у вас не так? Мне было приказано сегодня прилететь к вам и передать добрососед-

ское приглашение.

Разумеется, в разговор вступила Харриет.

— От имени стран экспортеров продовольствия мы принимаем ваше приветствие и...

— Пожалуйста, не надо так официально, Гаша,— взмолился Капелюшников.— Но мы же единственная колония на Клонге, Терри Бойн.

— Что такое Клонг?

— Так мы называем планету.

— Хм. Клонг. Нам приказано называть ее Джем, сокращенное от Джеминорум. Бог знает, как называют планету Пипы.

— Вы собираетесь посетить их?

Бойн кашлянул.

— Вообще-то имеем намерения, хотя и не знаю, насколько они реалистичны. Вы прослушиваете их радиообмен?

— Конечно. И ваш тоже.

— Значит, вы слышали их сигналы бедствия. Бедняга попал в лапы этим тварям, которых наш переводчик называет кринпитами. Вернее, они себя так называют. Мы предложили помощь пипам, но они, если сказать мягко, послали нас подальше.

Моррисей посмотрел на Харриет. Их транслятор узнал больше, чем она. Биолог сказал:

— У нас с вами такие же отношения, Терри. Они сказали нам, что не желают видеть нас на их территории. Конечно, у них нет прав на такие заявления...

— Но вы не хотите начинать здесь междублочные конфликты, — закончил, кивнув, Терри.— Ну что же, с точки зрения гуманности...— Он кашлянул и с благодарностью выпил стакан воды, который преподнес ему Моррисей. — Ну что же, будем честными. Из любопытства — мы хотим посмотреть, что же здесь происходит, а также из соображений гуманности, мы решили помочь этому парню выбраться. Пипы очевидно не могут помочь ему. Мы понимаем, почему они не хотят, чтобы мы вмешивались в это дело: они не хотят, чтобы мы видели, насколько они слабы. Вам тоже трудно... — он деликатно кашлянул, — ясно, что нам на геликоптере легче добраться до парня, чем вам снарядить экспедицию. Мы охотно полетим на помощь. Но не одни. Я думаю, вы понимаете, что я имею в виду.

— Да,— фыркнула Харриет.— Вы хотите, чтобы кто-то разделил с вами вину.

— Мы хотим выполнить интерблочную миссию спасения, — поправил ее Войн.— Я полечу прямо сейчас спасать парня. Но я хочу, чтобы кто-то из

вас был со мной.

Восемь из десяти человек экспедиции сразу вызвались, но Капелюшников закричал:

— Пойду я!—заглушая всех.

Харриет осмотрела всех и сказала:

— Хорошо, иди, если хочешь. Хотя у нас мало народа, а работы много...

Дэнни Дэйлхауз не ждал, пока она закончит:

— Верно, Харриет! Поэтому должен лететь я. Я мало полезен здесь и ...

— Нет, Дэнни! Полечу я. Я ведь пилот...

— Прости, Каппи, — мягко сказал Дэнни. — Мистер Войн тоже пилот, а кроме того, у тебя есть дело — воздушный шар. Сделай его к моему возвращению. Во-вторых, это мое дело - контакт с разумными существами, разве не так? Кроме того, я знаю этого парня, который попал в опасность. Это Ахмед Дулла. Нас обоих задержали полицейские в Болгарии два месяца назад.

Пилот увеличил обороты двигателя и геликоптер плавно поднялся вверх. Дэнни развалился в кресле, восхищаясь щедрости, с которой Блок Экспорта Горючего растрачивал свои сокровища. Он даже не мог себе представить, сколько энергии потребовалось, чтобы переправить геликоптер весом в четыре тонны с Земли сюда.

— Ты не страдаешь воздушной болезнью? — крикнул Бонн. Дэнни покачал головой, пилот ухмыльнулся и направил геликоптер вперед с большой скоростью.

К разочарованию Дэнни, стая воздушных шаров рассеялась, но в воздухе были и другие существа, которые, однако, старались держаться подальше от геликоптера. Дэнни не мог рассмотреть их и подозревал, что существа действуют вполне сознательно стараясь, чтобы их не было видно. Но внизу! Дэнни с наслаждением смотрел на диковинные ландшафты, проносящиеся под ним совсем близко. Ведь геликоптер летел на высоте всего пятидесяти метров. Густые заросли лесов с деревьями, напоминающими многие земные и достигающими высоты тридцати метров. Мелкие животные, которые бросались врассыпную при их приближении, ища убежища. Камни, вода, почва были окрашены немигающим зловещим багровым светом.

Дэйлхауз, конечно, изучил карту Клонга, но снимки, полученные с орбиты, не отражали и сотой доли того, что можно был увидеть живым глазом. Позади он увидел свой лагерь, расположившийся на узком перешейке, отделяющем залив от океана или озера. Сам океан, или озеро,

имел форму лимонной дольки и в свете Кунга имел почти такой же цвет. Дальше на берегу находился пагерь Пипов. А если смотреть в другую сторону, в сторону экватора, где было сухо и жарко, можно было надеяться увидеть лагерь Гризи — представителей Блока Горючего. Однако сейчас не было видно ни того, ни другого лагеря. Геликоптер летел над водой. Бойн показал, а Дэйлхауз кивнул. Он видел, как их цель постепенно вырисовывалась через багровый полумрак на дальнем берегу.

Дэйлхауз понял, что Бойн был честен не до конца. Он не сказал, что это не первый полет к кринпитам. По крайней мере дважды он летал сюда. Об этом говорили снимки. Бойн вытащил из ящика целую пачку в целлофановом пакете, быстро просмотрел их и протянул верхний Дэйлхаузу.

— Вот, на берегу! — прокричал он. Его палец показал на маленькую фигурку в нескольких метрах от воды. Рядом находился пластиковый челнок. А кроме того, вокруг него сгрудились неприятные на вид существа, напоминающие прямоугольных крабов. Кринпиты. Некоторые из них были совсем близко от человека.

— Он еще жив? — спросил Дэнни.

— Не знаю. Он здесь уже несколько дней. Видимо, с водой у него все в порядке, но он, вероятно, очень голоден. И болен.

С воздуха деревня кринпитов была похожа на скотный двор. Строения без крыш напоминали овечьи загоны. Кринпитов было довольно много, и двигались они на удивление быстро. И все они явно почувствовали приближение геликоптера. Некоторые подняли вверх безглазые головы, другие быстро поползли к берегу.

— Довольно противные на вид,— крикнул Бойн.

— Послушай,— сказал Дэнни.— А как мы заберем отсюда Дуллу? Они не кажутся мне безобидными.

— Да, — Бойн опустил стекло в иллюминаторе и заложил крутой вираж. Он покачал головой и спросил: — Это твой знакомый?

Фигура человека передвинулась, если сравнить с последней фотографией. Человек лежал лицом вниз. Невозможно было сказать, жив он или мертв.

Бойн задумчиво нахмурился, затем повернулся к Дэйлхаузу.

— Открой ящик у себя под ногами и дай мне пару этих штук.

"Штуками" оказались металлические цилиндры с проволочной петлей на конце. Бойн взял их полдесятка, вытянул петли и оросил их в скопление кринпитов. При ударе из цилиндров повалил густой желтый дым, образовавший плотное облако. Кринпиты, как ошпаренные, выскакивали из облака.

— Слезоточивый газ,— ухмыльнулся Бойн.— Им он очень не нравится.— Он смотрел вниз. Почти все, кто окружал распростертого человека, разбежались. Все, кроме одного...

Этот один видимо был в нерешительности, однако он не отходил от человека. Он явно мучился нерешительностью, дергаясь взад и вперед, как бы не зная, бежать ему, или остаться... и сражаться.

— Что же делать с этим сукиным сыном? — поинтересовался Бойн. Но в это время кринпит быстро заковылял прочь, и Бойн принял решение. Он опустился на землю между кринпитом и пакистанцем.

— Хватай его, Дэнни! — крикнул он.

Дэнни выскочил на землю. Он подхватил пакистанца с большим трудом, чем ожидал. Хотя он весил всего килограммов пятьдесят, но он был как будто без костей, совершенно резиновый.

Дэнни втащил его в кабину геликоптера, и все это время Бойн отчаянно ругался. Взревели моторы, и аппарат стал подниматься, но тут они услышали скрежещущие звуки. Взрослый кринпит весом в две сотни килограммов взгромоздился на правую плоскость. Бойн выругался и налег на ручное управление. Вертолет накренился, как будто пытаясь опрокинуться, затем выпрямился и полетел дальше.

— Что будем делать, Бойн? — крикнул Дэнни, стараясь втащить ноги пакистанца в кабину, чтобы закрыть дверь.— Ты не можешь просто так сбросить его!

— Конечно, не могу,— Бойн с беспокойством посмотрел на когтистые ноги, пытающиеся процарапать пластик, чтобы добраться до него, затем повел машину домой.— Я всегда хотел иметь домашнее животное. Посмотрим, довезу ли я до дома это чудище!

К тому времени, как он вернулся в свой лагерь, Дэнни полностью выбился из сил. Его переполняли одновременно и удивление и беспокойство. Он сделал краткое сообщение остальным членам экспедиции и погрузился в глубокий сон. "Ночь" была весьма условным понятием на Клонге. Когда он проснулся, небо было таким же, как всегда:

облака и багровый диск Кунга.

Снова началась обычная работа. Капелюшников или кто-то другой, немного покопал за него, поэтому Дэнни пришлось копать чуть больше часа, да и то в основном он подравнивал стены. Дэнни с благодарностью подумал о своем помощнике.

После спасения пакистанца Бойн полетел на свою базу. Он даже не спросил, жив ли Дулла, так как все его внимание было поглощено мощной клешней, которая шевелилась почти рядом с его левым ухом. Он предупредил по радио членов экспедиции, и Гризи приготовили сеть. Они спеленали кринпита так быстро, что тот даже не успел понять, что же произошло. Затем они быстро поели, сделали Дулле укрепляющий укол, ввели в вену глюкозу. После этого они покинули раскаленную пустыню и полетели в лагерь пипов. Там они оставили больного, выслушали пренебрежительную благодарность китайца, и Бойн отвез Дэнни домой.

Все путешествие заняло пять часов. И все это время беспокойство владело им.

Это беспокойство было связано с кринпитом. Несомненно, это существо было разумным. Это доказывали его методические попытки пробрать-

ся в геликоптер, прекращение этих попыток, когда кринпит понял, что пластик слишком крепок для него. Кринпит почти не сопротивлялся, когда Гризи накинули на него сеть и позволил отволочь себя в стальную клетку. Только когда стальная дверь захлопнулась за ним, он методично освободил из сети свои конечности. Дэйлхауз провел все время, наблюдая за ним и стараясь понять смысл его звуков. Однако все эти звуки оставались для него только шумом, хотя он был уверен, что это язык.

Сам лагерь Гризи поразил его. Стальные балки! Геликоптер! Различное оборудование! Сколько же нужно было сжечь драгоценного горючего, чтобы доставить это все с Земли сюда? У них были даже кондиционеры! Впрочем, без кондиционеров тут было бы не выжить. Температура земли здесь доходила до сорока градусов. Но никто же не заставлял их устраивать лагерь в этом пекле!

И по контрасту с этим — лагерь пипов. Старый китаец сделал хорошую мину при плохой игре, хотя было ясно, что прибытие больного поставило перед ним проблему, кто же будет ухаживать за ним. Он с гордостью дал понять визитерам, что в пути еще одна экспедиция, "почти такая же большая, как и наша". Но сколько у него людей

сейчас?

Джим Моррисей прервал его размышления. Биолога не было в лагере в момент возвращения Дэнни, поэтому он попросил все рассказать для него. Дэйлхауз повиновался, а затем спросил:

— Ты нашел что-либо в яме?

— А? Нет,—вероятно, это было далеко в прошлом для Моррисея.— Нет, я попытался прощупать туннель, но все время попадал в тупики. Кто бы они ни были, они чрезвычайно умны. Как только ты попал в их туннель, они сразу же заделали наглухо все проходы,

— Значит, у тебя нет животных, которых ты переправишь на Землю?

— Нет животных? Никогда не говори так, Дэнни. У меня целый зоопарк. Крабокрысы, жуки, флайеры и много других. Бог знает, что они все такое. Я думаю, что крабокрысы родственники кринпитов, но это можно сказать с уверенностью только после палеонтологических исследований, а я даже еще не начал делать таксономию. А растения? Да, ты можешь называть их растениями, Но я не понимаю, где там происходят процессы фотосинтеза.

Биолог разразился длинной речью по поводу этих странных Растений и непонятных их

свойств. Дэнни ничего не понял из этой речи за исключением того, что в пищу их вряд ли можно использовать людям с Земли. Наконец он не выдержал и сказал:

— Пожалуй, с меня хватит,— и похлопал биолога по плечу.

После этого он занялся туалетом: вытащил из корабля химический туалет, закрепил его на яме и доложил Харриет.

— Все в порядке. Первоклассный американский нужник готов к работе.

Она прошла к нужнику, чтобы осмотреть его, поджала тонкие губы:

— Дэйлхауз, ты думаешь, мы животные? Неужели нельзя натянуть тент? Ведь здесь часто идут дожди. Посмотри на небо. Видишь, сколько облаков? Черт побери, Дэнни, почему я должен контролировать все, даже это?

Он натянул тент. Но буря, которая обрушилась на лагерь, была слишком сильной. Молнии рассекали все небо от горизонта до горизонта. Кунга совершенно не было видно на небе. Даже в том месте, где он должен был находиться, не было и намека на светлое пятно. Единственным источником света были молнии. Сначала отказала энергетическая станция. Затем вихрем сорвало

тент палатки. Во время окончания бури все вымокли до нитки, промерзли и, выбравшись из-под обломков, снова начали собирать разбросанные вещи, восстанавливать палатку. Дэнни на земле никогда не видел подобных бурь, и теперь он с тревогой думал о грядущей жизни на этой коварной планете. И когда он понял, что не спал уже двадцать часов подряд, он упал в постель и уснул. Снилось ему теплое тихое утро в Болгарии и красивая блондинка, лежащая рядом с ним.

Когда он проснулся, над ним стоял Моррисей.

— Вставай, я ложусь следующий.

Это была даже не кровать, а просто спальный мешок на надувном матраце. Но все же тут было сухо и тепло. Дэйлхауз неохотно уступил место биологу.

— Значит, лагерь цел?

— Более или менее. Но не подходи близко к Харриет. У нее исчез радиоприемник, и она мечет гром и молнии.— Он залез в мешок, вытянул ноги и сказал: — Каппи хочет тебе что-то показать.

Дэнни не рвался повидать пилота. Он думал, что его наверняка ждет какая-нибудь тяжелая работа. Каппи подождет, пока он, Дэнни, поест. Хотя, думал он, с трудом пережевывая дневную дозу витаминов и минералов, — пища очень

напоминала собачий бисквит — такая еда немногим легче, чем копанье нужника.

Но Капелюшников имел в виду совсем не это.

— Больше ни тебе, ни мне,— сказал он, ухмыляясь, — не придется копать землю. Меня только что удостоили звания главного метеоролога. Я должен запускать воздушные шары для контроля ветров, и ты будешь мне помогать.

— Харриет была потрясена бурей? — предположил Дэйлхауз

— Гаша? Да. И она хочет, чтобы мы предсказывали погоду. Но я хочу совершить путешествие по планете. Увидишь!

Дистиллятор Капелюшникова уже был приспособлен для работы от солнечной энергии. Вода из озера проходила между двумя алюминиевыми пластинами, и пар задерживался пластиковым щитом. Капли конденсировавшейся воды капали в бак, и часть воды посредством электролиза разделялась на кислород и водород. Из водородного накопителя маленький компрессор накачивал водород в металлический цилиндр.

Капелюшников проверил клапан и удовлетворенно кивнул-

— Баллон полон. А теперь иди и попроси теодолит у нашего шефа — Гаши. Постарайся, чтобы

она не отказала тебе. Тогда я покажу тебе нечто необыкновенное.

К счастью для Дэйлхауза, Харриет отсутствовала, когда он явился за теодолитом. Поэтому он без особых угрызений совести самовольно забрал прибор и вернулся к Капелюшникову, который уже заполнил пластиковый баллон водородом и уравновешивал его на серебряном основании.

— Ну вот, все хорошо,—сказал он.— У тебя есть ручка?

— Ручка? У меня шариковая ручка.

— Не смейся над нашими старомодными советскими ручками, — сказал Капелюшников. — Когда я отпущу баллон, ты будешь следить за ним и каждые двадцать секунд записывать показания прибора, которые я буду тебе сообщать.

Маленький баллон плавно взмыл вверх, и тут же его подхватил легкий ветерок. Хотя после такой бури Дэйлхауз вовсе не ощущал движения воздуха, хотя баллон двигался так, как будто повиновался воздушным течениям. Капелюшников периодически сообщал Дэнни параметры полета, и тот записывал их. Но после девятого отсчета русский выругался и выпрямился.

— Проклятый свет. Я ничего не вижу. В следующий раз к баллону нужно привязать свечку.

— Прекрасная идея. Но ты не сможешь объяснить мне, чем мы занимаемся?

— Измеряем силу и направления ветров. Ты видишь, ветры на разной высоте различны по силе и направлению. Шары летят по ветру, мы следим за шарами. А сейчас мы замеры будем делать реже. Вскоре ты узнаешь о Клонге больше, чем ты думаешь.

Дэйлхауз задумчиво наблюдал, как в багровом полумраке исчезали шары.

— Как же мы узнаем, куда летят шары?

— О, Дэнни. Как невежественны вы, американцы! Простая тригонометрия. Я в течение двадцати секунд измерил полет шаров. Верно? Значит, у меня есть один угол треугольника. Второй должен быть прямым. Ты понимаешь, почему? Так что теперь я знаю значения всех углов прямоугольного треугольника. Но я не знаю его сторон.

— И ты их не можешь знать. Ты же не измерил высоту!

— Но я тщательно взвесил шар перед полетом. Расчеты очень просты. Дай бумажку с замерами.— Он просмотрел цифры.— Ужасный почерк. Хотя, разобрать можно. Пойду заложу цифры в компьютер.

— Если все так просто, зачем тебе компьютер?

— Да, я легко сделал бы все расчеты, но компьютеру тоже нужна практика. Подожди немного, Дэнни.

Пока русский колдовал над клавиатурой компьютера, в палатку заглянула Харриет.

— Что вы тут делаете? — резко спросила она.

— Важные научные исследования, — легкомысленно ответил Капелюшников, не поднимая головы. К удивлению Дэнни, Харриет не отреагировала. Она выглядела потерянной, подавленной совершенно непохожая на себя. Куда девался ее самоуверенный вид, вид начальника, привыкшего повелевать? Она вошла в палатку и тихо села в стороне, просматривая свои бумаги.

— Вот! — воскликнул пилот и нажал кнопку на клавиатуре. Экран вспыхнул разноцветными полосами, на фоне которых были видны стрелки.— Цвета спектра,— объяснил Капелюшников. — Красный цвет — низшая скорость, цвет свежей травы — самая высокая. Видите? На высоте пятидесяти метров направление ветра сорок пять градусов, скорость восемь километров в час. На высоте сто метров ветер поворачивает на девяносто пять градусов и скорость его пятнадцать километров в час. И так далее. Триумф советской технологии.

Дэйлхауз осторожно заметил:

— Все это прекрасно, но зачем это нам?

— Метеорология,— ухмыльнулся Капелюшников, кивком головы показывая на Харриет.

Женщина подняла голову и вспыхнула.

— Прекрати это, Виссарион. У меня не то настроение, чтобы шутить. Расскажи Дэйлхаузу, что ты действительно хочешь.

Русский удивился, задумался, затем пожал плечами:

— Ол райт. Бедный американец Дэнни, ты беспомощен без своих машин, без техники. Но не я. Я пилот! Я вовсе не желаю барахтаться здесь, как земляной червь, или ты в своем нужнике, Дэнни. Я хочу летать. Мне не дают горючего. Мне не дают материалов для постройки парусного глиссера. Гаша твердо говорит - нет, что же мне делать? Я смотрю вверх и вижу, как в небе летают эти существа на шарах. И я тоже хочу лететь на шаре! — Он ударил кулаком по панели компьютера.— У меня теперь есть газ! Я получил информацию о воздушных потоках. У меня есть советское упорство и способность из ничего создавать вещи. Кроме того, здесь сила тяжести небольшая и повышенное атмосферное давление. Так что теперь я сделаю маленький шар, который сможет

поднять меня, и буду снова летать!

Волна энтузиазма захлестнула Дэйлхауза:

— Это великолепно! А получится?

— Конечно.

— Значит, мы сможем приблизиться к этим существам на шарах. Харриет, ты слышишь? Может, удастся вступить с ними в контакт!

— Прекрасно,— сказала она, и Дэйлхауз более внимательно посмотрел на нее. Да, выглядела она угрюмой.

— Что случилось? — спросил он.

— Я обнаружила радио.

— Аппарат, который пропал во время бури?

Она засмеялась странным каркающим смехом:

— Кхе, кхе, кхе. Надо быть идиотом, чтобы поверить, что аппарат унесло ветром. Он весит не менее двадцати кило. Мне пришло в голову, что он работает и ведет передачи. Так оно и оказалось. Я попыталась засечь его, и мне это удалось. Передатчик оказался...— она смотрела на них,— он оказался прямо под нами, под землей...

Минута была и оставалась минутой. Дэнни был уверен в этом, потому что в нем зародилось сомнение. Пульс его насчитывал сорок два удара в минуту по часам. За минуту он делал три вдоха. Так что маленький промежуток времени не

изменился. Но тысяча четыреста сорок минут, кажется, перестали представлять день. Иногда ему казалось, что прошел целый день, а может, и больше, но по часам оказывалось, что прошло всего шесть или семь часов. Иногда он вдруг чувствовал, что страшно устал, и часы ему говорили, что прошло уже больше суток с тех пор, как он спал последний раз. Харриет пыталась подчинить их определенному распорядку не потому, что в этом была необходимость, а из-за ее любви к порядку. Но это ей не удалось. Они ели тогда, когда им хотелось есть, спали, когда хотелось спать, и вели отсчет времени не по часам, а по событиям. Первый визит воздушных существ произошел сразу после большой бури и незадолго до того, как Пипы получили подкрепление с Земли. Капелюшников запеленговал пропавший передатчик и обнаружил, что он находится в двадцати метрах под землей тогда, когда они отправили первое сообщение и первые образцы на Землю. И когда воздушные существа нанесли визит...

Да, это было чрезвычайное событие, изменившее очень многое для них.

Дэйлхауз проснулся с мыслями о воздушных жителях. Он помог Моррисею проверить ловуш-

ки, приготовил себе еду, установил клапан на водяной душ. Но он все время думал о шарах Капелюшникова. Дэнни отговорил его от использования одного большого шара, наполненного водородом. Он был слишком велик, труден в изготовлении, да и опасен в использовании: ведь одной случайной дыры хватило бы, чтобы пилот рухнул вниз. Поэтому они сейчас наполняли водородом сотню небольших шаров. Капелюшников связывал их вместе. Теперь, даже если лопнет сразу несколько шаров, можно было надеяться, что пассажир спустится на поверхность планеты относительно медленно, а не разобьется в лепешку.

Капелюшников не доверял Дэнни финальную часть работы:

— Нет, дорогой, полечу я, и я хочу сам убедиться, что все сделано правильно.

— Но ты будешь долго копаться. Позволь, я помогу.

— Нет,—ухмыльнулся пилот.—Я знаю, тебе тоже не терпится подняться в небо. Но первым и единственным буду я.

Дэйлхауз в бешенстве побрел прочь. Он уже торчит на этом Клонге больше двух недель, и за все это время он, автор труда Предварительные

Исследования Первого Контакта с Разумными Существами", все еще не вступал в контакт с ними, хотя и видел их. Они ковырялись где-то под землей. Он сидел с кринпитом в геликоптере, и воздушные существа часто висели в небе, хотя никогда не приближались. Тут есть целых три разумных расы, которые нужно изучить! А самое продуктивное, что он, Дэнни, сделал на этой планете — это выкопал яму для нужника.

Он прошел к палатке Харриет, надеясь, что произошло чудо и она смогла проникнуть в тайны языка жителей планеты. Харриет не было, но ленты были на месте. Он крутил и крутил ленты, напряженно пытаясь уловить смысл в странных звуках, пока в палатку не ввалился потный и радостный Капелюшников.

— Все в порядке. Великолепный подъем. Теперь нужно подождать, проверить, нет ли утечки газа. А ты наслаждаешься концертом своих воздушных друзей?

— Это не концерт. Это язык. Это совсем не случайные птичьи крики. Можно услышать и аккорды, и гармонии. Ты понимаешь что-либо в музыке?

— Я? О, Дэнни, я пилот, а не длинноволосый скрипач.

— Все равно. Во всяком случае, это скорее хроматические звуки, а не диатонические. Они близки к тому, что можно услышать у Скрябина.

— Прекраснейший композитор,— просиял русский.— Но скажи, зачем ты слушаешь записи, когда можно слушать реальные голоса?

Дэнни удивленно поднял голову. Действительно, он услышал голоса воздушных существ прямо на улице.

— И к тому же,— продолжал Капелюшников,— ты отбиваешь хлеб у Гаши. Она переводчик, а не ты, и у нее трудный характер. Так что выходи на улицу и слушай своих зеленых и розовых друзей.

Воздушных существ было так много, что они закрывали часть неба и мешали друг другу. Весь лагерь смотрел на них. Красный свет Кунга освещал их, но. многие из них светились сами, излучая розовое или зеленое сияние. Их песни были громкими и чистыми. Харриет уже была здесь. Она установила свои микрофоны везде, чтобы не упустить ничего, но на лице ее было выражение недовольства. Однако это не говорило ни о чем, так как такое выражение было для нее обычным.

— Почему они подлетели так близко? — уди-

вился Дэйлхауз

— Я не хочу отбирать у тебя кусок хлеба, дорогой Дэнни. Ты специалист. Но может быть, их привлекает свет маяка, который мы установили для пилота геликоптера?

Капелюшников показал на вершину башни, где горел прожектор.

— Хм-м,— Дэнни задумался.— Проверим. Будь добр, принеси переносной фонарь. Тогда мы сможем рассмотреть их получше, а может, они подлетят еще ближе.

— Хорошо,— Капелюшников исчез в палатке и вскоре появился, держа в одной руке фонарь, в другой батареи. Он отчаянно ругался на всех языках, стараясь распутать провода. Наконец справился с ними, и яркий луч ударил в небо. Он чрезвычайно возбудил шаристов. Крики, свист, щелканье многократно усилились.

Шаристы стремились к лучу фонаря.

— Как же они управляют полетом? — спросила Харриет. — У нет никаких органов управления, даже крыльев.

— Так же, как я, дорогая Гаша,— улыбнулся русский. — Они перемещаются вверх и вниз в поисках подходящего по направлению воздушного течения. Держи фонарь, Дэнни. Я должен наблю-

дать за действиями специалистов, учиться.

Шаристы были совсем близко. Яркий свет фонаря позволял рассмотреть их окраску, которая отличалась большим разнообразием. Цветные полосы, разводы, сложный рисунок — совсем как камуфляжная окраска военных объектов в эпоху мировых войн.

— Изумительно,— проговорил Дэнни.— Но зачем им столько цветов, если они не могут видеть их?

— Это ты так считаешь,— сказал Капелюшников.— Но ты же не знаешь природу их зрения. Может, для них этот свет такой же, как для тебя свет солнца. О! Прекрасный выстрел, Моррисей!

Дэйлхауз от неожиданности подпрыгнул на метр, когда сзади него раздался выстрел единственного в лагере пистолета. Один из шаристов по крутой спирали полетел вниз.

— Я поймаю! — крикнул Капелюшников и бросился, чтобы не допустить удара о землю при падении шариста.

— Зачем ты сделал это, черт побери? — крикнул Дэнни. Биолог удивленно повернулся к нему:

— Мне нужны образцы фауны.

Харриет зло рассмеялась.

— Стыдись, Моррисей. Ты даже не спросил раз-

решения Дэнни на отстрел его друзей.

— Не смейся, Харриет. У меня трудная работа. Как я мог бы раздобыть образец воздушного существа, если бы не выстрелил?

— О, конечно, Дэйлхауз, тебе не кажется, что они заметались в ужасе? — она показала на разметавшуюся в небе стаю. Вернулся Капелюшников, неся на плече пластиковый мешок.

— Чуть не подрался с одним из ваших друзей кринпитов. Огромный, безобразный. Не знаю, кто победил бы из нас, если бы он захотел оспаривать добычу.

— Но в окрестностях нет кринпитов,— сказала Харриет.

— Сейчас есть, Гаша. Но не думай об этом. Лучше посмотри, какого красавца я принес.

Шарист был жив. Более того, он даже не был ранен. По крайней мере, крови не было видно. Пуля попала и продырявила только газовый пузырь. Маленькое личико все время гримасничало, как будто его мучил нервный тик. Его большие глаза смотрели на них. Он издавал еле слышные вздохи.

— Ужасно,—сказала Харриет, отступая.— Почему он не кричит?

— Если бы я знал ответ, — сказал Моррисей,

— мне не нужно было бы собирать коллекцию образцов местной фауны.— Он опустился на колени, чтобы лучше рассмотреть пленника.— Могу предположить, что моя пуля вышибла из него дух. Видимо, он пользуется водородом для движения голосовых связок.— Он покачал головой и посмотрел вверх.

— Может быть нужно подстрелить еще несколько?

— Нет!

— Боже, Дэйлхауз! Харриет права относительно тебя. Ну, хорошо. Посмотрим хотя бы повнимательнее. Дай мне фонарь.

Капелюшников протянул ему и фонарь и батареи. Моррисей долго ковырялся, пока смог зажечь фонарь.

— Направляй свет на них, Моррисей!

Биолог направил луч на край стаи. Все большее и большее число устремлялись к лучу, и вскоре все они сбились в плотный клубок.

Когда погас огонь, стая стала действовать, как единый организм. Они образовали эллипсовидный клубок вокруг луча. Песни их достигли крещендо, и они непрерывно меняли конфигурацию клубка. Те, что были поменьше и менее яркие, оказывались внизу, а самые большие и

яркие переместились наверх. Дэйлхауз смотрел на это в изумлении и даже не заметил, что лицо его стало влажным. Он пришел в себя, только услышав удивленный крик Капелюшникова:

— Дождь!

Но это был не дождь. Жидкость была сладкой и немного липкой на губах. Она пробуждала что-то дикое, первобытное.

— Только не глотать! — закричал Моррисей в панике, но многие из них уже облизали губы. Теперь уже ничего не поделаешь, подумал Дэнни. Если жидкость ядовита, все они погибли и так.

— Идиоты! — закричала Харриет, вскакивая на ноги. Она никогда не была привлекательной, но сейчас совсем напоминала ведьму: узкое лицо искажено гримасой, неровные зубы оскалены

— Нужно смыть это! Тащите воду, Дэнни и Капелюшников.

— Да, Гаша, — томно сказал пилот.

— Быстрее! — крикнула она.

— О, конечно,— он прошел несколько шагов, затем остановился и кокетливо посмотрел через плечо. — Алюша, дорогая. Ты не поможешь мне принести воды?

Навигатор хихикнула. Она что-то ответила по-русски. Эти слова заставили покраснеть Харриет

и ухмыльнуться Капелюшникова.

— Разве вы не понимаете, идиоты, что это опасно? — кричал Харриет, стиснув руку Дэйлхауза. — Дэнни, ты всегда был мне более приятен, чем остальные. Принеси мне воды.

Он повернулся к ней и прошептал:

— О, да, дорогая, мы пойдем за водой вместе.

— Дэнни! — выдохнула она. Она уже больше не сердилась. Теперь она улыбалась, позволяя увлечь себя к озеру.

Он снова пробежал языком по губам. Что бы это ни было, чем больше он пробовал, тем больше хотелось лизать эту жидкость, не сладкую, не терпкую, не похожую ни на какой фруктовый цветочный сок. Это было нечто, чего он не пробовал никогда. Он увидел, как Харриет тоже скользнула языком по губам, и у него возникло странное желание вкусить эту жидкость с ее губ. Яростное желание вспыхнуло в нем, и он грубо обхватил Харриет за талию и притянул к себе.

Они страстно целовали друг друга, а их руки, помимо их разума, ожесточенно срывали одежду.

Им даже не пришло в голову спрятаться. И они не думали о том, что вокруг них все члены экспедиции, как охваченные внезапным безумием, совокуплялись друг с другом. А над ними с

пением кружили жители и сыпали на них туман сладостной жидкости.

Глава 7

Ана Димитрова сидела за столом возле окна в греческой чайной в Глазго и писала свое ежедневное письмо Ахмеду. Она совсем не посылала их. Это было бы слишком экстравагантно. Но каждую неделю в воскресенье она раскладывала их на столе и копировала лучшие места, чтобы занести их на микрофон. Сейчас она сидела в лучах северного солнца, положив левый локоть на стол рядом с чашкой крепкого остывающего чая, положив голову на руку и забыв об уличном шуме, о пролетающих мимо по дороге желто-зеленых автомобилях, и писала:

"Кажется, прошла вечность с тех пор, как я поцеловала твои ресницы и попрощалась с тобой. Мне так же не хватает тебя, милый Ахмед! Здесь ужасно. Ужасно и чуждо. Здесь пахнет нефтью, выхлопными газами. Жуткие запахи. Пусть. Еще пять-десять лет, и в их Северном море нефть кончится, и тогда мы посмотрим.

У меня жуткие головные боли. Я думаю, это от их языка. Очень мучительно говорить на их языке. Но все будет хорошо, дорогой Ахмед. Головные

боли пройдут. Боли в сердце гораздо мучительнее и они пройдут не скоро..."

— Еще чаю, мисс?

Английские слова резанули ухо Нан. Она моргнула и подняла голову:

— Благодарю, нет.

— Скоро мы подадим ленч, мисс. Сегодня очень вкусный сульваки.

— Нет, нет. Спасибо. Я должна возвращаться в отель.

Она подумала, что слишком много времени засиделась над письмом и теперь ей нужно торопиться. Снова вернулась головная боль. Да, эти резкие, грубые, чуждые звуки болью отдавались в ее голове. Но, разумеется, дело было вовсе не в языке, как таковом. Скорее всего, дело в том, что она стала дипломатическим переводчиком. Научные доклады было легко переводить. Ведь многие слова звучали одинаково на всех языках. В дипломатии риск был гораздо больше. Здесь большое значение приобретали нюансы. Ведь безразлично, каким тоном вы будете говорить о поляриметрии в рентгеновском спектре. Но в речи об установке радиостанции в Средней Атлантике любая неточность в выражении могла привести к войне.

Нан оплатила чек и осторожно пошла по Галлоугэйт, сторонясь громадных автобусов, проносящихся по улице. Выхлопные газы вызывали кашель. У нее першило в горле.

Она проходила мимо магазинов, таких оживленных, ярких и веселых, но не смотрела ни на одну витрину. Нынешняя мода дойдет до Софии только через пару лет. Но ей это было все равно. Приятно купить новое платье и надеть его для Ахмеда. Но сейчас, когда он был за миллионы километров от нее, Нан одевалась как можно проще, чтобы не привлекать к себе внимания. Все вечера она проводила одна, слушая музыку и изучая грамматику. Главным ее развлечением было перепечатывание редких писем Ахмеда. Хотя они не были очень веселыми. Из них следовало, что Сын Кунга оказался довольно угрюмой и жестокой планетой. Она повернула, чтобы дойти до отеля по набережной и избежать уличного шума. Но это было бесполезно. Автомобили проносились и тут. Даже поверхность воды Клайда была покрыта нефтяными разводами. Как можно жить здесь? И всего этого можно было избежать. Только немного подумать. Разумно спланировать. Зачем монтировать очистители нефти в центре города? Зачем загрязнять реку, которая

могла бы стать чистым и свежим оазисом в этом мире нефти и бензина? Зачем выкачивать нефть со дна океана, если она могла бы стать поставщиком энергии, пищи, сырья для следующих поколений? И зачем вообще использовать нефть, вонючие автомобили, если можно использовать чистые источники энергии, например, водород, который с удовольствием продавала бы соседняя Исландия?

Но Сын Кунга...

На Сыне Кунга все было бы по-другому. Как ей хотелось бы оказаться там! С Ахмедом. Но не только для того, чтобы быть с ним, сказала она себе, но для того, чтобы стать частью нового мира, где можно было бы построить жизнь. Там можно было бы избежать земных ошибок. Где дети могли бы с уверенностью смотреть в будущее.

Конечно, дети ее и Ахмеда. Нан улыбнулась про себя. Она была честной перед собой и прекрасно понимала, что Сын Кунга казался ей привлекательным только потому, что там был Ахмед. Если бы она была не здесь! Она читала между строк его писем тревожные ноты. Многие члены экспедиции заболели. Некоторые умерли в первые же дни. И его письма были написаны и исправлены именно в первые дни. Может, и он тоже... Нет. Она

все же не могла отогнать эту мысль. Нет, нет, не нужно думать об этом. Есть и другие тревожные темы. Например, на том снимке, который он прислал, он был ужасно похудевшим. На снимке был один, но Нан заметила, что на его плече лежала чья-то рука. И она дала бы голову на отсечение, что это была рука женщины.

— Мисс Димитрова! Нан!

И тут же поняла, что ноги принесли ее в отель и что ее приветствует мужчина, которого она почти узнала. Смуглый, низенький, пухлый, среднего возраста. На его губах была улыбка дипломата, и даже в полумраке отеля она заметила, что на нем костюм из настоящей мягкой шерсти. Он тут же представился:

— Я Там Гулсмит. Помните? Мы встретились на приеме в прошлом месяце.— Он щелкнул пальцами.— Ваши вещи собраны. У вас есть время, чтобы немного выпить?

Теперь она вспомнила его. Он был очень настойчив в своих ухаживаниях за нею. Он даже поджидал ее в коридоре и тут же путался в длинные разговоры. Иногда очень откровенные. Нан объяснила ему, что все это ни к чему не приведет. Нан не стала объяснять причины. Ведь дело тут вовсе не в том, что она любит другого. Дело в

социалистической морали. В. И. Ленин говорил об этом. Свободная любовь, конечно, хорошо, но кто захочет пить из сосуда, которого касались тысячи губ до тебя? И тут же она вспомнила, что в Москве к каждому питьевому крану цепью прикован стакан, из которого наверняка пили тысячи человек. Пусть люди Блока Горючего делают, что хотят: индивидуальный разврат, групповые оргии, что угодно. Она здесь не для того, чтобы судить о их поведении, но девушке из социалистической страны не к лицу даже курить на улице. Эти принципы были выучены ею с детства и теперь, когда она стала взрослой, она не собирается отказываться от них.

— Сэр Там,— начала она, вспомнив, что каждый англичанин любит, чтобы к его имени добавляли эту бессмысленную приставку,— я рада снова видеть вас, но сейчас я должна лететь в Нью-Йорк на дебаты в ООН, и у меня совершенно нет времени...

— О, у вас полно времени, дорогая. Именно для этого я здесь. Бой!

Тут же к ним подкатил бой на своей тележке. Это тоже было совершенно ни к чему. Для переноски ее единственного маленького чемодана на молнии вовсе не требовалась эта громоздкая,

пахнущая бензином колымага. Она и сама с легкостью донесла бы его.

Сэр Там ухмыльнулся:

— Мы, англичане, очень консервативны, даже в приверженности к этим старым развалинам. Даже от лошади мы отказались через много лет после того, как от них отказались во всех остальных странах. К счастью для нас, мы можем позволить себе такой консерватизм. А теперь, может выпьем немного?

— Нет, сэр Там. За мной вот-вот должен прийти автомобиль, чтобы отвезти в аэропорт.

— Он уже здесь, дорогая. Я сам привел его. Правительство доверило мне Конкорд!!! И я сам вожу его. Когда я услышал, что здесь находится друг Год Меннингер, я сразу освободился от дел, чтобы приехать сюда. Вам понравится автомобиль. Он очень просторный, и мы доедем до Нью-Йорка за девяносто минут.

Ужасно, ужасно. Конечно, англичане могут многое позволить себе. Океан нефти под Северным морем и щупальца их станций уже добрались до средне-атлантического хребта. Но это же ужасно аморально.

Однако возможности отказаться у нее не было. Сэр Там разбил все ее возражения, и прежде

чем она поняла, что случилось, она уже садилась, о боже, в сверхзвуковой самолет. Когда они пристегнулись, и мягкие кресла приняли их, перед ними сразу возник столик с бутылкой и стаканами. Самолет взмыл вверх. Ускорение было пугающим. Земля уходила от них с небывалой скоростью. Странно, но она совершенно не слышала шума двигателей, как на обычных самолетах.

— Как тихо,— сказала она, отодвигаясь от нахальной руки сэра Тама.

Он хмыкнул:

— Пять тысяч километров в час для вас. Весь звук остается сзади. Вам нравится?

— О, да,—согласилась она стараясь помешать ему налить в свой стакан вино. Но это ей не удалось.

— По вашему тону можно судить, что вы сказали "о, нет".

— Может быть, сэр Там. Ведь самолет сжигает уйму нефти.

— Он ее совсем не сжигает. Горючее здесь—кислород и водород. Никакого загрязнения.

— Но чтобы получить водород, нужно сжигать нефть.— Она подумала, сможет ли поддерживать разговор о химии весь полет через Атлантику,

и решила, что нет. Поэтому она выбрала другую тему.

— Но лететь страшно. Через эти окошечки ничего не видно.

— А что там видеть? Вы хотите смотреть на облака?

— Я летела над океаном много раз, сэр Там. И там есть, что посмотреть. Айсберги. Сам океан. А здесь, на высоте двадцать тысяч метров, смотреть не на что.

— Не могу согласиться с вами,— сказал сэр Там, недвусмысленно придвигаясь к ней.— Будь моя воля, я бы вовсе не делал окон в самолетах.

Нан смочила губы виски и сказала:

— Но это так необычно. Может, вы покажете мне самолет?

— Показать самолет?

— Да, пожалуйста. Это так ново для меня.

— Что тут смотреть, дорогая?—Затем он пожал плечами. — Впрочем, как хотите.

Она поднялась с благодарностью. Наконец-то он будет вынужден убрать руку с ее колена. Головная боль уменьшилась. Возможно потому, что она дышала теперь свежим воздухом, а не смогом Глазго, но она была очень обеспокоена. Он дал ей ясно понять, что они были единственными

пассажирами на самолете. Это подействовало на нее обескураживающе. Правда, она надеялась на помощь стюардесс, но они все трое ушли в свое служебное помещение. Так что этот небольшой салон стал несколько более интимным, чем ей хотелось бы.

Но когда они вошли в другое помещение, ей совсем стало не по себе. Она надеялась, что это будет служебное помещение, а оказалось, что это спальня. Здесь даже была — разве можно поверить в это?—кровать. И, разумеется, не для чего иного, как для самых аморальных действий.

— Вот это помещение,— сказал у нее за плечами сэр Там,— вам следует осмотреть. Вперед, Нан, пусть эмоции ведут тебя.

— Нет, нет! — вскрикнула она, пытаясь освободиться от его похотливой руки

— Сэр Там,— сказала она серьезным тоном,— должна сообщить вам, что я помолвлена. И мне неприлично находиться в подобной ситуации.

— О, как старомодно!

— Сэр Там,— она уже почти кричала. Она была зла не только на него, но и на себя. Если бы она подумала хоть немного, она могла бы понять, к чему все это приведет, и смогла бы избежать этого. И теперь она в ловушке: перед ней постель, а

позади нее этот грязный тип. Его губы уже прижались к ее уху и что-то шепчут. Снова у нее голова взорвалась болью. В отчаянии она ухватилась за соломинку.

— Мы... мы говорили о Годфри Меннингере?

— Что?

— Годфрид Меннингер. Отец моей хорошей подруги, капитана Мэгги Меннингер. Вы говорили о нем в отеле.

Он некоторое время молчал, не выпуская ее, но и не пытаясь притянуть к себе ближе.

— Вы хорошо знаете Года Меннингера?

— Только через его дочь. Я когда-то спасла ее из тюрьмы.

Его объятия ослабели. Через момент он легонько шлепнул ее и отступил назад.

— Идем, выпьем,— сказал он и позвонил, вызывая стюардессу. Улыбку сатира на его лице сменила улыбка дипломата.

Разговор снова стал нейтральным. Они вернулись на места, и Нан даже заказала стюардессе стакан крепкого чаю вместо виски, на котором настаивал сэр Там. Он, казалось, чрезвычайно заинтересовался маленьким эпизодом в Софии и потребовал, чтобы она подробно рассказала все. Снимали ли у них отпечатки пальцев? Занесли

ли данные о них в книги? Вызывали ли Ану в милицию впоследствии и не допрашивали ли ее?

Его интересовали самые тривиальные вещи, но Ана была рада рассказывать ему без конца, пока длится полет через Атлантику, лишь бы он держал при себе свои похотливые руки. Когда он выкачал у нее все, он откинулся на спинку кресла, смакуя виски и глядя в задумчивости на черно-голубое безоблачное небо.

— Очень интересно,— наконец сказал он.— Бедняжка. Я знал ее еще с детства.— Нан не могла себе представить Мэгги Меннингер девочкой, но промолчала. Сэр Там продолжал: — И этот старый Год. Вы давно знакомы с ним?

— Лично я с ним не знакома,— осторожно сказала Нан, стараясь не солгать.— Но он крупный мужчина в делах культуры. Меня эти вопросы очень интересуют.

— Культура,— протянул задумчиво сэр Там. Казалось, он хотел искренне улыбнуться, но не позволил улыбке дипломата соскользнуть с лица — Вы очень милая, Нан,—сказал он и посмотрел на часы.— О, почти прилетели,— с сожалением сказал он. Но я надеюсь, вы позволите мне проводить вас в отель.

Утренняя сессия ООН была очень утомитель-

ной. У Нан не было времени даже для ленча. Она была занята редактированием переводов компьютера. Полуденная сессия тоже оказалась настоящей кошачьей дракой.

Дебаты на право ловли криля в Антарктике. Это была пища, поэтому споры были жаркими. Переводить приходилось очень тщательно, и Нан не могла расслабиться ни на секунду. В каждом языке находились свои названия для рыболовных судов, морских продуктов, моряков. Она переводила с трех языков: русского, болгарского и английского. Когда говорили на других языках, она молчала, но все равно напряженно прислушивалась. Головные боли буквально терзали ее.

Такова была цена за то, что оба полушария мозга были искусственно расщеплены, чтобы она могла легко постигать языки. Когда ей предлагали эту операцию, то не сказали, с какими мучениями это будет сопряжено. Впрочем, откуда им знать. Ведь если сам не испытал такой боли, тебе не понять мучения другого.

И хуже всего, что она очень устала и очень хотела спать. Сэр Там сопровождал ее до самой двери ее комнаты в отеле и даже попытался сунуть ногу в дверь. Руки его беспрерывно шарили по ее телу все время, пока они ехали в лимузине.

Единственный способ избавиться от него, это сказать, что она смертельно устала и если сразу же не ляжет спать, то упадет с ног.

Итак, она уснула. И проснулась в полночь, понимая, что больше ей не уснуть. А что делать одиннадцать часов до начала утренней сессии?

Конечно, письмо Ахмеду. Несколько часов изучения неправильных глаголов английского языка. Еще час работать с магнитофоном для отработки произношения. Но затем она ощутила усталость. Сейчас бы хорошо пройтись по университетскому парку. Но он в Софии, за десять тысяч километров отсюда. В Нью- Йорке ей не найти свежего утреннего воздуха. Так что она вошла в свою кабину переводчика с таким ощущением, что она уже проработала целый день без отдыха.

Сейчас выступал сэр Там. Лицо его стало пурпурно-красным и он буквально кричал. Одной половиной мозга Нан думала, почему он кричит, в то время как вторая половина занималась автоматической работой по переводу. Странно, столько страсти, и все ради этой рыбы. Даже не рыбы. А мелкого рачка. Нан знала, что это продается в банках в виде серого порошка под названием белковый концентрат. Ясно, что это в пищу годится, но аппетита не вызывает. В бога-

той продовольствием Болгарии этот продукт не пользовался спросом.

Но сэр Там был крайне возбужден. Он кричал, что этот продукт жизненно важен для стран блока Горючего. И он должен быть предоставлен Блоку. Страны Блока уже создали большой флот для ловли и обработки криля в холодной Антарктике. Он сослался на Морское Право, на Британо-Португальский Договор от 1242 года. Он заявил, что криль абсолютно необходим сельскому хозяйству Англии, как удобрение для полей.

Здесь его прервал уругвайский делегат:

— Сельское хозяйство! Вы скармливаете протеин скоту!

— Конечно,—твердо сказал сэр Там.— У нас нет таких пастбищ, как в вашей стране. Чтобы накормить скот, нам нужно ввозить...

Кто-то из американской делегации громко и неприятно рассмеялся, и уругваец осуждающе постучал по столу.

— Значит, вы кормите животных, сэр Гулсмит? Но у нас есть свидетельство вашего министерства здравоохранения, что вы кормите крилем своих кошек и собак! Как это понимать?

Сэр Там мученически посмотрел на президента ассамблеи.

— Сэр, я должен просить, чтобы вы воздействовали на моих оппонентов и потребовали от них уважения ко мне.

Президентом был здоровенный негр из Ганы. Он ни разу не посмотрел ни на одного из ораторов. Он не поднимал глаз от стола, так как секретарь непрерывно подкладывал ему документы на подпись. Он сказал:

— Я прошу делегата Уругвая воздержаться от вопросов и замечаний, пока делегат Объединенного Королевства не закончит свое выступление.

Сэр Там благодарно поклонился ему.

— Благодарю. Но я уже почти закончил. Конечно, какая-то часть криля идет на корм домашним животным, другая часть на удобрение полей, третья - на добавление протеина в знаменитый английский биф. Но разве это предмет для разговора здесь? Я думаю, что никто из делегатов не может посягать на традиционные права Англии по ловле рыбы и криля в своих целях в международных водах и использовать их. Если нам никто не будет препятствовать в этом, заверяю вас, что с нашей стороны никаких инцидентов не будет. Мир будет сохранен.

И он сел на место, почтительно поклонившись президенту, сардонически улыбнувшись уруг-

вайцу и весело подмигнул Ане, сидящей в кабине переводчика. Она чуть не задохнулась от негодования: до чего же легкомысленный субъект! Однако сэр Там тут же стал серьезным и начал что-то писать, даже не обратив внимания на то, что президент закончил подписывать документы, со щелчком застегнул портфель и сказал:

— - Мы получили сведения, что выступление следующего делегата будет длинным. Сейчас уже четыре часа, поэтому я предлагаю перенести дебаты на завтрашнюю утреннюю сессию.

В зале поднялся шум. Нан откинулась на спинку кресла, потерла виски. Затем она поднялась, чтобы быстренько перекусить, потом — спать, долго спать.

Нет. Ничего у нее не вышло. Когда она вышла из кабины, к ней подошел посыльный и вручил записку от сэра Тама.

"Абсолютно необходимо, чтобы вы присутствовали на приеме и в ДВЛ. Я буду сопровождать вас".

Значит, отдыха не будет. Она могла бы отказаться от приглашения, но сэр Там заручился поддержкой главы болгарской миссии при ООН, и тот все равно бы заставил ее идти на прием.

Она быстро вымылась, оделась так, как ей ка-

залось подходящим для случая, и вышла из отеля на улицу. В голове у нее непрерывно стучало. Она сказала свое имя охраннику у дверей ДВЛ. Тот сверился со списком, официально улыбнулся и пропустил ее.

Какой гвалт! Сколько дыма, запахов пищи и вина! И вот, конечно, сэр Там, с букетом в руке. Другой рукой он обнимал за плечи пухлого смуглого улыбающегося человека, которого Нан не сразу узнала. А ведь это был именно тот уругваец, которого сэр Там час назад обвинял в оскорблениях.

— Нан! Эй, Нан! Иди сюда! — сэр Там представил их друг другу. Нан не могла найти причину для отказа и поняла раньше, чем это случилось, что Гулсмит будет снова ее лапать. Именно это и произошло вскоре. Цветы оказались парижскими фиалками — совершенно не по сезону,— и предназначались именно для нее. Гулсмит настояв на том, чтобы самому приколоть цветы на ее грудь и затратил на это гораздо больше времени, чем требовалось. Остальные старались не замечать этого, хотя и посмеивались.

Нан рассердило то, что этот наглый шотландец демонстрирует перед всеми свою близость с нею, как бы намекая на существующие между ними

активные отношения. Тем более здесь, где собрались леди из соперничающих блоков. Что скажет глава ее делегации, когда узнает об этом? Сэр Там и саудовец — из блока экспорта Горючего. Уругваец — из блока Народов. Его союзники здесь — две китаянки в туфлях на высоких каблуках и пиджаках из синего шелка в нео-маоистском стиле.

— Вы даже не можете себе представить,— ухмыльнулся сэр Там, представив их друг другу,— что наши друзья прячут в рукавах на завтра. Расскажи, Ляо-цвен.

Одна из китаянок положила руку на локоть Нан и улыбнулась. К этому времени она уже прилично выпила. Она несколько затягивала слоги, но речь ее была вполне разборчива.

— Народная Республика Бенгали делает чрезвычайное сообщение. Весьма решительное сообщение, мисс Димитрова. Относительно многонациональной экспедиции стран Блока Экспорта Продовольствия и насильственных действий против аборигенов Сына Кунга.

— Насилие? Что вы имеете в виду?—спросила Нан, удивившись и испугавшись. Неужели на планете начались военные действия, и Ахмед оказался втянутым в них?

— Вот так, дорогая девочка,— хмыкнул сэр

Там,— маленькая банда вашего друга Года начала стрелять по безвредным шаристам. Но не беспокойтесь. Я не думаю, что это серьезно. Мы ведь собрались не для этого, сеньор Коррубаис?

Уругваец пожал плечами.

— Официальных консультаций с Народной Республикой еще не было, это правда.

— А неофициальных?

Коррубаис посмотрел на старшую китаянку, которая кивнула, и сказал:

— Я могу высказать свое личное мнение. Я считаю, что акты насилия, о которых мы слышали, это абсурд. Разве можно относиться серьезно к стрельбе по резиновым воздушным шарам?

— Сообщают еще о насилии над подземной расой,—сказала китаянка. Она сделала еще глоток из стакана и с таинственным видом посмотрела на сэра Тама.— Но это тоже... Откуда нам знать, что эти существа действительно разумны? Не будем же мы порицать фермера из Небраски, который, вспахивая свое поле, разрушил нору крота?

— Можно говорить также,— сказала Нан, сама удивляясь резкости своего тона,— о том, что и раса ракообразных пострадала от действий землян.— Но сэр Там остановил ее, мягко нажав

на плечо. Она не протестовала. Внезапно она подумала, что вдруг группа Ахмеда повинна в этих насильственных действиях, о которых она так мало знала.

— Мне понравилась ваша пикировка,— сказал сэр Там, пряча за улыбкой угрозу, прозвучавшую в его словах. Нан задумалась, почему он так откровенно и настойчиво афиширует свою близость с нею, обнимая ее за плечи, постоянно наполняя ее бокал.

Да, окружающие могут подумать, что он частый гость у нее в постели. Она вспыхнула при одной этой мысли. Плохо, когда люди видят твою распущенность, но быть виновной без вины... это ужасно! Почему сэр Там всячески старается создать у людей такое впечатление о ней? Может быть, среди людей Блока Экспорта Горючего это считается нормальным? А может, он старается продемонстрировать, что он все еще может удовлетворить женщину? Что это за люди, которые окружают ее здесь?

— Простите меня,—сказала она, оглядываясь вокруг, как бы ища туалетную комнату. Но как только ей удалось избавиться от общества сэра Тама, — странно, что он не пошел сопровождать ее в туалет,— она пошла в буфет. Нужно вос-

становить сахар в крови. Может это уменьшит головную боль, снимет усталость, и тогда она сможет придумать, как же ей освободиться от настойчивых ухаживаний сэра Тама.

Стол был очень богатым. Даже в Софии не могло быть богаче. Ана знала, что прием устраивала делегация Тибета. Но почему такой богатый стол? Икра вряд ли была привезена из Гималаев. А эти фрукты на льду? В высокогорных долинах они не растут. А в центре стола высились искусно изготовленные копии представителей рас Сына Кунга! Ракообразный был изваян из клубничного щербета. Нечто длинное, тонкое,— подземный житель? — сделан из фаугра. И тут же, рядом с нею, стоял возле стола седоволосый человек. Он попросил более молодого спутника положить ему на тарелку эти лакомства. Полная ложка фаугра, кусочек мяса, круассан, ложку от воздушного шара шариста. Человек перехватил взгляд Нан и молча улыбнулся.

Отвратительное зрелище. У Нан сразу пропал аппетит. Он, отвернулась от стола и тут же увидела сэра Тама, который направлялся к ней. Странно, но он кивнул ей и показал... на кого? На седого человека возле стола?

Она присмотрелась к нему более внимательно.

Они встречались раньше? Нет. Но лицо его было ей знакомо. По фотографиям. Но фотография явно не из газет.

Она повернулась к нему, но молодой человек тут же оказался между ними, вежливый, но готовый ко всему. К чему? Может он считает ее убийцей?

И тут она вспомнила, где видела это лицо.

— Вы Годфри Меннингер,— сказала она.

На лице его выразилось удивление.

— Да.

— Мы никогда не встречались, но я видела ваш портрет в газетах. С дочерью. Я Ана Димитрова, и мы встречались с вашей дочерью в Софии.

— О, конечно! Ангел спасения. Все в порядке, Тедди,— сказал он телохранителю, и тот отошел в сторону и начал накладывать в тарелку различные салаты.— Рад встретиться с вами, Ана. Мэгги где-то здесь. Но еда ее не привлекает. Метаболизм она унаследовала от матери. Она не может даже смотреть на пищу. Пойдем, найдём ее.

Капитан Меннингер задумчиво пила перье и позволила пятидесятилетнему японскому атташе думать, что он наконец пробился через ее защитные бастионы. Вдруг она услышала сзади голос отца.

— Мэгги, дорогая. Для тебя сюрприз. Ты помнишь Ану Димитрову?

— Нет,— Мэгги внимательно осмотрела женщину. Не с вызовом, а так, как человек изучает карту незнакомой земли. Затем в голове ее щелкнуло реле:— Да,— поправила она себя. Болгарка. Рада видеть вас здесь.

Разумеется, она вовсе не желала входить в дружеские отношения с этой болгаркой. Но, с другой стороны, она не хотела и приобретать в ее лице врага. Эта болгарка валялась в постели с пакистанцем, как его? Ахмед Дулла, член первой экспедиции пипов на Клонг. Может, эта связь окажется полезной. Поэтому Мэгги повернулась к японцу и сказала:

— Тэцу, позвольте представить вам Ану Димитрову. Она здорово помогла в Болгарии. Вы знаете, что я иногда очень неосторожно шучу. Мне не удержаться. И конечно, я сказала что-то ужасное в Софии. Политика, разумеется. И я попала в неприятную историю. И тут явилась Нан. Совершенно незнакомая со мной. Просто хороший человек. Она вытащила меня из неприятностей. А где тот приятный молодой человек, с которым вы были тогда, Нан?

— Ахмед на Кунгсоне,— сказала Нан. Ей не

понравился этот покровительственный тон, которым говорила с нею эта пухлая блондинка.

— О, да? Какое совпадение. Вы, конечно, помните доктора Дэйлхауза? Он там тоже. Может, они там встретились.— Она заметила знаки своего отца и спросила: — Папа, что ты забеспокоился? Я опять сказала что-то не то?

Годфри Меннингер улыбнулся.

— Я беспокоюсь о том, что нам уже пора. Ты не забыла, что у тебя назначена встреча в МИТ?

— О, дорогой, совсем забыла.— Неправда. Мэгги не забыла о назначенной встрече, которая должна была состояться завтра утром. И она знала, что отец ее тоже не забыл.

— А кроме того,— продолжал он,— если ты еще немного побудешь здесь, завтра ты будешь чесаться. Ты забыла, что у тебя аллергия к цветам?

Тоже неправда. У Мэгги не было никакой аллергии:

— Ты так заботлив, папа. Как жаль, что наша встреча была такой короткой, но я очень рада была повидаться с тобой.— К Тэцу: — когда будешь в Хьюстоне, заходи.—Японец что-то просвистел и поклонился. Если он когда-либо появится в Хьюстоне, подумала Мэгги, я сбегу оттуда. Для нее лечь в постель с мужчиной давно уже пе-

рестало быть проблемой, но для этого все же нужен взаимный интерес, а не только притязания мужчины.

В автомобиле, где уже сидел на переднем сидении телохранитель, она спросила:

— В чем дело, папа?

— Может быть, эта маленькая болгарка вовсе не такая уж провинциальная простушка, как кажется. Тедди незаметно пощупал ее. У нее в корсаже микрофон.

— У нее? Не может быть.

— Это факт. Может быть, это дело рук ее службы безопасно, кто знает? Там было полно акул. Может, она — одна из них.

— Ты хочешь знать, что я вытянула из японца? — и она рассказала, что ей удалось узнать о Бенгальской резолюции.

Он откинулся назад.

— Обычная возня в кулуарах ООН. Я перевернул твое ведро с помоями, ты забросил мне на крышу дохлую кошку. Они собираются опубликовать это?

— Он не сказал, папа. Кажется, он относится к резолюции не очень серьезно.

Отец в задумчивости потер живот.

— С этими пипами никогда ничего не знаешь.

Наследник Мао сделал ставку на Клонг. Бенгалы не начнут ничего, пока не прояснят отношения с Запретным Городом.

У Мэгги зашевелились на голове волосы.

— Ты думаешь, что моя миссия закончится провалом?

— О, нет. Не беспокойся. Расслабься. Ты совсем, как твоя мать. Она была очень эмоциональна. Когда тебя похитили, я думал у нее будет нервный припадок.

— Зато ты всегда был очень спокоен и не собирался шевельнуть даже пальцем ради меня.

— Но я же знал, что с тобой будет все ол райт. Я действительно знал.

— Ладно, не будем говорить об этом.— Мэгги сложила руки на коленях и посмотрела в окно. Между комплексом зданий ООН и аэропортом не было никаких зданий. Все было пусто. Однако Мэгги все равно ничего не видела. Она была погружена в свои мысли. Наконец, она медленно сказала:

— Послушай, папа. Я хочу усилить нашу миссию. Именно теперь.

— Почему такая спешка?

— Не знаю, но чувствую, что нужно торопиться. Я хочу сделать это до того, как Пипы и Гризи

пустят там глубоко свои корни и забросят туда столько людей, чтобы объявить Кунгсон своей собственностью. Я хочу, чтобы мы там были самыми первыми и самыми сильными, потому что я хочу эту планету для нас.

— Чепуха, милая. Разве в Уэст-Пойнте тебя не учили приоритетам? Все эта возня насчет криля, а теперь еще Гризи снова угрожают поднять цены... Ты понимаешь, какая сложная обстановка? Сейчас передо мною стоит сложная задача, и я могу заняться только ею одной.

— Но, папа. Я не хочу говорить, насколько важна моя миссия. Ведь это целая планета.

— Разумеется, но...

— Никаких но. Мне кажется, ты не понимаешь, какие выгоды сулит владение целой планетой. Для нас, папа, только для нас. Разрабатывать все природные ресурсы планомерно и самым рациональным способом. Горючее. Города, которые не будут уничтожать природу. Поля и пастбища. Индустрия, развивающаяся по строго намеченным планам в зависимости от необходимых потребностей. Планирование роста населения. Мы вырастим новое, сильное, уверенное в себе поколение. Это будут американцы, папа. Может, сначала там будет трудно, но через сотни лет

каждый захочет жить только там. И я хочу сделать это.

Годфри Меннингер вздохнул, с любовью посмотрел на дочь, самую старшую и самую беспокойную из всех его детей.

— Ты еще хуже, чем была твоя мать,—сказал он.— Ну, что ж, я выслушал тебя и посмотрю, что можно сделать.

Технологическая Башня Два высилась на берегу Чарльз Ривер и превосходила по объему все старые кирпичные здания вокруг. В Башне не было аудиторий, не было администрации. Это чисто исследовательский корпус с мощным вычислительным центром в подвале. На крыше было установлено множество антенн для изучения космического излучения.

Массачусетский Технологический Институт имел богатые традиции в исследовании космоса, здесь работали в этом направлении еще тогда, когда в печати не появилось ни одной работы на эту тему. Мэгги Меннингер провела шесть месяцев в этом учебном заведении, изучая космические дисциплины. И теперь она старалась не порывать контакты с МТИ.

Женщина, с которой Мэгги хотела увидеться, обладала огромной властью в МТИ, хотя была

всего лишь помощником декана. Она организовала завтрак по просьбе Мэгги и пригласила на него руководителей пяти факультетов, Женщина представила всех друг другу и сказала:

— Мэгги, дорогая, переходи сразу к делу, наши люди не очень любят собираться так рано.

Мэгги попробовала круто сваренное яйцо.

— Я прекрасно понимаю их, если их всегда собирают на такой завтрак. Ну что же, к делу, так к делу. У меня есть десяток голограмм с Сына Кунга. Просто изображения и никакого звука.— Она откинулась назад на спинку кресла и щелкнула тумблером. В розоватой дымке появилась голографическая картина.— Вероятно, вы видите это не впервые,— сказала она.— Это кринпит. Представитель одной из трех, вполне возможно, разумных рас. И единственная раса с урбанистическим уклоном. Сейчас вы увидите их дома. Эти жилища без крыш. Видимо, кринпиты не страдают от непогоды. Непонятно, зачем им эти дома, но тем не менее, они есть. Кажется, это раса, с которой проще всего будет ладить торговые отношения. К сожалению, Пипы первыми вступили с ними в контакт. Но мы перехватим инициативу у них.

Глава конструкторского отдела была тонень-

кая черная женщина, которая ограничила свой завтрак стаканом сока и чашечкой кофе.

— Перехватим инициативу? Что это, капитан Меннингер?— спросила она.

Мэгги смерила ее взглядом и решила не ввязываться в драку.

— Для начала, доктор Равенель, я бы хотела, чтобы ваши люди создали предметы для торговли. Для всех трех рас. Ведь все они когда-нибудь станут нашими торговыми партнерами.

Экономист посмотрел на чудище в панцире:

— Партнер — это означает двустороннюю торговлю. Что могут продавать они, что стоило бы возить оттуда за сотни световых лет?

Мэгги хмыкнула.

— Я думала, что вы этого не спросите.— Она поставила кейс пол, расстегнула замки, затем поставила его на стол, сдвинула блюдо с яйцами.— Пока что,— сказала она,— мы не имеем продуктов их производства. Но посмотрите на это.— Она достала эластичную пленку.— Из этой пленки сделаны шары у шаристов. Они имеют утечку водорода всего один процент за двадцать четыре часа. Мы можем иметь очень много такой пленки, если создадим мощный рынок.

— Вам пришлось убить шариста, чтобы полу-

чить это?

— Хороший вопрос,— Мэгги с улыбкой кивнула экономисту.— Нет. Существует другая, неразумная раса с такой же структурой тела. Так как, вы обеспечите рынок? Если я хорошо помню, то немцы использовали даже желудок осла, когда строили дирижабль "Гинденбург".

— Понимаю,— сказал экономист.— Значит, нам нужно наладить контакт с изготовителями цеппелинов.

— Я уверена,— сказала Мэгги,— что у вас есть идеи получше. О, я забыла еще упомянуть о том, что национальный фонд Науки выделил субсидии, которые только и ждут того, кто возьмется за работу.— "Спасибо тебе, папа, за этот подарок",— подумала она.

Экономист не стал бы главой факультета, если бы не научился вовремя отступать.

— Я вовсе не имел в виду отвергать ваше предложение, капитан Меннингер. Это действительно заманчивое предложение. Что еще есть у вас для нас?

— У нас есть образцы, которые еще не изучены внимательно. Правда, они не должны были бы оказаться здесь. В Камп Детрик еще не знают, что они исчезли.

Все зашевелились. Декан быстро сказал:

— Мэгги, я думаю, что у всех нас мелькнула одна мысль, когда ты упомянула Камп Детрик. В этом нет ничего, связанного с биологическим загрязнением?

— Конечно, нет! Нет, поверьте мне. Иногда я выхожу из рамок, но не настолько, чтобы нарушить закон о биологической безопасности.

— Тогда почему Камп Детрик?

— Потому, что это чуждые организмы,— объяснила Мэгги.— Каждый образец герметически запакован в целлофан. Снаружи все обработано кислотой и ультрафиолетовыми лучами. Нет, подождите... —добавила она, улыбнувшись. Все присутствующие за столом внезапно отдернули руки от пленки шариста.— Эта пленка о'кей. Остальные экспонаты — не совсем о'кей. Кажется, на них нет патогенов или аллергенов, но все же с ними нужно обращаться осторожно.

— Большое спасибо, капитан,— сказал один из деканов.— А почему вы так уверены насчет пленки?

— Я съела кусочек три дня назад.— Сразу же она завладела вниманием и продолжала.— Вот эта группа — образцы растении. Они обладают способностью к фотосинтезу, причем в

инфракрасной части спектра. Интересно для агрономов? Конечно! А это — предметы искусства. Это изделия кринпитов, тех самых, что похожи на раздавленных крабов. Эти штуки способны "петь", достаточно потереть их о хитиновый покров.

Женщина-конструктор взяла в руки один из предметов, разглядывая его через прозрачный пластик.

— Вы сказали, что нам нужно разработать предметы для торговли и обмена?

— Да.— Из своего кейса Мэгги вытащила папку, на красной обложке которой четко виднелись слова: "Совершенно секретно".

— Это отчет о трех расах Кунгсона. Пока что военные его засекретили, но это ненадолго. Через десять-двадцать дней он будет зачитан в ООН.

Все шесть деканов потянулись к документам, но женщина-дизайнер оказалась самой проворной.

— Хм,— сказала она, листая папку.— У меня есть аспирант, который сможет переварить это. Могу я показать документ ему?

— Конечно. Оставим эту копию и образцы нашим друзьям, а сами пройдем к нему. Я хочу поговорить с ним.

Через пятнадцать минут Мэгги, сопровождаемая деканом, и тощим, возбудимым молодым человеком по имени Уолтер Пинсон встретились лицом к лицу.

— Вы можете сделать это? — спросила Мэгги.

— Это... это большая работа...

Мэгги положила руку ему на плечо.

— О, я уверена, что сможете. Впрочем, скажите, как вы планируете начать работу?

Пинсон задумался.

— Во-первых, нужно понять, в чем их первоочередная нужда,— предложил он.

— Любопытно. Должно быть, это очень трудно. Могу сказать, что самая основная задача у всех их — остаться живыми. Почти все они тратят все свое время, чтобы сожрать что-нибудь, даже кого-нибудь из разумных собратьев.

— Каннибализм?

— Не думаю, что это можно определить именно так.

— Значит, хищники,—сказал Пинсон, кивнув — Что же, пусть это будет стартовая позиция. Будем создавать им средства защиты от низших форм жизни.

— О, да! — воскликнула Мэгги.— Мы не хотим давать им в руки оружие друг против друга. Мы

не хотим войны.— Она посмотрела на часы.— У меня идея, Уолтер. Завтрак у меня был довольно скудный, а уже время ленча. Почему бы нам не поесть вместе? Тут есть местечко, где я бывала студенткой. Довольно старый мотель, но пища превосходная. Если у вас есть время...

— О, у меня есть время,—сказал Пинсон, с любопытством поглядывая на Мэгги.

— Это за Гарвард Сквер, но нам нужно взять кэб. Только уговор — плачу я. Мне выдают деньги на представительские расходы.— Когда она спустилась вниз, мимо них пробежала стайка первокурсников, торопящихся на лекцию. Провожая их взглядом, Мэгги спросила:

— Может, вы знаете студента Ллойда Уэнсли? По-моему, он только что поступил.

— Вряд ли. Он ваш друг?

— Нет. Я знала его еще ребенком. Просто я знакома с его родителями. Так что вы говорите о средствах самозащиты...

Через несколько часов, проведенных довольно приятно, Мэгги садилась в кэб возле старого мотеля. Если кухня сейчас не была такой же хорошей, как в добрые старые времена, то комната была уютная, а постель мягкая и широкая. Когда кэб подъехал к Гарвард Сквер, Мэгги, повинуясь

импульсу, сказала водителю:

— Поезжай к Масс Эйв. Я хочу сделать маленькую экскурсию.— Через несколько кварталов она приказала свернуть в боковую улицу и осмотрелась.

Она тут же узнала все вокруг. Супермаркет, парикмахерская, а вон там, за углом, та самая квартирка, где она прожила десять месяцев с Ллойдом и Ллойдом-младшим. Это было время, когда Мэгги совсем близко подошла к тому, чтобы стать женой, матерью. Старина Ллойд! Ему было тридцать, когда ей было всего девятнадцать, и он выглядел так импозантно в офицерском клубе, что никто бы не мог предположить, каков он в постели. Даже если лечь с ним пару раз, как это предусмотрительно сделала Мэгги. При одном взгляде на окно своей бывшей спальни, у Мэгги судорогой свело спину и шею при воспоминании о том, как она забивалась в угол постели и закрывала голову подушкой, чтобы не слышать, как Ллойд занимается самоудовлетворением. Она даже не могла устроить ему скандал за это, так как за дверью спал шестилетний приемный сын.

Конечно, хорошо бы увидеть Ллойда-младшего, уже взрослого. Но лучше не видеть. Она не встречалась с обоими Ллойдами со времени их

разрыва и теперь не желала искушать судьбу. Все-таки эта ненормальная связь очень подействовала на такую девушку, как она. Счастье, что она не навсегда отвратила ее от мужчин.

Вернувшись в отель, она нашла послание от отца: — "Постарайся услышать передачу новостей".

Она включила телевизор и через пять минут поиска по всем каналам услышала о политическом скандале в Бостоне, интервью с лидером Ред Секс и, наконец, то, что хотела услышать.

— К удивлению всех делегатов ООН, польский делегат Владислав Пженский объявил, что его правительство согласно с резолюцией Бенгали. Страны Блока Продовольствия решили послать комиссию с широкими полномочиями, чтобы изучить акты насилия против аборигенов планеты Клонг или Сын Кунга. В комиссии не будет представителей крупных держав, как США или СССР. В нее войдут офицеры из Польши, Бразилии, Канады, Аргентины и Болгарии.

Глава 8

Дэнни Дэйлхауз подскочил и подхватил теодолит, спасая его от падения на землю. Моррисей ухмыльнулся и извинился:

— Вероятно, я потерял равновесие.

— А может, снова захотел женщину,—сказал Дэйлхауз. Он был зол — и не только на Моррисея. Он понимал, что вся его злость вызвана тем, что Капелюшников летает, а он нет.

Они все были поражены тем веществом, что шаристы высыпали на них. И время от времени, впоследствии, все они снова впадали в состояние жадной похоти и эйфории. Дэйлхауз не считал, что Моррисей более других был подвержен таким вспышкам, но он был уверен, что биохимик отдается страсти с большей энергией. Моррисей обнаружил, что в этом странном веществе, по-видимому, сперме самцов шаристов, содержались какие-то сильно действующие галюциногены, которые возбуждают человека гораздо сильнее, чем любые известные на Земле афродизнаки. Проведя исследование спермы, Моррисей сильнее других подвергся воздействию этих галюциногенов и

теперь почти постоянно находился в состоянии похоти.

Высоко в небе описывала спирали гирлянда ярко-желтых шаров. Это Капелюшников экспериментировал, изучая воздушные потоки на разной высоте. Когда закончат работу, у них будет достаточно информации, чтобы совершать воздушные путешествия. И тогда наступит очередь Дэйлхауза. Он уже устал ждать.

— Каппи,— сказал он в микрофон,— тебе не пора на землю?

К ним подошла Харриет как раз в тот момент, когда Капелюшников ответил. Ответил он по-русски. Харриет услышала и раздраженно дернула головой. Вот такой характер. Все-таки она настоящая сука, подумал Дэйлхауз. После того, как они пришли в себя в тот странный вечер, она закричала на него:

— Животное! Разве ты не понимаешь, что мог сделать меня беременной!

Дэнни не пришло в голову спрашивать у нее, не забеременела ли она. Было бесполезно напоминать ей, что она была так же беременна, как и он. После этого она снова замкнулась в свою раковину и стала в сотню раз более придирчивой, чем раньше, и не позволяла в своем присутствии

никаких самых невинных шуток на сексуальную тему.

— У меня есть для тебя новые записи,—пробурчала она.

— Есть достижения?

— Да, немного. Я поняла структуру языка и сегодня вечером ознакомлю с ним весь лагерь.

Она посмотрела на Каппи, который кружил в воздухе, а шаристы врассыпную бросились от него, когда он подлетел слишком близко.

Структура языка...

Харриет торопить бессмысленно. "Предварительные Исследования Первого Контакта с Субтехнологическими Разумными Существами". Как это теперь далеко! Дэйлхауз прикинул, что сделано. Совсем немного. Они так и не вступили в контакт с кринпитами - крабовидными, и с подземными жителями — бурроверами. Газовые мешки висели вокруг в воздухе, как и в тот день, когда пролили на членов экспедиции свою сперму. Однако они не приближались на такое расстояние, чтобы Дэнни смог установить контакт с ними. Они висели над лагерем на высоте сотен метров и спускались ниже только когда члены лагеря уходили или спали.

Несомненно, что они уже имели опыт общения

с земными существами и знали, что их следует опасаться. Видимо, на поверхности планеты жили враги шаристов. Но Дэнни от этого было не легче.

Правда, пока эти существа были в пределах видимости, можно было фиксировать их песни с помощью направленных микрофонов. Харриет сказала, что она разгадала структуру языка. Харриет сказала, что это не песни птиц и не крики тревоги. Харриет сказала, что она всех обучит этому языку. Но Дэнни знал, что нельзя верить всему, что говорит Харриет. Следующей его мыслью была та, что им нужен другой переводчик. Расщепление мозга облегчает изучение языков, но приносит другие проблемы. Иногда оно служит причиной плохого физического состояния, в частности, вызывает сильнейшую головную боль. Иногда оно изменяет личность человека. А кроме того, оно не всегда эффективно. Человек, у которого нет способности к языкам, не приобретает их после операции. Дэнни был уверен, что в случае Харриет имели место все три эффекта.

Они передали на Землю все ленты. И рано или поздно, но сложные компьютеры сделают свое дело.

Но сейчас Дэнни очень хотел оказаться в небе,

рядом с шаристами, изучать их язык старым добрым способом. Все остальное только компромисс. Они попробовали все, что было в их силах. Воздушные шары с сенсорными устройствами, настроенными на живых существ. Ловушка для кринпитов, микрофоны под землей для бурроверов, направленные микрофоны для шаристов. У них были уже километры пленки с записями самых разнообразных звуков, с изображениями самых разнообразных движений. И из всех этих километров вряд ли можно было выделить более нескольких метров, несущих полезную информацию для Дэнни.

И все же кое-что завершено. Во всяком случае, Дэнни смог отправить пару отчетов на Землю. Пусть ему позавидуют коллеги по МСУ. Правда, сам Дэнни не был удовлетворен. Он продолжал учиться.

Главное, что нужно было понять,— это тайна трех независимых разумных рас, живущих на планете. И между ними не было никакой взаимопомощи. По крайней мере, люди не видели ее. Бурроверы, казалось, вообще не вступали ни с кем в контакт. Шаристы и кринпиты вступали, но вовсе не для гармоничного сотрудничества. Шаристы никогда не опускались на землю. На

поверхности у них было много врагов: маленькие существа, похожие на летучих мышей, существа, похожие на лягушек, да и сами кринпиты. Если шарист спускался к земле и оказывался в пределах досягаемости одного из этих существ, он погибал.

Поэтому вся жизнь шаристов проходила только в воздухе, а кончали они жизнь в желудке одного из земных существ. Такой грустной была судьба этих прелестных и безвредных существ.

Капелюшников скользил совсем низко над землей в одном воздушных потоков. Оказавшись на высоте пяти метров, он спустил веревку и скатился по ней. Шары проволокли его несколько ветров по земле, затем он закрепил шар за дерево и встал.

Дэнни задрожал, предчувствуя свой первый полег. Пожалуй, самое трудное в полете, подумал он, это посадка. Он пошел, чтобы помочь Капелюшникову, и внезапно остановился, оглушенный выстрелом за спиной.

Он в ярости обернулся:

— Какого черта, Моррисей?

Биолог вскинул винтовку на плечо.

— Я добываю образцы, Дэнни, — сказал он радостно. Видимо, он при выстреле учел направ-

ление и силу ветра, так как шарист упал прямо возле его ног.— А, черт,— выругался он.— Снова самка.

— Неужели? — изумился Дэнни, глядя на то, что показалось ему чудовищным пенисом. — Ты уверен?

— Меня эта штука тоже сначала одурачила, — ухмыльнулся Моррисей.— Нет, у самцов таких органов нет. Да, да, у них нет пенисов. Эти существа занимаются любовью не так, как мы, Дэйни. Самка выкидывает яйца прямо в воздух, затем самцы впрыскивают в них свою сперму.

— Когда же ты понял это? — Дэйлхауз был обеспокоен. Ведь основное правило экспедиции гласило: всеми новыми открытиями нужно было делиться с остальными.

— Я думал, что это связано с их способом производства водорода,— сказал Моррисей.— И в этом процессе завязано излучение солнца. И когда они видят свет наших прожекторов, они начинают процесс оплодотворения. А так как мы оказались как раз под ними в этот момент, они опрыскали нас своей...

— Я знаю, чем они нас опрыскали,— сказал Дэйлхауз.

— Да! И ты знаешь, Дэнни, когда я резал тела

шаристов и добирался до положенных органов, я ощущал сильнейшее возбуждение, доходящее до оргазма. Такая работа мне очень понравилась.

— И ты убиваешь их именно для такой работы? Ты же отогнал всю стаю. Как мне теперь наладить контакт с ними?

Моррисей ухмыльнулся. Он не стал отвечать. Дэйлхауз понял его без слов. Какими бы эмоциями не обладали шаристы, страх не входил в их число. Моррисей уже подстрелил по меньшей мере дюжину, но стая все время оставалась в пределах видимости. Может, их привлекал свет. В постоянном сумраке, который царил на планете, такого понятия, как день, не существовало. Люди попытались создать его искусственно, включая прожектора "утром" и выключая их на "ночь". Световой день составлял двенадцать часов. Однако один прожектор был включен постоянно: чтобы отпугивать хищников, говорили члены экспедиции, но на самом деле ими владел первобытный страх темноты.

Моррисей поднял шариста. Он был еще жив и слегка шевелился. Здесь, на земле, они никогда не издавали звуков. Моррисей объяснил это тем, что их голосовые связки приводятся в движение водородом. А теперь газовые мешки были пусты.

Но это существо пыталось что-то сказать. Первый шарист, которого подстрелил Моррисей, жил целых сорок часов. Он бродил по лагерю волоча за собой пустой мешок, и весь вид его вызывал сострадание. Дэйлхауз был рад, когда шарист, наконец, умер, и рад тому что этот шарист умер почти сразу, и Моррисей сунул его в свою сумку.

К ним подошел Капелюшников, потирая задницу.

— Первый, кто поднимется в воздух, всегда является жертвой. Ну, Дэнни Дэйлхауз, ты хочешь еще летать?

Дэнни как будто был поражен шоком:

— Ты имеешь в виду прямо сейчас?

— А почему нет? Ветер благоприятный. Вот только нужно наполнить еще пару баллонов.

Это заняло гораздо больше времени, чем полагал Дэнни. Подкачать два баллона до такой степени, чтобы они могли поднять человека, насосом, который выпускал через клапаны воздуха больше, чем накачивал в баллон, оказалось довольно трудным и долгим делом. Дэйлхауз поел, побродил, попытался заняться другими делами, но все время возвращался к насосу и смотрел на гроздь шаров, который болтались на веревке, связывающей их вместе.

Погода постепенно портилась. Облака закрывала небо от горизонта до горизонта, но Капелюшников был настроен оптимистично.

— Облака разнесет ветром, и небо прояснится,— сказал он решительно.— Все о'кей. Привязывайся, Дэнни.

Дэнни с ощущением недоверия накинул на себя ремни. Он был выше, но гораздо легче русского, и мощный Капелюшников хмыкнул, стравливая излишек водорода.

— Иначе,— объяснил он,— ты улетишь в свой Мичиган.

На плечах были быстро отстегивающиеся замки, и Дэйлхауз дотронулся до них.

— Нет, нет,— закричал Капелюшников.— Можешь воспользоваться ими, когда будешь на высоте двести метров, если тебе не дорога жизнь.— Он показал Дэнни два контрольных шнура. — Это не реактивный самолет, понимаешь? Это шар для свободного полета. Здесь нет горючего. Ты способен подниматься и лететь туда, куда тебя тащит ветер. Все дело в том, чтобы найти нужный поток. Если тебе нужно подниматься, сбрось балласт. Если нужно опуститься, стравi газ. Но лучше экономить газ.

Дэйлхауз покрутился, чтобы приспособиться

к ремням. Это было так не похоже на планеры, на которых он летал над озером Мичиган. Но если русский смог полететь на этом сооружении, значит должен полететь и он. По крайней мере, он надеялся на это.

— Я готов,— сказал он.

— Тогда летим,— крикнул Капелюшников. Он накинул на себя ремни, застегнул их и поднял с земли довольно большой камень. Он кивнул, чтобы Дэнни сделал то же самое. Кто-то из стоящих рядом подал камень Дэнни. По приказу Капелюшникова отвязали шары.

Капелюшников, подпрыгивая, как водолаз, идущий по дну, приблизился к Дэнни.

— У тебя все нормально? — Дэнни кивнул.— Тогда бросай камень и летим! — Он бросил свой камень и по диагонали полетел вверх.

Дэйлхауз сделал глубокий вдох и последовал его примеру, глядя на Капелюшникова, поднимающегося вверх.

Казалось, ничего не произошло. Не было никаких перегрузок, только внезапно онемели ноги. Дэнни смотрел вниз, пока не поднялся на высоту метров пятьдесят.

Они дрейфовали на юг, вдоль побережья. Высоко над ними, чуть в стороне, парили шаристы.

Под ними виднелся лагерь экспедиции. Дэнни уже был на уровне последней ступени их ракеты, на которой они должны были вернуться на Землю. Слева от него расстилалось море, и вдали виднелись острова, покрытые густой растительностью.

Затем он услышал крик Капелюшникова:

— Что? — переспросил он. Расстояние между ними увеличивалось. Каппи был метров на сорок выше его и летел в глубь материка. Видимо, он попал в другой воздушный поток.

— Сбрось... немного... балласта! — кричал русский.

Дэйлхауз кивнул и потянул за шнур, связанный с клапаном.

Ничего не произошло.

Он потянул сильнее. И тут же из танка на него хлынула вода. Танк находился прямо над пассажиром. Вымокший Дэнни выругался и решил, что этот элемент конструкции следует доработать.

Но он летит!

Не очень красиво. Совсем не грациозно. Даже с органами управления он едва справлялся, и первый час он провел, гоняясь за Капелюшниковым по небу. Это было похоже на игру в пятнашки. Правда, Капелюшников делал все, чтобы облег-

чить задачу Дэнни, но тот так и не смог в этот раз приблизиться к русскому.

Но он летел! И это было, как в его снах. Полное завоевание воздуха! Никаких двигателей! Никаких крыльев. Никакой техники. Он просто плавал в океане атмосферы, не делая решительно никаких усилий.

Такие чувства владели им и в этот, первый раз, и в следующие. Со временем он приобрел опыт управления.

И войти в контакт с шаристами тоже оказалось просто.

Он не пытался догнать их — это было бессмысленно. Ведь они были гораздо более искусными пилотами. Они сами подлетели к нему, окружили его, заглядывая ему в лицо, и пели. О, как они пели!

Всю следующую неделю, вернее, то, что можно было считать неделей на Клонге, Дэйлхауз провел в воздухе. Жизнь в лагере проходила без него. Даже Капелюшников чаще бывал на земле, чем он. Ничто не привязывало Дэнни к земле. Он ощущал себя гостем, когда ему приходилось спускаться, чтобы поесть, поспать, наполнить баллоны. Харриет прикрикнула на него, когда он потребовал от нее данных по языку шаристов. Ви-

димо, она не могла многого предложить ему. Она горько сожалела о трате энергии на генерацию водорода. Джим Моррисей молил Дэнни, чтобы тот выделил время и помог ему в изучении других существ, но Дэнни уже не был с ними. Он жил в небесах Клонга. Из жалкого любителя он стал искусным аэронавтом. Он даже стал обмениваться информацией, правда весьма примитивной, с некоторыми из шаристов. А один из них, самый большой - почти два метра в диаметре, казался Дэнни наиболее дружественным. Дэнни называл его Бонни Принц Чарли. Хотя он понятия не имел, как шарист называет себя. Если бы не было физической необходимости, Дэнни вообще не возвращался бы в лагерь.

Но там была и Харриет.

Дэнни нуждался в ее помощи в переводе. Правда, вскоре он убедился, что многие из ее заключений неверны. Тем не менее, это было все, чем он мог располагать в общении с этими изумительными существами воздуха. Дэнни ругался с Харриет, доводил ее до слез, требуя язык, на котором говорили шаристы... но что она могла поделать! И все же время шло, и между Дэнни и шаристами стали устанавливаться некоторые взаимоотношения.

Никто не может сказать, какая часть нашего образования может оказаться полезной в жизни. Долгое изучение грамматики Хомского, критика Дарта и Лоренца — все это было бесполезно в небесах Клонга. Но Дэнни благословлял каждый час, который он провел под парусами на озере, и каждый вечер, когда он играл в квартете. Язык шаристов был музыкой. Даже китайцы не были так требовательны к изменению тональности, как шаристы в своих песнях. Еще не зная их языка, Дэнни вступил в их хор. И они отвечали ему, без особого энтузиазма, но с любопытством. Друг Дэнни даже научился напевать его имя.

Дэнни понял, что некоторые песни шаристов означают опасность. Причем различались три вида опасности: одна с земли, а две другие, правда очень отличающиеся друг от друга, с воздуха. Один из этих звуков означал приближение акулы воздуха — самого опасного естественного врага шаристов.

Что касается другого, то насколько мог понять Дэнни, он означал опасность сверху, причем не просто опасность, а смертельную опасность. Дэнни размышлял над этим часами, но ничего не мог понять, и Харриет не могла ему помочь ничем. Дэнни сделал ее жизнь настоящим адом. Вскоре

с Земли пришли некоторые расшифрованные данные, и Харриет смогла составить для него несколько предложений. Теперь Дэнни мог петь: "Я друг...", и к его удивлению его приятель Чарли в ответ разразился целой песней:

— Да, да, конечно! Мы друзья!

И весь хор присоединился к нему.

Коварная погода благоприятствовала Дэнни восемь дней. А затем поднялся ветер, по небу понеслись облака.

При сильном ветре даже искусные шаристы с трудом могли держаться вместе, и Дэнни буквально понесло по небу. Он только старался держаться поближе к лагерю. Стая шаристов тоже не улетала далеко. Он пропел прощальную песню и тут же услышал в ответ песню "Опасность с воздуха". Сначала он подумал, что это связано с погодой, но вдруг через свист ветра он услышал звук мотора геликоптера.

Дэйлхауз оставил стаю, взмыл вверх, чтобы найти подходящий поток, и полетел к лагерю. Да, действительно, к лагерю спускался геликоптер Гризи с флагом Юнион Джек на хвосте. Такая расточительная трата энергии! Более того, что они израсходовали уйму энергии, доставив сюда геликоптер, они еще позволяют себе совершать

развлекательные прогулки! Как это типично для Гризи, сидящих на нефти!

Дэнни выругался с презрением. Если бы Гризи отдали им хотя бы часть тех килокалорий, которые они так беззаботно пускают на воздух, он, Дэнни, давно имел бы компьютер, Капелюшников запустил бы свой глайдер, Моррисей поставил бы на свою лодку хороший мотор и уже давно бы имел полную коллекцию образцов морской фауны.

Да, на шарике что-то неправильно, раз горстка людей может беззаботно жечь горючее только потому, что им посчастливилось жить там, где горючего много. Конечно, когда запасы нефти кончатся, эти страны будут такими же нищими, как паки или перуанцы. Но ничего хорошего в этом не будет, ведь закат этих наций будет означать закат всего мира...

По крайней мере, мира Земли. Возможно, удастся что-то сделать в этом мире. Планировать. Думать. Готовиться. Обязательный контроль за рождаемостью, чтобы увеличение населения не поглотило скудные ресурсы: тщательно разделенные богатства Клонга, чтобы ни одна нация, ни один человек не получил преимуществ перед остальными. Попытаться добиться всеобщего

объединения...

Внезапно Дэйлхауз осознал, что он мечтает. Ветер занес его гораздо дальше, чем он предполагал. Дэнни оказался почти над открытым морем. Он быстро спустил водород и приземлился на песчаной косе. Теперь придется идти пешком в лагерь и тащить шары. Капелюшников будет в бешенстве. Вздохнув, Дэнни отправился в путь. Начинался дождь.

Дождь шел и шел, не прекращаясь ни на минуту. Это был не тот безумный шторм, который обрушился на лагерь после их приземления. Но дождь шел и шел с унылым постоянством. Казалось, что они все обречены на то, чтобы постоянно жить в воде, шлепать по грязи. Весь лагерь превратился в унылое болото. Дэнни с сожалением понял, что летать сейчас невозможно, и он занялся шарами, надеясь на изменение погоды. Харриет Сантора совсем осатанела и бросилась на всех с руганью. Моррисей в своей палатке сортировал образцы, рисовал какие-то таинственные схемы и, оглядывая на мутное небо, качал головой. Дэнни составлял длиннейшие послания на Землю, требуя побольше информации о языке своих друзей шаристов. Кривитин и Спарки Кербо изготовили самогон

из местных вишен и упились до чертиков. А на следующий день они заболели и чуть не умерли. Дэнни ухаживал за ними и по приказанию Харриет принес Моррисею их анализы для изучения.

Моррисей сидел над своими диаграммами, когда пришел Дэнни. И когда Дэнни объяснил ему цель прихода, Моррисей равнодушно отказался:

— Чепуха, Дэнни. У меня нет для этого оборудования, выброс образцы в яму. Я не хочу заниматься ими.

— Харриет сказала, что ты должен выяснить, насколько серьезно отравление.

— Мы и так это узнаем. Они заболели, но не умрут.

— Харриет сказала, что ты можешь провести анализы.

— На что? Я даже не знаю, что смотреть.

— Харриет сказала...

— Плевать на Харриет. Прости, Дэнни, я не хотел напоминать тебе о том, что было между нею и тобой. Но у меня есть более интересная и нужная работа.

— Но ведь идет дождь, Джим.

— Он прекращается. И когда он прекратится, я намереваюсь откопать наших друзей.— Он показал на пол палатки.— Тех самых, что стащили

радио Харриет.

— Мы уже пытались сделать это.

— Да, пытались. И поняли, что главное — это скорость. Они успевали закрыть входы в туннели раньше, чем мы успевали среагировать. У нас нет шансов захватить их врасплох, если,— добавил он небрежно,— если мы не заполним все туннели цианидом. Тогда у нас будет время.

— Значит ты предлагаешь убивать? — вспыхнул Дэйлхауз.

— Нет, нет. Я знаю, что ты не хочешь убивать своих братьев.

Дэйлхауз глубоко вздохнул. Он уже достаточно общался с шаристами, чтобы осознать — они разумная раса. Подземные жители были совершенно неизвестны ему, к тому же, он не симпатизировал им — все-таки для него они ассоциировались с термитами, червями,— и все же он не был готов к геноциду.

— Что же ты предлагаешь?

— Я предлагаю копать. Но дело в том, надо знать, где копать. И мне кажется, что я знаю.

Он собрал бумаги со стола. Верхний лист оказался картой, которая ничего не говорила Дэйлхаузу. Следующие листы были фотографиями, и Дэнни узнал их. Это были образцы аэрофотосъемки ла-

геря. Некоторые из них сделал он сам, некоторые - Капелюшников.

— Ну и что?

— Если ты внимательно присмотришься, то заметишь, что растительность распределена не регулярным образом. Вот оранжевые кусты растут по четко определенным линиям. И я уверен, что подземные жители каким-то образом обрабатывают почву, может быть, удобряют. И она становится предпочтительной для растений определенного типа. Подобные аналогии есть и на Земле. Возьмем, например, земляных червей, которые взрыхляют почву, и растения растут лучше. Конечно, здесь, может быть, совсем другие процессы, но смысл тот же.

Он сел на складной стул и с тревогой посмотрел на Дэнни. Дэйлхауз задумался, прислушиваясь к ударам дождевых капель о полотно палатки.

— Ты сказал мне больше, чем я хотел знать, Джим. Ты хочешь, чтобы я помог тебе копать. А сможем ли мы копать так быстро, как потребуется? Особенно теперь, когда почва превратилась в грязь?

— Именно поэтому я взял у Бойни канавокопатель. Теперь он работает все время, пока идет дождь. Я думаю, что подземные жители ощуща-

ют вибрацию земли. Поэтому я хочу, чтобы они привыкли к этому, прежде чем мы начнем.

— Ты сказал Бойну, зачем тебе это нужно? Я думаю, что они и сами хотят заняться подземными жителями.

— Именно поэтому я и не сказал ничего. Я сообщил, что мы хотим выкопать новые ямы для уборных. Сейчас машина как раз над теми кустами, которые, с моей точки зрения, наиболее привлекательны. Ты идешь со мной?

Дэнни с тоской подумал о своих воздушных друзьях, гораздо более привлекательных, чем черви или крысы. Но сейчас нет возможности подняться в воздух...

— Конечно,— сказал он.

Моррисей ухмыльнулся.

— Ну что же, это было самое простое - уговорить тебя. Теперь предстоит более сложная задача - убедить Харриет.

Харриет повела себя именно так, как они и предполагали.

— Вы серьезно думаете вытащить кого-то из этой грязи, выкопав несколько дырок в земле?— саркастически спросила она.

— Послушай, Харриет,— проговорил Моррисей, стараясь не взорваться.— Дождь уже почти

прекратился.

— Но у нас есть тысяча более важных дел!

— Это будет забавно,— вмешался Капелюшников.— Настоящий спорт английских джентльменов - раскапывать лисьи норы!

— Это не просто норы,— добавил Моррисей.— Взгляни на результаты сейсмических исследований. Здесь, под землей, больше камеры размером в двадцать квадратных метров. Это не просто туннели. Может быть, города.

— Моррисей, я понимаю, почему никто из нас не верит тебе. Ты говоришь такие глупости. Города! Да, я вижу под землей пустоты, но называть их городами...

— Хорошо, хорошо, это не города. Может, даже не деревни. Но все-таки это что-то. Может, помещения, где они содержат своих детей. Может, склады пищи. О, Боже, я не знаю. Может, это сцена, где дают балетные представления, или играют в бинго. Какая разница? Раз они большие, значит должны иметь какое-то значение. И жителям земли труднее закрыть эти проходы.

Он взглянул на Алекса Вудринга, который осторожно кашлянул и сказал:

— Я думаю, это разумно, Харриет. А ты?

Она задумчиво поджала губы.

— Разумно? Нет, я не могу считать это разумным. Конечно ты глава экспедиции, по крайней мере, номинально. И если ты считаешь, что это разумно...

— Я считаю, что это хорошая идея,— гордо сказал Вудринг.

— Может, ты дашь мне закончить? Я скажу, что если ты решил забыть о соглашении, по которому все решения должны приниматься единогласно, тогда мне сказать нечего: вас ведь больше.

— Гаша, дорогая,— примирительно сказал Капелюшников.— Заткнись, пожалуйста. Расскажи свой план, Джимми.

— Слушайте. Во-первых, мы выкапываем яму, как можно больше. И все сразу прыгаем в нее. Нам прежде всего нужны образцы. Значит, надо хватать все, что попадется на глаза. Мы должны захватить их врасплох. А кроме того,— добавил он с удовлетворением,— двое из нас понесут это.— Он показал на камеру.— Здесь есть яркие лампы вспышки. Мне пришла в голову эта идея, когда я пил с Бойном. Гризи везде таскают с собой такие камеры, делая снимки для развлечения. Вспышка временно ослепит подземников, и мы легко захватим их.

— Временно, Джимми?—спросил Дэнни.

— В этом я не уверен,— неохотно ответил Моррисей.— Конечно, их глаза могут быть как у ночных хищников. Но мы не знаем, есть ли у них вообще глаза.

— Тогда как же мы их ослепим?

— Ол райт. И все же мы сделаем именно так. Кроме того, у нас будут переговорные устройства, если что-нибудь случится с кем-либо.

Он нерешительно обвел всех взглядом.

— Если кто-нибудь заблудится и тому подобное, пусть вызывает помощь и копает вверх. Мы по несущей частоте сможем его запеленговать и откопать попавшего в беду.

Капелюшников прикрыл ему рот ладонью:

— Джим, дорогой, только не пугай нас, а то мы все разбежимся. К делу.

Харриет не собиралась принимать участие в этой авантюре. Но она настояла, чтобы два человека остались наверху: вдруг придется откапывать наших героев.

Но Спарки Кербо сказал, что он намерен идти со всеми. А Алисия Дайр заявила, что никто лучше ее не справится с канавокопателем. И вот шесть человек с лампами и веревками собрались возле машины, готовые прыгнуть вниз по приказу Моррисея.

Машина начала работать, выбрасывая комья почвы, пропитанные водой. Через минуту все было готово.

Моррисей проглотил комок в горле, перекрестился и прыгнул вниз.

За ним Алекс Вудринг, Дэнни, Капелюшников, ди Паоло и Спарки Кербо.

По плану они должны были разбиться на пары, чтобы исследовать каждый туннель. Предполагалось, что там будет много туннелей. Но яма, куда они спрыгнули, была не более метра шириной. Это оказался просто туннель.

Ди Паоло упал на ногу Дэнни, а Спарки Кербо свалилась ему на спину. Втроем они ворочались в яме, стараясь высвободиться, и отчаянно ругались. Если тут и были подземные жители, подумал Дэнни, то они давно разбежались.

— Хватит терять время!— крикнул Моррисей.— Дэйлхауз! Спарки! За мной!

Дэнни повернулся и увидел силуэт Моррисея на фоне светлого круга лампы. Он на четвереньках пробирался в туннель. Дэнни кинулся за ним.

— Ты видишь что-нибудь? — крикнул он.

— Нет. Молчи. Слушай.— Голос Моррисея был глухим, но Дэнни отчетливо слышал его. И вдруг он услышал еще что-то. Что? Звук был слабым и

неузнаваемым. Крики белок?

Его собственное дыхание, шорох одежды мешали слушать, но, несомненно, что-то было!

Яркая вспышка ослепила его. Глазам стало больно. Это была лампа Моррисея далеко впереди. Все, что мог видеть Дэнни, это скрюченная спина, взвинчивающиеся и грязные стены туннеля. Теперь Дэнни был уверен, что слышит рассерженные крики белок. Естественно, подумал Дэнни, внезапно проникшись симпатией к подземникам. А что они еще могут подумать о нас? Наверняка они считают нас хищниками, несущими смерть и разрушение. Он наткнулся на спину Моррисея и остановился. Моррисей рявкнул через плечо:

— Сволочи! Они блокировали его.

— Туннель?

— Да. И довольно крепко, как это удается им так быстро?

Внезапно Дэнни охватил атавистический страх. Заперты! А в другом направлении? Дэнни лег и посмотрел между ног назад. Скрюченный силуэт Спарки вырисовывался на фоне багрового неба планеты. Слава богу! Но даже теперь он ощущал, как одеревенели мышцы его шеи от древнего страха человека быть погребенным заживо. И тут

он вспомнил, что этот туннель проходит прямо под канавокопателем. А что если тяжелая машина провален в туннель?

— Джимми! — крикнул он.— Что ты думаешь? Может стоит вернуться?

Пауза. Затем со злостью.

— Пожалуй. Нам здесь ничего не сделать. Может ребятам больше повезло, чем нам.

Но Капелюшников с остальными был уже наверху. Он помог им вылезать из ямы. Их отряду удалось пройти по туннелю всего метров десять, и потом туннель тоже был блокирован. Группа Моррисея прошла вдвое больше. Но результат был одинаков. Реакция подземников была очень быстрой. Несомненно, условия жизни на Клонге научили их этому. Однако для людей все это означало, что трудно добыть образец этой фауны. Но еще труднее установить контакт. Дэнни с нежностью подумал о своих воздушных друзьях: насколько приятнее летать по небу, чем копаться в грязи, как крыса.

Капелюшников стряхнул с него грязь, затем со Спарки Кербо.

— Послушай, дорогая,— сказал он.—Ты возмутительно грязная. Пойдем искупаемся вместе в озере.

Девушка с добродушной улыбкой увернулась от его объятий.

— Узнаем сначала, что хочет от нас Харриет,— сказала она.

И действительно: Харриет стояла в дверях палатки в сотне метров от них и явно поджидала путешественников.

Когда они вошли, Харриет с неудовольствием осмотрела их.

— Понимаю,— сказала она.— Полный провал. И этого следовало ожидать.

— Харриет!— с вызовом бросил Моррисей.

Она подняла руку.

— Но дело не в этом. Может, вам интересно знать, что произошло, пока вы копошились в земле?

— Харриет, нас не было всего минут двадцать!— взорвался Моррисей.

— И тем не менее. Во-первых, пришел сигнал с Земли. Мы получили подкрепление. И Пипы тоже. Во-вторых...—она отступила в сторону, приглашая их выйти из палатки. Все столпились вокруг.

Дэйлхауз был ошарашен.

Харриет язвительно проговорила:

— Вы хотели поймать это подземное существо?

Мы нашли его, когда оно воровало наши припасы. Конечно, если бы вы были тут, а не теряли время на глупости, вы помогли бы нам...

Капелюшников взвыл:

— Гаша! Не тяни! Вы поймали подземника?

— Конечно,— ответила она.— Мы посадили его в одну из клеток Моррисея. Он страшно оцарапал меня, но что можно ждать, когда я почти одна...

Они не дали ей закончить. Все они ворвались в палатку.

Затхлый мышиный запах здесь был в тысячу раз сильнее, чем в туннеле. Дэйлхауз чуть не упал в обморок от этого запаха. Подземник был длиной почти в два метра. Маленькие глазки были посажены совсем близко друг от друга над узким длинным носом и излучали злобу. Однако стоны подземника вызвали жалость у Дэнни. Он грыз железные прутья клетки и одновременно царапал пол когтистыми лапами. Весь он был покрыт короткой шерстью. У него было шесть ног. Все короткие, сильные и снабженные острыми когтями.

Из чего бы они ни были сделаны — его зубы, они были твердыми. Один из прутьев решетки был уже почти перегрызен. И его жалостные стоны почти не прекращались.

Глава 9

Сейчас в стае было много детенышей. Маленькие шары юрко сновали между двухметровыми сферами взрослых шаристов. В хоре голосов четко выделялись тоненькие голоса детенышей. Они пели тихонько, стараясь экономить водород, которого и так было мало в их воздушных пузырях. Чарли величественно парил в стае, руководя хором детенышей, которые то и дело сбивались с ритма, постоянно наблюдая за небом, чтобы вовремя предупредить об опасности, прислушиваясь к восторженным песням и песням-жалобам. И он вел стаю.

Восторженных песен было много. Но много было и песен-жалоб. Восторженные песни он пропускал мимо ушей. Но песни-жалобы он выслушивал внимательно, постоянно готовый помочь и посочувствовать. Несколько самок оплакивали своих детенышей, которые слишком рано возомнили себя взрослыми, неразумно израсходовали свой водород и упали вниз, в безжалостный мир земли. Другие проклинали Среднее Солнце, погубившее их детенышей.

Это правда. И Чарли вел стаю, учитывая это обстоятельство.

— Никогда, никогда, никогда,— пел хор,— никогда мы не будем плодиться вблизи Нового Солнца.

Самки выражали согласие, но некоторые из самцов возражали:

— Но как мы узнаем, какое солнце опасно, а какое нет? И где же тогда плодиться? Дети Трех Солнц живут везде.

Ответная песня Чарли была убеждающей:

— Я спрошу моих друзей Среднего Солнца. Они знают все. (Он узнает, он узнает,— пел хор).

Но самцы задавали прямой вопрос:

— И мы это будем помнить?

— Да,— пел Чарли.— Мы будем помнить, потому что должны. (Мы должны, мы должны! — подхватывал хор).

Да, песня стаи вовсе не была мирной и спокойной. То и дело возникали мотивы недовольства на фоне доминирующей мелодии. Даже сам Чарли иногда фальшивил, притворялся, вместо того, чтобы переходить на новые мотивы. В его мозгу пробегали волны сомнений, но они не доходили до его сознания, и он не смог ob выразить их в песне. Но они были. Тревоги. Сомнения. Загадки.

Кто такие люди Трех Солнц? Откуда они пришли? Они были похожи на шаристов, но его друг Дэнни Дэйлхауз объяснил, что они совсем другие.

Сначала появились люди Маленького Солнца. В первое время они казались просто другими наземными жителями, хотя сразу же зажгли маленькое солнце. Но их лагерь был почти на границе владений Чарли, и стая почти не обращала внимания на них. Потом появилась группа друзей Чарли и после них третья группа - Люди Большого Солнца. Эти были ужасны! Их солнце всегда ярко светило. Ярче, чем истинное солнце. И так как глубочайшим инстинктом Чарли и его стаи было лететь к свету, ему было до боли трудно повернуть и лететь от Большого Солнца. Прибывавшие люди опускались вниз на огненных столбах. В это время стая была далеко, и поэтому никто не пострадал. А к тому времени, как стая приблизилась, огни уже погасли. Затем Люди Большого Солнца послали вверх одного человека на странной жужжащей штуке, которая несла вокруг себя смерть. Когда кто-либо из стаи приближался к ней, что-то разрывало его шар, и он падал на землю, беспомощный и неспособный извлечь хотя бы один звук. Теперь стая старалась держаться от них подальше, как и от двух

других групп прибывших людей. Одна из этих групп убивала. Люди второй группы не могли летать совсем, и вряд ли их можно было считать разумными...

За исключением Дэнни Дэйлхауза.

Чарли пел о своем друге:

— Дэнни Дэйлхауз и его товарищ Каппи — это разумные существа! Они летают с грацией и изяществом настоящих шаристов. Очень жаль, что даже Среднее Солнце светит так ярко, что инициирует наше оплодотворение. Ни Дэйлхауз, ни Капелюшников в этом не повинны. Когда светит Кунг, шаристы оплодотворяются. Дэнни и Каппи тут не при чем. Активное излучение всегда вызывает оплодотворение.

Стая плыла к клубящемуся облаку. Чарли повысил голос:

— Поднимайтесь, братья!

Хор подхватывал его слова:

— Поднимайтесь, сестры и друзья! Поднимайтесь, старые и молодые! Следите за окрестностями. Держите маленьких поближе к себе!

Каждый член стаи пел во весь голос, и стая собралась в компактный шар, вплывающий в облако. Теперь они видели друг друга сквозь туман, расплывчатые, как привидения. Но песни

были слышны всем. Чарли и несколько взрослых самцов патрулировали периферию стаи. Если бы появились хайхэй, самцы не смогли бы защитить стаю, они не смогли бы и защитить себя, но они пропели бы песню-предупреждение, и тогда стая бросилась бы врассыпную. Погибли бы только самые слабые.

При столкновении теплых воздушных потоков с холодными образовывались густые облака, в которых нередко скрывалась опасность: акулы воздуха хайхей. Они никогда не спали и находились в постоянном движении — они всегда были голодны. Хайхеи летали очень быстро и имели острые когти и клыки. Но у них были маленькие мешки с водородом. Поэтому они тратили много усилий, чтобы держаться в воздухе.

На этот раз стае повезло. В воздухе убийц не было. Чарли пропел благодарственную песнь, когда стая благополучно вылетела из облаков на чистый воздух.

Стая дрейфовала к Полюсу Тепла. Чарли внимательно выбирал нужные по направлению потоки воздуха. Он всегда знал, на каком уровне их подхватит попутный поток. Ему не нужно был размышлять — он просто знал. Чарли не хотелось улетать далеко от своего друга, которого не видел

уже давно. Он просигналил стае подняться вверх на сотню метров. Все подхватили его песню, и вниз начали капать капли воды: стая сбрасывала балласт. Вскоре стая собралась вместе на новом уровне, и поток понес ее к лагерю Среднего Солнца.

Хайхей не было видно. Чарли был доволен. Как хорошо плыть в воздухе. Он снова запел благодарственную песнь.

Они уже приближались к границе своей территории, и Чарли увидел в нескольких километрах от них другую стаю. Чарли спокойно наблюдал за нею. Между стаями не было соперничества. Временами две стаи дрейфовали вместе целыми днями, даже смешиваясь между собою. Иногда отдельные особи переходили из стаи в стаю. И никого это не трогало. Перешедшие становились полноправными членами нового сообщества и начинали петь новые песни. И тем не менее стаи обычно держались внутри своих ничем не обозначенных регионов. Небо было для всех одно, и места обитания одних стай не отличались от других.

И все же некоторые области были более привлекательными. Область, где Люди Большого Солнца построили свои сверкающие хижины и зажгли

огромные лампы, была одной из самых любимых. Приятные потоки воздуха обтекали плавные холмы и хайхей было мало. Чарли запел песню сожаления, так как им долго придется избегать той области. Берег бухты, где поселился Дэнни Дэйлхауз с друзьями, наоборот, редко посещался шаристами. Водяные пары океана создавали густую облачность, в которой скрывались убийцы. Любой член стаи мог бы оспорить решение Чарли вернуться туда, и был прав. Однако жизнь шаристов подчинялась строго определенным законам, и решения вожака не оспаривались никогда. Если он говорил — сделай это, то это должно быть сделано. Чарли был самым старшим, и его песни превалировали над всеми. И теперь, если один из самцов заводил свои песни, Чарли умел настоять на своем.

Кроме того, все знали, что Чарли привел в стаю своего друга, который принес в стаю свои новые и удивительные песни. Это была личность. Странная, это да. Но совершенно не похожая на ползающих по земле людей Маленького Солнца или летающих по воздуху при помощи убивающих машин людей Большого Солнца. Когда стая приблизилась к лагерю Среднего Солнца, все стали разворачиваться лицом вниз, чтобы

первыми увидеть Дэнни или Каппи. И когда первый из стаи заметил его, песня превратилась в триумфальную.

Но как странно выглядел теперь Дэнни! Его воздушный мешок и раньше не отличался красотой и изяществом формы. А теперь он стал еще более бесформенным. Чарли бы не узнал его, если бы не был уверен, что во всем мире нет второго Дэнни. Стая Стала спускаться вниз, чтобы встретить его, распевая песню приветствия, которую изобрел Чарли для своего друга.

Дэнни также рад был увидеть своих друзей, как и они его. Ведь прошло столько времени! После шторма им пришлось долго приводить все в порядок. А потом прибыл второй корабль и привез новых людей и целый контейнер нового оборудования. Это было прекрасно, но потребовало еще времени для того, чтобы установить аппаратуру, включить ее, настроить. Некоторые вещи, которые были доставлены, предназначались в дар шаристам. А это значило, что для их подъема нужно было сделать и наполнить новые шары, перераспределить баланс. Дэнни вообще не был уверен, что это нужно.

Но самым ценным был груз, состоящий из полукилограмма микрофильмов, которые прибыли

из Добл А-Я. Выяснилось, что профессор Дэйлхауз стал широко известен среди ксенобиологов. Его статьи обсуждались. На конференции в Мичигане разгорелась настоящая битва. Как привязать теорию Дарвина к эволюции шаристов?

Когда самки выпускают нитевидные яйца в воздух, и образуется прозрачная паутина, которую самцы орошают своей спермой одновременно, то где же отбор наиболее сильных и приспособленных к жизни? Как может следующее поколение унаследовать силу, разум, сексуальную привлекательность в таких условиях, когда все самцы передают свои гены в облако смешанного генетического материала самок? Основным производителем здесь является случай, который решает, кто будет отцом, а кто матерью будущего шариста. Да, у шаристов никогда не будет донжуанского списка. Любой из них мог быть лучшим оплодотворителем, но никто и никогда этого не сможет узнать.

Чарли бы мог внести ясность, если бы его спросили. Шаристы вступали в половую зрелость с того момента, как начинали свободно летать. Но все шаристы были разного размера.

Чем старше, тем больше. А чем больше, тем больше спермы, необходимой для оплодотворе-

ния яйцеклеток в облаке, выпущенном самками. Люди же, напротив, перестают участвовать в эволюции, когда проживут половину жизни. Селекция перестает играть свою роль. Именно поэтому человечество так и не избавилось от болезней старости — рака, артритов, атеросклероза. Эволюция не смогла отобрать особей, которые не подвержены таким болезням, так как человек, заболевший ими, уже выпадает из процесса эволюции. Он не воспроизводит потомство.

С шаристами все по-другому. Гиганты вроде Чарли оплодотворяют, по крайней мере, половину яйцеклеток, в то время как молодые выпускают жалкие капли. Чарли и ему подобные доказали свою способность к выживанию простейшим тестом: они выжили.

Дэйлхаузу очень хотелось поговорить с Чарли именно об этом. Он хотел поговорить даже больше, чем опробовать новые конструкции языка, созданные для него большим компьютером Земли. Кроме того, Дэнни думал о подарке с Земли для стаи. С точки зрения людей Земли это был лучший подарок стае.

Разумеется, это был не просто подарок, но Дэнни понимал, что за все нужно платить. Песни Чарли стоили ему потери воздуха. Впрочем, как и

всем шаристам. Когда шаристы пели, они расходовали газ и теряли высоту. При потере высоты они раньше или позже, но оказывались на поверхности планеты. И если их там не съедали, то они там барахтались, беспомощные и безголосые, дожидаясь, пока смогут набрать достаточно газа для подъема. Эту цену они платили с радостью. Жить — значит петь. Жить молча, это все равно, что умереть. Да, в большинстве случаев пение — это цена жизни.

Цена подарка, который принес Дэнни, была жизнь пяти шаристов, которые были отправлены на Землю.

Исследователи в Камп Детрик хорошо поработали над присланными образцами. Двое, погибшие во время полета, были препарированы сразу же. Этим двоим повезло. Остальных исследовали в живом виде. Самый большой и сильный из них выдержал две недели.

Экспериментаторы из Камп Детрик тоже заплатили свою цену: восемь из них погибли от клонганских болезней, а один имел несчастье сойти с ума и теперь до конца жизни не мог подвергать стрессам экспериментальные объекты. Шаристы вряд ли сочли бы такую расплату нечестной.

Дэнни Дэйлхауз снял с плеча сверхлегкий карабин и прицелился. Сам карабин весил не больше килограмма, а большая часть веса приходилась на высокоскоростные пули. Это было неудачное решение. Дэнни чувствовал, что отдача после выстрела отбросит его на полнеба. Зачем здесь нужны высокоскоростные пули? Кого здесь убивать ими? Однако партия, прибывшая с Земли, привезла приказ Комитета Мира Объединенных Наций, что пули должны быть именно такими. И вот они у Дэнни.

Дэнни снова надел на плечо карабин и снял с другого плеча карабин для Чарли. Кто-то где-то решил, что нужно Чарли и его народу для защиты от хищников. Он весил совсем немного и приводился в действие не спусковым крючком, а натягиванием нити. Стрелял карабин пачками маленьких игл или капсул с той или иной жидкостью. Иглы предназначались для воздушных хищников, а жидкость для наземных хищников, типа крабов, если шарист будет вынужден спуститься на землю и подвергнется нападению крабов. Жидкость не убивает, а только парализует живые существа.

Дэйлхаузу нужно было здорово потрудиться, чтобы со своими скудными познаниями объ-

яснить все это Чарли. Но начинать нужно. Он поднял лук-карабин вверх и запел, придерживаясь того мотива, который разработали для него компьютеры МТИ:

— Я принес тебе подарок!

Чарли разразился целой трелью. Дэйлхауз понял всего несколько фраз, но для него было ясно, что это песня благодарности, вежливого любопытства. Маленький магнитофон на поясе Дэнни фиксировал песню для будущего анализа.

Дэнни пропел следующее предложение:

— Ты должен лететь со мною и найти хайхей.

Это была трудная фраза. Дэнни, пока тренировался над нею почти сорвал себе горло. Однако Чарли вроде бы понял его, та как песня благодарности сменилась тонкой мелодией беспокойства. Дэнни рассмеялся:

— Не бойся. Это будет охота за хайхей. Я убью его этим подарком. Так что стае можно будет больше не бояться.

Песня смятения. И в ней многократно повторялось слово "стая".

Теперь самое трудное.

— Ты должен оставить стаю,— пропел Дэнни.— Она будет в безопасности. Мы вернемся. Но мы с тобой должны найти хайхей.

Это заняло много времени. Но постепенно смысл дошел до Чарли. Он пропел песню доверия своему другу с Земли, заявив, что готов отправиться с ним в трудное и опасное путешествие.

Через час после того, как они спустились ниже и оставили стаю позади, песня Чарли стала печальной. Хайхей не было видно нигде.

Они оставили позади лагерь Блока Продовольствия, пролетели над побережьем, обогнули залив над колонией пипов. Дэнни уже начал сомневаться — правильно ли компьютеры Земли рассчитали слова его песни-обращения. Но вот в песне Чарли появился смертельный страх. Они нырнули под скопление облаков, и из одного из них появилась тень хищника-убийцы.

Дэнни испытывал искушение убить его из своего карабина. Все-таки приближение хайхей внушало ужас даже ему. Однако он подавил свои чувства: ведь ему нужно было продемонстрировать возможности нового оружия Чарли.

— Смотри! — крикнул он, поднимая оружие, приспособленное для конечностей шариста. Он поймал тело небесной акулы в перекрестке прицела, все время чувствуя низкое тремоло песни ужаса Чарли. Когда акула приблизилась на двадцать метров, он нажал курок.

Десяток металлических игл полетели навстречу акуле расширяющимся конусом. Для успеха достаточно было одной иглы. Воздушный мешок акулы был пропорот в нескольких местах, и из него потекла жидкость. Существо вскрикнуло от боли и удивления. Но для следующего крика у него уже не было воздуха. Акула полетела вниз, жуткая физиономия ее была искажена болью и ненавистью. Ужасные когти конвульсивно сжимались и разжимались в нескольких метрах от них.

Чарли испустил трель изумления, а затем разразился песней триумфа.

— Великолепно! Дэнни, ты убьешь всех акул?

— Нет, не я, Чарли. Ты сделаешь это сам.— И, зависнув в воздухе, Дэнни стал обучать умное существо, как обращаться с оружием, как прицеливаться, как заряжать, как спускать крючок. Для существа, которое никогда не имело дела с техникой, Чарли довольно быстро освоил все операции. Дэйлхауз дал ему возможность немного попрактиковаться и терпеливо показывал ему, как заряжать, как прицеливаться, как стрелять.

Они уже были не одни. Стая полетела за ними и теперь была в полукилометре от них. Их песня доносилась до Дэйлхауза. Он понимал, что стая

скучает и ждет разрешения приблизиться к вожаку. Внизу был лагерь Пипов, и Дэнни мог видеть любопытные лица. Пусть смотрят, подумал он. Пусть видят, как представители Блока Продовольствия налаживают контакты с аборигенами Клонга. Пипов осталось совсем немного, и не было видно никого из столь разрекламированного пополнения.

Пополнение. Дэйлхауз сразу вспомнил, что он еще не все сообщил Чарли.

— Это подарок,— пропел он,— тебе. Но мы тоже хотим кое-что попросить у тебя.

— Что именно?— вежливо спросил Чарли.

— Я не знаю слов. Но вскоре я сумею сказать тебе. Мои соплеменники хотят попросить тебя отнести кое-что кое-куда. Некоторые из вещей вы оставите на земле, другие принесете назад.

Обучая Чарли, как пользоваться камерами и микрофонами, датчиками и сейсмическими микрофонами, Дэнни думал, как объяснить ему, где установить их. Что было так просто на Земле, оказалось почти невыполнимым здесь, на Клонге.

— Опасность! Опасность!— раздались крики из стаи.

Дэнни быстро осмотрелся. На них падала тень акулы. Она подлетела сзади, куда Дэнни просто

не смотрел, а Чарли был слишком занят новыми игрушками.

Если бы не крики стаи, они были бы захвачены врасплох. Однако реакция у Чарли оказалась лучше, чем у Дэнни. Он быстро повернулся, и прежде чем Дэнни успел снять свой карабин с плеча, шарист показал, как он усвоил уроки. Хищник, судорожно извиваясь, полетел вниз.

— Прекрасно!—воскликнул Дэнни.

Чарли тоже запел:

— Какой чудесный подарок!

Они полетели к стае.

Иглы огня начали вонзаться в стаю. Они направлялись из лагеря пипов.

— Боже!— вскричал Дэнни.— Эти идиоты стреляют ракетами!

Ракеты взрывались посреди стаи, и тут и там вспыхивали огненные факелы водорода.

Глава 10

Прошло совсем немного времени с тех пор, как Дулла пришел в себя, поэтому он плохо сознавал, что происходит вокруг. Сначала он слышал странный звук, который он никак не мог идентифицировать, и какие-то люди тащили его к аппарату, который издавал эти звуки. Затем боль — ужасная боль. Затем долгие периоды, когда люди говорили над ним, говорили о нем. Но он совсем не испытывал желание отвечать. В свои короткие периоды, когда он приходил в сознание, он понимал, что боль ужасна. Это Гризи применили к нему неприятные методы лечения, но они оказались эффективными. Он остался жив. Опухоли спали. Он уже не был слеп. Он был только очень ослабевшим.

Когда он проснулся в следующий раз, он понял, что даже может держать глаза открытыми. Возле него стоял Фенг Хуа-цзе. Китаец очень исхудал. Дулла подумал, что Фенг выглядит еще хуже, чем он сам.

— Тебе лучше?— печально спросил он.

Дулла задумался:

— Пожалуй, да. А что случилось?

— Я рад, что тебе лучше. Длинноносые принесли тебя от твоих друзей-жуков. Они сказали, что ты будешь жить, но я не поверил. Ты был без сознания очень долго. Хочешь поесть?

— Да, впрочем, нет,— поправился Дулла.— Хочу, но не сейчас. Сейчас мне нужно в уборную.

— Тебе помочь?

— Нет, я сам.

— Я рад этому,— сказал Фенг, который прислуживал, как сиделка, пока Ахмед был без сознания. Пакистанец мучительно медленно поднялся с циновки и, пошатываясь, побрел к уборной.

Он осмотрелся вокруг. Лагерь представлял печальное зрелище. Правда, крутилось водяное колесо, а значит — была энергия. Но где обещанное электричество, богатый урожай, удобства? И где мои люди?

Фенг последовал за ним и грустно смотрел, как Дулла опорожняет свой мочевой пузырь.

— Почему ты стоишь здесь? — рявкнул Дулла, с трудом затягивая шнур пижамы.— Что происходит? Почему сделано так мало?

Лидер развел руками.

— Что я могу сказать? Нас было десять. Двое умерло в том путешествии, которое ты счел та-

ким необходимым. Один умер здесь. Двое были так плохи, что их пришлось отправить на Землю - благодаря Гризи. Итальянец спит, две женщины собирают топливо.

— Собирают топливо! Разве мы снова стали крестьянами?

Лидер вздохнул.

— Я делал, что мог.— Эту фразу он произносил про себя снова и снова.— Помощь придет. Сам Наследник Мао распорядился. Два больших корабля, люди, материалы. Скоро...

— Скоро! А до этого что? Мы ничего не будем делать?

— Иди в постель,— осторожно сказал Фенг.— Ты устал. И утомил меня. Если хочешь, поешь. Еда есть. Это нам дали Жирные. Иначе бы не осталось никого.

— Теперь мы уже попрошайки,— вспыхнул Дулла.— Для этого я учился и летел сюда через столько световых лет. За это я чуть не погиб! Какими мы будем выглядеть идиотами, когда вернемся на Землю!

Фенг покачал головой. Он снял со своего плеча руку пакистанца и отошел в сторону: от давно не мывшегося Дуллы ужасно воняло. Ему было незачем это слушать. Он знал это и сам. Он при-

нял подачку от Жирных, так как иначе все они умерли бы от голода. Он принял помощь Гризи для освобождения Дуллы и возвращения больных на Землю. А теперь они там наверняка говорят, как плохо подготовил Фенг Хуа-цзе экспедицию, которую ему доверили. Сейчас его наверняка критикуют со всех сторон. Когда он вернется на Землю — если вернется — самое большее, на что он сможет рассчитывать,— это снова оказаться нищим биохимиком на Желтой Реке.

А если его не снимут до тех пор, пока не прибудут два больших корабля...

О, тогда... Он снова вспомнил послания с Земли. Второй корабль доставит не десять, не пятнадцать, а целых тридцать пять человек. Агроном! Он продолжит то, что начал сам Фенг — возделывать земные злаки. Нет никаких сомнений, что во втором или третьем поколении растения будут давать большие урожаи. Два высококвалифицированных переводчика, причем один с расщеплением мозга. Доктор, нет, специалист по сложнейшим травмам, подумал Фенг, хирург с мировой репутацией. Судя по фотографии, он ростом метра два и черен, как волос ребенка. Три человека — специалисты по выживанию. Один из них ранее служил в Красной Гвардии, а затем

прошел курс обучения скаута и практиковался в пустыне Гоби, затем в Гималаях.

А что доставит другой корабль! Фотоэлектропреобразователи, способные вырабатывать напряжение 239 вольт в большом количестве. Пластик, топоры и мачете, несколько винтовок, легкие велосипеды, компьютер с шестью терминалами, радиооборудование, лазер. И продовольствие, много продовольствия, достаточное для того, чтобы безбедно прожить несколько месяцев...

Это казалось сном.

Но Фенг знал, что среди этих тридцати пяти человек обязательно найдется тот, кто спокойно подойдет к нему и скажет; — Фенг Хуа-цзе? Меня направил сюда Наследник Мао, чтобы выслушать твои объяснения насчет того, почему потерпел неудачу проект, на который мы возлагали столько надежд. И после этого начнется для Фенга самое трудное. Оправданий никто не примет. Посланника будет интересовать, почему трое умерли, двое отправлены домой, а остальные десять сделали так мало.

Вот такие мысли теснились в голове Фенга, но он только сказал:

— Иди спать, Дулла. Ты мне уже надоел.

Дулла не пошел спать. Гнев придал ему сил. Он разбудил итальянца.

— О, ты уже ожил? — Спадетти пошатнулся и погладил подбородок, отливавший синевой.— А мы думали, что тебе хана. Я Даже держал пари на дневную порцию еды.

— Я только что говорил с Фенгом, этим кретином.

— Дулла, он ни в чем не виноват. Просто мы первые. И мы делали ошибки, без которых не обойтись, и которые послужат уроком другим.

— Я не желаю быть учителем Жирных и Гризи! Я вообще не хочу, чтобы они были здесь. Это должна быть наша планета, и мы сделаем ее такой, какой она нам нужна.

— Да,— признал Спадетти.— Я тоже так считал, но что мы можем сделать? Каждое наше действие казалось правильным. Даже твое решение завязать дружбу с аборигенами...

— Эти животные! Никто не может стать им другом.

— О, ты не прав, Дулла. Наши соперники достигли кое-каких успехов. Шаристы переносят их аппаратуру по всей планете. А Гризи обучают червей, чтобы они сделали туннели под нашим лагерем и подслушивали наши разговоры. Мо-

жет, они и сейчас слушают.

— Чепуха. Ты настоящий идиот!

— Возможно, но не совсем чепуха,— улыбнулся итальянец, нисколько не обидевшись.— Конечно, я немного пошутил, но тут есть доля правды. А чего достигли мы? Вот ты, Дулла, чего ты достиг, посетив колонию своих друзей, кроме того, что потерял двоих? Мы потерпели неудачу, вот и все.— Он зевнул и почесался — А теперь, Дулла, сделай милость, дай мне возможность проснуться самому. Вокруг все так сурово и жестоко, что лучше жить во сне.

— Пей свое вино и спи,— холодно сказал Дулла.

— О, Дулла, идея неплохая. Но если бы тут было настоящее вино, а не эта мерзость.

— Свинья,— сказал Дулла, но не так громко, чтобы Спадетти мог сделать вид, что не слышал. Он повернулся, пошел к своей постели и сел, игнорируя жалобы Спадетти, который пил вино, сделанное им самим из сока местных фруктов. Может, этот сок убьет его? А почему нет? Один запах этого зелья отбил аппетит у Дуллы, хотя он знал, что есть необходимо. Со времени высадки на Клонг он потерял десять килограммов, и худеть дальше было недопустимо. Он выпил

воды из фляжки, а затем заметил возле постели небольшой сверток. Дулла развернул его. Это оказался микрофилм — письма с Земли.

— О, ты нашел свои любовные письма,— крикнул итальянец.— Жаль, что я не могу их прочитать — я не знаю языка. Но девушка очень симпатичная.

Дулла не обратил на него внимания. Он прошел в радиорубку, где было единственное работающее устройство для чтения. Спадетти был прав: почти все письма от болгарской девушки. И почти все они об одном и том же. Ей не хватает Дуллы. Она думает о нем, она с грустью вспоминает дни, проведенные с ним в Софии.

Но на фотографиях была Ана в Париже, Ана в Лондоне, Ан в Каире, Ана в Нью-Йорке. Да, она неплохо проводит время без него.

Богатые страны! И разные, так как их богатство обусловлен или горючим или продовольствием. Но богатство есть богатство. И его, представителя Пипов, отделяет от болгарина, жителя страны Блока Продовольствия, большее расстояние, чем от кринпита. Но тут же он подумал, что он несправедлив. Нан совсем не такая. К тому же она провела детские годы в Хайдарабаде.

Избавившись от тошнотворного запаха ита-

льянского вина, Дулла почувствовал голод. Он нашел немного жареной кукурузы и начал есть, просматривая письма Аны и другие сообщения с Земли. Да, много произошло событий, пока он был вне жизни. Жирные получили с Земли подкрепление. Официально считалось, что это отряд ООН для поддержания мира, но это заявление могло обмануть только аборигенов Клонга. Гризи запустили спутник с астрономической обсерваторией и исследуют изменения радиации Клонга. Правда, эксперимент нельзя назвать чистым. Но даже в этом случае Дулла изучал результаты с изумлением и завистью. Ведь это был его собственный проект! Это была работа, которой он обучался все годы! Какая неудачная экспедиция! Он с отвращением посмотрел на разбросанные и ржавеющие приборы, которые валялись в палатке просто потому, что некому было на них работать. Так много нужно сделать. Так много, что он даже не знал, с чего начать.

Снаружи послышались рассерженные голоса. Дулла выглянул из палатки. Из-за чего-то ссорились Фенг и итальянец, а в небе была стая шаристов. Если бы Наследник Мао был более дружелюбен с другими странами и если бы Фенг был бы меньшим идиотом, тогда они могли иметь ге-

ликоптер, как Гризи, или сделали бы воздушный шар, как Жирные. И тогда он мог бы тоже летать со стаей. Но этот шанс упущен. И даже кринпиты, с которыми он, Дулла, хотел установить контакт, были ему такими же чужими, как раньше. Да, он рисковал. Он вспомнил свои ощущения, когда лежал беспомощный среди шевелящейся массы крабообразных. Если бы они не начали пожирать тех двоих, то его бы уже не было в живых. И весь риск впустую. Даже того единственного кринпита, с которым можно было бы попытаться установить контакт или хотя бы сохранить как образец, идиот Фенг умудрился отдать Гризи.

Внезапно на улице послышались другие звуки — шипение и свист. Дулла вскочил и выбежал из палатки. Он увидел, как огненные стрелы вонзились в небо, а Фенг с итальянцем отчаянно борются друг с другом. Одна из ямайских женщин ругалась на них обоих.

— Что случилось?—спросил Дулла.

Итальянец оттолкнул Фенга и повернулся к Дулле. Глаза его Светились возбуждением.

— Фенг решил приветствовать наших друзей,— сказал он, показывая в небо. Ракеты взорвались, и тут же появились огненные вспышки вокруг. Шары вспыхивали один за другим, подожженные

искрами.

Идиоты! — закричал Дулла.— Вы видите, что вы наделали?

— Я поджег всего несколько шаров. Ну и что? — сказал Спадетти.

— Шары! Протри глаза, пьянчуга. Ты видишь, там человек? Он решит, что мы пытаемся убить его. Теперь он вернется на свою базу и доложит, что Народная Республика объявила войну. Это может плохо кончиться для нас.

— Тише, Дулла,— сказал Фэнг.— Теперь нам плевать на отношение к нам Жирных и Гризи. Помощь уже в пути.

— Ты такой же идиот, как и он. Зачем нужно было стрелять?

— Хотелось бы мне,— сказал Фенг,— чтобы тебя не спасали, Дулла. Здесь было спокойнее, пока ты торчал у кринпитов.

— А мне бы хотелось,— ответил Дулла,— чтобы нашим лидером был тот кринпит, который хотел убить меня. Он менее безобразен, чем ты, и более умен.

Этот кринпит был за много километров от лагеря Пипов и почти так же зол, как Дулла. Его привели в почти безумное состояние голод и постоянный ослепляющий шум в лагере.

В мире кринпитов никогда не было тишины. Но уровень шума всегда был приемлемом. Шестьдесят — семьдесят децибел, за исключением редких случаев грозы с раскатами грома.

Для Шарн-игона пребывание в лагере стало пыткой. Иногда здесь было тихо и спокойно, иногда ослепительно шумно. У кринпита не было внутреннего механизма для уменьшения чувствительности слуховых нервов. Шарн-игон не имел понятия, какие приборы работают и для чего они. Но он мог распознать каждый прибор: завывание сверлильной машины, мягкий рокот геликоптера, взвизги электропил, глухие удары водяного насоса. Шарн-игон прибыл в лагерь почти ослепшим, так как пребывание возле мотора геликоптера можно было сравнить с состоянием человека, смотревшего на солнце незащищенными глазами. В состоянии слепоты он оставался очень долго. Его сразу же поместили в железную клетку. Кринпит попытался перегрызть прутья, но это ему не удалось. Как только на пруте появлялась царапина, его сразу же заменяли новым. Ядовитые Привидения — обитатели лагеря — без конца беспокоили его, произнося его имя, имитируя его звуки каким-то таинственным способом. Шарн-игон понятия не имел о звукозаписи, и

когда воспроизводился его собственный голос, он чувствовал себя как человек, впервые увидевший свое отражение. Он понял, что Ядовитые Привидения хотят поговорить с ним, но он редко отвечал им. Ему было нечего сказать им.

И он почти умирал от голода. Его кормили в основном растительными продуктами. Ел он с отвращением, и голод его еще больше усиливался, так как он ощущал запах Низших Привидений и даже Верхних Привидений. Но Ядовитые Привидения не бросали ему ничего мясного. И почти все время вокруг был ослепляющий шум. Шарн-игон был близок к тому, чтобы сойти с ума.

Но он цеплялся за жизнь потому, что у него была цель. Ядовитые Привидения убили Чипрюитта.

Он еще не научился отделять одно привидение от другого и не знал, кто же из них убийца. Да это и не важно. Виновны они все. Кринпиту было ясно, что для отмщения он должен убить как можно больше, но он не понимал, как это сделать. Он стер когти и края панциря, но прутья решетки держались.

Когда лагерь затихал, кринпит разговаривал с Верхним Привидением, которое было в соседней клетке.

— Хотел бы я съесть тебя,— сказал он. Если бы не решетка, Привидение стало бы его легкой жертвой. Оно потеряло весь свой газ и теперь корчилось на полу в клетке. Его песни стали еле слышным шепотом.

— Тебе до меня не добраться, если ты не сбросишь свой панцирь. А тогда я съем тебя.

Они говорили на своих языках, но многие поколения совместной жизни на планете привели к тому, что все они немного понимали язык друг друга.

— Я съел уже несколько таких, как ты,— сказало Верхнее Привидение.— Особенно мне нравится спинка.

Хвастается, конечно, подумал кринпит. Но кое-что было правдой. Шаристы нападали на кринпитов, когда те меняли панцири.

— Послушай,— прошептало Верхнее Привидение.— Я умираю. Можешь съесть меня, если хочешь.

Шарн-игон с грустью ответил:

— У меня тоже положение безвыходное. Так что можешь съесть меня.

И вдруг он понял, что Привидение каким-то образом оказалось вне клетки.

— Как ты выбрался?

— Я так близок к смерти,—слабо пропело Привидение,—что легко пролез между прутьями. Мне продырявили мешок с газом, и жизнь утекает из меня.

— Как бы мне пролезть между прутьями!

— Почему ты не откроешь клетку? Убивающие суют твердую штуку в определенное место клетки, когда хотят открыть ее.

— О чем ты говоришь?

— Подожди, тут есть одна такая. Я покажу.

Понятия Шарн-игона о ключах и замках отличались от человеческих. Однако и у кринпитов было нечто подобное. Он ерзал от нетерпения, пока умирающее Привидение подтащилось к клетке с чем-то твердым и блестящим во рту.

— Ты освободишь меня? — спросил кринпит.

Привидение задумалось, затем пропело:

— Но ты же съешь меня.

— Да. Съем. Но ты все равно умрешь,— сказал Шарн-игон й Добавил:— Твой голос очень слаб.

Шарист что-то печально просвистел. Видимо, примирился с правдой.

— Если ты освободишь меня,— начал торговаться Шарн- — я убью за тебя Ядовитое Привидение.—Затем честно добавил: — Я все равно буду убивать, так как они убили мою жену.

— Сколько убьешь?—с сожалением пропел шарист.

— Сколько смогу. Одного обязательно. Нет, двоих. Двоих тебя и остальных, сколько смогу, за себя.

— Троих за меня. Трое напали на меня и причинили мне боль

— Хорошо. Троих. Но давай побыстрее, а то Привидения вернутся.

Через несколько часов, уже на пределе своих сил, Шарн-игон приблизился к деревне кринпитов. Это была не его деревня. О давно слышал звуки из деревни, но был так слаб и болен, что добирался сюда очень долго.

— Шарн-игон, Шарн-игон,— произносил он, приближала к чужой деревне.— Я не ваш. Шарн-игон! Шарн-игон!

Самка проползла мимо, но даже не обратила на него внимания

Это не удивило Шарн-игона. Именно это он и ожидал. Каждый шаг по чужой деревне давался ему с большим трудом, чем все предыдущие.

— Шарн-игон! — снова позвал он.— Я хочу говорить с кем- нибудь из вас, хотя я не ваш.

Ответа, конечно, не было. Контакт наладить очень не просто. Каждая деревня была изолиро-

вана друг от друга как в географическом смысле, так и в культурном. Они не воевали. Но и не взаимодействовали.

— Шарн-игон! Шарн-игон! — взывал он снова и снова, и наконец навстречу ему выполз самец-мать. Он не заговорил с ним, но и не уходил. Двигаясь, он произнес свое имя:

— Тшар-и-фленг.

— Хорошо ли прошли празднества, чужой брат?— вежливо спросил Шарн-игон.

Ответа не было, только снова послышалось имя, на этот раз громче и отчетливее.

— Я не ваш,— сказал Шарн-игон.— Мне неприятно находиться здесь. Вам это тоже неприятно. Однако я должен поговорить с тобой.

Снова послышалось имя чужого кринпита, и наконец, Шарн-игон услышал:

— Зачем ты здесь, Шарн-игон?

У Шарн-игона подогнулись колени.

— Мне нужна пища. Шарист был такой тощий и хрупкий, что мне не удалось восстановить силы.

Шарн-игон постарался не съесть ни кусочка Отравленных привидений. Он был уверен, что убил двоих, а третий, если и останется жив, то придет в себя не скоро. Так он отдал долг шаристу.

Но не отомстил за Чи-прюитта.

Шарн-игон с трудом сломал традиционные барьеры между деревнями. Это заняло много времени и отняло много сил у Шарн-игона. Но в конце концов Тшар-и-фленг предоставил ему кров и удовлетворил его просьбы.

Шарн-игон ел то, что ему принесли, а Тшар-и-фленг оживленно разговаривал с остальными обитателями деревни за стена хижины. Затем они все вошли и окружили Шарн-игона, наблюдая, как он ест. Шарн-игон игнорировал их вежливые звуки любопытства до тех пор, пока не наелся. Затем он отодвинул в сторону объеденный скелет и заговорил.

— Ядовитые Привидения убили мою жену и не съели ее.

Послышались возгласы неодобрения.

— Они схватили меня и посадили в клетку. Они забрали моих детенышей и утащили их куда-то, но я уверена, что они их не съели.

Снова оглушительные звуки - смесь сочувствия и гнева.

— Они захватили Верхнее и Нижнее Привидения и много других живых существ. И никого из них не съели. Я убил троих из Ядовитых Привидений. Хотел бы убить и больше. Вы друзья

Ядовитых Привидений?

Тшар-и-фленг с презрением сказал:

— Нет. Их друзья Нижние Привидения.

Кто-то заметил:

— Но Привидения умеют убивать. Они говорили с нами на нашем языке и сказали, чтобы мы не воевали с ними, а то нас перебьют.

— Ядовитые Привидения лгут,— сказал Шарн-игон.— Послушайте! Они уверяют, что прилетели с другого мира, подобного звездам на небе. Вы знаете, что такое звезды?

— Говорят, что они светят с небес.

— С небес исходит тепло. Я не слышал ничего об этих звездах. Как бы громко я не кричал, я не слышу эха от них.

— Мы тоже говорим об этом,— осторожно сказал Тшар-и-фленг.— Но мы боимся Ядовитых Привидений. Они убьют нас и не станут есть.

— Да, это правда,— сказал Шарн-игон. Он помолчал. Затем продолжил: — Если мы не убьем их первыми. Если все наши деревни не объединятся и не нападут на них и не убьют их всех.

Глава 11

Мэгги Меннингер больше не была блондинкой. И в паспорте ее имя уже было не Мэгги Меннингер. Согласно же путевым документам, она была теперь майор, направляющийся на новое место службы. Хотя генерал, подписывавший документ, санкционировал возможную задержку, вряд ли он полагал, что майор задержится в Париже.

В маленькой комнате отеля Мэгги съела несколько круассанов с апельсиновым соком и позвонила консьержке, чтобы узнать, не прибыло ли письмо, которого она ждала.

— Сожалею, мисс Бернарди, но ничего нет,— вздохнула консьержка. Мэгги с отвращением откусила круассан. Франция номинально входила в Блок Продовольствия — в основном за счет своих вин - но, черт побери, что за гадость подают на завтрак!

Она устала от этой комнаты, от застоявшегося запаха предыдущих постояльцев. Ей хотелось походить, но места совсем не было. А пока она торчит в этой комнате, корабли Пипов летят на Клонг, собирается новая миссия стран Блока Про-

довольствия и только бог знает, что происходит в Вашингтоне и ООН.

Она позавтракала и быстро оделась. Когда она спустилась, вниз, то увидела на столе консьержки записку: продолговатый листок бумаги. Там было написано:

"Мисс Эстер Бернарди ждут в 15.00 для встречи".

Видимо, записка была здесь уже давно. Мэгги не стала ругаться с консьержкой. Сейчас ей нужно было подумать, как убить время — целых шесть часов! Она вышла на улицу Комартин, решая что же ей делать. Надо было потратить время с какой-то пользой. День был теплый. Запах газолина висел над Плас де Опера. Хотя Франция принадлежала к Блоку Продовольствия, она был гостеприимна и к арабам, и к пипам. Вот еще одна причина, почему нельзя доверять лягушатникам, подумала Мэгги.

Но сейчас не время решать такие проблемы. Сейчас нужно по думать, как провести время. У нее было только одно решение Она должна делать то, что делает большинство американок в Париже. Она должна ходить по магазинам. Это лучший способ не привлекать к себе внимания. К тому же ей и самой этого хотелось. Тайной стра-

стью Мэгги, которую она тщательно скрывала, было периодическое хождение по магазинам, где она щупала ткани, примеряла одежду, обувь. В ее маленькой квартире было две туалетных, которые, как и гостиная, были завалены ее покупками Они были засунуты в шкафы, под диван прямо в пластиковых мешках: свитеры, которых она никогда не одевала, материалы, скроенные, но не сшитые. Ее спальня всегда была чисто прибрана — никогда не знаешь, кто сегодня ляжет с тобой в постель. Но эти тайные комнаты были частью сущности Мэгги Меннингс. Она не делала дорогих покупок. Не потому, что она была скупа. Ее счета в банке были не ограничены. Но у нее был свой особый вкус который и определял качество покупок. Периодически она объявляла войну своей расточительности, и тогда миссия Доброй Вол и Армия Спасения растаскивали ее залежи, но спустя неделю все начиналось сначала.

Мэгги не привлекали обычные ловушки для туристов на Елисейских Полях. Магазины фирмы Юникарикс, Прентампс и Галери Лафайет были в ее вкусе. К тому же она понимала, что не может целиком отдаться своей страсти. Ведь ей некуда было девать покупки, а оставить их в гостинице, значило привлечь внимание. Поэтому шесть

часов она провела в парижских магазинах, приценяясь, примеряя и сделав жизнь продавщиц настоящим адом. Но это не беспокоило Мэгги Меннингер. Когда, наконец, такси ровно в три часа доставило ее к отелю, ее настроение улучшилось. Тут она пересела в другой автомобиль и откинулась на твердую пластиковую спинку, ожидая, что будет дальше.

Водитель остановился на Плас Венесуэла, среди туристов мелькнуло лицо ее отца, который вовсе не удивился, увидев Мэггм.

— Привет, дорогая,— сказал он.— Я принес твою игрушку.

Она взяла у него камеру и критически осмотрела ее. Она была тяжелее, чем казалась на вид. Значит, нужно быть осторожной и не давать ее никому.

— Не пытайся снимать ею,— сказал отец.— Просто повесь ее на шее. Затем, когда ты прибудешь, куда направляешься,— он нажал на затвор и камера открылась, обнаружив предмет, отливающий тусклым металлическим светом.— Это то, что тебе надо. И еще сто тысяч нефтедолларов. Они в сумке.

— Спасибо, папа.

Он повернулся и посмотрел на нее.

— Ты не сказала матери, что я позволил тебе пойти на это?

— Конечно, нет.

— И не говори,— добавил он после размышления.— Как обстоят дела в Камп Детрик?

— Неплохо, папа. Ты дашь мне транспорт, и я смогу послать несколько стоящих парней.

Он кивнул.

— Ты знаешь, Пипы обстреляли одного из наших ребят. Все обошлось без последствий, но прецедент есть.

— Он не отстреливался?

— Нет! Это твой старый знакомый по Болгарии. Насколько я знаю, он не верит в действенность применения силы. По моему требованию он доложил об инциденте в ООН. У него есть ленты и снимки, чтобы доказать нападение.

Он выглянул в окно машины. Они уже пересекли Сену и углублялись в рабочий пригород Парижа.

— Здесь я выйду. Увидимся в Вашингтоне. И береги себя.

На следующее утро Мэгги уже была в Триесте. Теперь она уже была и не Мэгги Меннингер, и не Эстер Бернарди. Она была сонной швейцарской домохозяйкой и пересекла югославскую границу

на наемном фиатовском электромобиле. С нею ехали другие женщины, стремящиеся купить дешевые овощи в Югославии. Она приехала в Загреб и затем пересела в автобус, который направлялся в столицу.

Предмет, который передал ей отец, находился в пластиковом мешке под свитером и старой потрепанной книжкой. Она очень устала и хотела спать.

Мэгги выросла в семье Годфри Мэннингера в атмосфере шпионажа. Она была единственным человеком в мире, которому отец доверялся полностью. Сначала потому, что она ничего не могла понять и можно было спокойно говорить при ней все. Затем потому, что она стала понимать все. Она выросла в атмосферу подозрительности, ликвидации предателей и врагов, она знала курьеров и двойных агентов. Она выросла в самом центре зловещей паутины, окутавшей весь мир.

Но сейчас она была не в центре паутины. Сейчас она была на самом краю ее, где риск был огромным, а наказание быстрым и жестоким. Она быстро шла по улице, избегая прямых взглядов. Двери маленьких магазинчиков были открыты и, ее обдавало то острым запахом жарящегося мяса из закусочных, то тошнотворным запахом немы-

тых подмышек из магазинов одежды. Вскоре она увидела этот дом, куда шла. Надпись гласила: "Электротек Мюнхен". Офис располагался над небольшой мастерской, где мужчина шил на допотопной швейной машинке.

Она посмотрела на часы. До встречи еще больше часа. Человек, с которым она должна встретиться, это маленький щуплый итальянец в пиджаке футбольного клуба Скопле. Разумеется, сейчас никого, похожего на этого итальянца, поблизости не было.

Невдалеке она заметила множество ларьков, окружающих двухэтажное здание, напоминавшее здание вокзала в каком-нибудь заштатном американском городишке. Базар? Мэгги влилась в толпу женщин, одетых в самую разнообразную одежду, мужчин с корзинами розовых помидоров. Здесь же шныряли детишки. Да, это базар. Здесь она ни у кого не вызовет подозрений.

Однако она была голодна.

Наступил сезон клубники. Мэгги купила полкилограмма и бутылку пепси. Она уселась на край каменной балюстрады и начала есть. Конечно, она с большим желанием съела бы бифштекс с кровью, но здесь это не продавали. Так что она, по крайней мере, ничем не отличалась от окружаю-

щих: простая домохозяйка, направляющаяся по своим обычным делам и решившая освежиться.

Ровно в два она была перед зданием "Электротек Мюнхен" и изучала, как ей было предписано, путеводитель по Белграду. Однако никакой итальянец не появился. Она прождала полчаса, изредка приглядываясь к прохожим, затем со злостью сунула путеводитель в урну. Второе свидание должно было состояться в десять часов в большом старом роскошном отеле. Но черт побери, что ей столько времени делать?

Она шла по улицам. Трудно пробыть на ногах семь часов, но изредка можно останавливаться и пить содовую воду. Слава богу, она, наконец, нашла кафетерий. Эти странные буквы весело горели над входом. Мэгги изучала в университете кириллицу, так что ее скудных знаний хватило, чтобы понять, что одна из проблем ее решится. Она с трудом заказала что-то, что показалось ей похожим на жареного цыпленка с зеленью и овощами. Времени у нее было очень много. Поев, она расплатилась и снова пошла по улицам, заходя в каждый туалет, в каждую лавчонку. Она прошла по ботаническому саду, по бульвару маршала Тито. А затем пошел дождь. Она спаслась от дождя в кино, где до девяти смотрела чешскую комедию

с сербско-хорватскими субтитрами. Ее главной проблемой в кино было только бы не заснуть.

Но когда она пришла в отель, то тут столкнулась с настоящей проблемой: итальянец не появился и здесь.

Она шаталась от усталости, одежда ее была грязной и потной. Ей казалось, что от нее уже стало вонять. Папа недостаточно все продумал, подумала она с горечью. Он должен был бы предвидеть, что портье обратят внимание на потную грязную иностранку, которая вдруг появится среди этой роскоши, мрамора, струнных трио. Если бы она была мужчиной, все было бы проще. Можно было бы взять проститутку. Вон ту тонкую блондинку, сидящую в одиночестве у камина, или ту пышную брюнетку, которая уже дважды покидала холл, и все с разными мужчинами. Каждый раз она возвращалась снова, готовая принять нового клиента. Мэгги отказалась от кампари и заказала официанту турецкий кофе. Следующая встреча состоится в полдень следующего дня. А где же она будет спать?

У проституток есть комнаты. Если бы она была одна их них...

Эта идея не покоробила Мэгги с моральной стороны, но она сразу поняла, что это практиче-

ски неосуществимо. Даже если бы она и имела комнату, ее сразу выкинули бы вон, так как она нарушила бы существующую монополию местных проституток. Мэгги с интересом посмотрела на одиноких мужчин. На нее тоже поглядывали с интересом.

Мэгги взяла кофе и подсела к блондинке. Она заговорила с нею по-английски, полагая, что в таком отеле проститутки должны знать самые необходимые в их профессии слова.

— Сколько за ночь? —спросила она.

Блондинка изобразила возмущение.

— С тобой? Какая мерзость. Я никогда не занималась этим с женщиной.

— Пятьдесят динаров.

— Сто.

— Ол райт, сто. Но только ты должна будешь выполнять мои желания в точности, а у меня вкусы очень необычные,

Блондинка пожала плечами, затем подозвала официанта:

— Сначала купи мне настоящий виски, а потом объясни мне, что у тебя за вкусы. Тогда и посмотрим.

На следующее утро Мэгги проснулась свежей и отдохнувшей. Она вымылась под душем, пере-

оделась и с улыбкой заплатила проститутке.

— Могу я задать вопрос?— спросила женщина, пересчитывая деньги.

— Конечно.

— Ты заставила меня гладить тебе шею, пока ты не уснула. Это действительно удовлетворяет тебя?

— Еще как! — улыбнулась Мэгги.

Она величественно вышла из отеля, вежливо кивнув местным полицейским в мешковатой серой униформе. Бульвар привел ее в кафе Лондон. И там за столиком сидел с кружкой пива тощий щуплый итальянец. На нем была шапочка с эмблемой спортивного клуба Скопле.

Она села за его стол, заказала кофе и удалилась в дамский туалет. Когда она вернулась, итальянца уже не было. Пластиковый мешок, который она оставила на стуле, казался нетронутым, но она сразу же ощупала его и поняла, что камеры в нем нет, а на ее месте лежала толстая книга.

Мэгги пересекла границу таким же способом, каким и приехала сюда. Вскоре она уже была в Триесте и вернула себе прежнее обличье. В самолете, который нес ее в Париж, она заперлась в туалете и исследовала содержимое пластикового мешка.

Каким образом Гелиззи стал человеком в большой армии шпионов, которому можно доверять, она не знала. Он не произвел на нее впечатления преданного человека. Однако все что было от него нужно, он сделал. Маленькое устройство было на пути к цели, а в ее руках были микрофильмы всех секретных переговоров между Землей и лагерем Блока Продовольствия на Клонге. Ее отец будет доволен ею.

Глава 12

Ана Димитрова увидела в Соединенных Штатах то, что видела в большинстве стран мира: аэропорты, комнаты отелей, улицы городов. Но сейчас она с живым интересом смотрела на ландшафт, который разворачивался перед нею, когда она ехала в скоростном электробусе к месту своего назначения. Столько открытого пространства! И даже не занятого фермами!

Больше половины пассажиров в электробусе были американцами. Некоторые из них курили, не взирая на запретные надписи, другие жевали резинку, трое на заднем сидении по очереди прикладывались к бутылке. Армейский сержант, который сразу же предложил ей полплитки шоколада, сейчас угощал чем-то женщину-агронома из Канады. Нан изо всех сил старалась, чтобы американцы ей понравились, хотя это было нелегко. Почти все американцы-мужчины старались завязать с нею дружеские отношения, которые буквально через несколько минут после знакомства старались превратить в сексуальные. Даже вьетнамский полковник, сидевший перед

нею, такой любезный и обходительный, вскоре начал делать весьма двусмысленные намеки на прекрасном английском языке. Нан уже поменяла шесть мест, и отчаявшись найти спокойное место, теперь сидела, глядя в окно, хотя ничего уже не видела. До чего отвратительный, наглый, бесцеремонный народ!

Она притронулась к микрофильму, который лежал в кармане ее блузки. Она помнила его содержание наизусть. Как всегда оно было формальным и исключительно коротким:

"Дорогая Ана!

Я благодарю тебя за твои письма и часто думаю о тебе.

С признательностью Дулла".

Мог бы потратить и побольше долларов, подумала она и тут же оборвала себя. Ахмед был из бедной страны. Каждая буква, переданная с Клонга на Землю, стоила чрезвычайно дорого. А она в своих письмах буквально тратила море денег. Но ей никогда не приходилось экономить каждый пенни. Со вздохом она отбросила мысли о Дулле и начала думать о более близких вещах. Тут она поняла, что бус остановился.

Три американца в военной форме вошли в салон. Один из них поднял руку, призывая к ти-

шине, и сказал:

— Приветствуем вас. Прошу предъявить документы.

В окно Нан увидела нечто вроде баррикады, окутанной проводами. Возле нее стояли еще два солдата и внимательно смотрели на бус. Странно. Они охраняли это место, где производится подготовка ученых и персонала поддержки для мирной экспедиции на Клонг. Когда сержант подошел к ней, она подала ему паспорт и улыбнулась. Сержант был высоким негром. Он бесстрастно ответил на улыбку.

— Имя?

— Оно же в паспорте. Ана-Елена Димитрова.

— Место рождения?

— Место рождения? Марек, Болгария. Город к югу от Софии, недалеко от границы с Югославией.

— Приложите пальцы, пожалуйста.— Она прижала пальцы сначала к подушечке, затем к белой карточке, которую он вложил в паспорт.— Документы вам вернут позже,— сказал он и спросил: — Вы любите танцевать? Сегодня в клубе играет прекрасная группа. Спросите меня, если мы не увидимся раньше. Мое имя Лерой.

— Благодарю, Лерой.

— Увидимся вечером, красотка.— Он подмигнул и отошел.

Ана нашла платок и стерла краску с пальцев. Эти американцы еще хуже, чем сэр Там,— не только американцы, поправила она себя, вспомнив блудливые руки вьетнамского полковника. Неужели так будет все время? А может, будет еще хуже, когда все они окажутся в маленьком лагере в составе небольшой колонии на Кунгсоне.

Но тогда Ахмед будет где-то поблизости. В другом лагере, да. Но она сможет найти способ увидеться с ним. Одна эта мысль делала ее пребывание в чужой ненавистной стране вполне переносимой.

На следующий день жизнь показалась ей более привлекательной. Она не смогла бы принять приглашение Лероя на танцы, даже если бы захотела. Просто не было времени.

Выдача одежды:

— Вы должны носить только эту одежду все время, кроме тех случаев, когда получите указание инструктора.

Указание по квартире:

— Вы должны поддерживать чистоту в квартире все время!

Короткое описание дня:

— Завтрак в 6.00. С 7.00 до 11.00 вы будете заниматься по индивидуальному плану, чтобы адаптировать ваши знания к условиям на Клонге. С 12.00 до 16.30 курс выживания в условиях Клонга. С 18.00 до 22.00 ваше личное время, за исключением тех случаев, когда вам придется проходить дополнительные курсы по выживанию. Выходные? Кто здесь спрашивает о выходных? А, вы! Нет, выходных у вас не будет.

Когда все это кончилось, была уже почти полночь. А когда она втащила свой чемодан в маленькую комнату, предназначенную ей, она увидела, что ее соседом оказался вьетнамский полковник. Даже здесь чин имеет свои привилегии. Но у Аны не было привилегий, и ей пришлось удалиться. После долгих споров в офисе к двум часам ночи она, наконец, получила место в другой комнате, где соседкой была женщина.

Завтрак был на удивление обильным. Яйца, хлеб с джемом и мармеладом, кокосовое масло на каждом столе.

После завтрака вместе с двадцатью другими курсантами выстроилась на улице. Дул холодный сырой ветер. После переклички все разбились на группы и отправились по местам занятий. Ана входила в группу вместе с женщиной-агрономом

из Канады и двумя незнакомыми мужчинами. Они прошли по улицам лагеря, мимо бейсбольного поля, между бараками и неизвестными зданиями, возле которых стояли вооруженные охранники. Вскоре они оказались на открытой площадке площадью в квадратный километр. В центре площади находился шар, привязанный по периметру к вбитым в землю кольям. Шар был диаметром пятьдесят метров. Площадка была окружена забором, и возле ворот стояли охранники. Прежде чем курсанты прошли в ворота, у них тщательно проверили документы.

В стороне горел огонь в печи, труба которой была соединена с отверстием в днище шара с помощью пластиковой трубы. Ана не могла себе представить, зачем нужен этот шар. Она не могла также понять, зачем здесь нужны вооруженные охранники. Почему они вооружены? Какой враг может угрожать тренировочной базе научной экспедиции, которая является, по сути, сборной командой всего мира?

Когда она прошла через ворота, она очутилась в длинном открытом загоне, закрытом сверху белым пластиковым куполом. Атмосфера была сырой и тяжелой, густо настоянной на неизвестных запахах. Свет был тускло-красный. Сначала

Ана ничего не видела, а затем начала различать людей, которые ходили вдоль небольших прозрачных пластиковых куполов. Свет исходил от небольшого количества ламп с тлеющим разрядом.

Человек, который привел их, обратился к Ане:

— Вы себя нормально чувствуете?

— Кажется, нормально.

— Некоторым очень противен запах.

Ана принюхалась: перец, чеснок, гнилостный запах джунглей.

— Нет, терпимо.

Женщина из Канады сказала:

— Здесь звук очень странный.

— Это положительное давление внутри сферы. Ваши уши немного заложило.

— Я слышала о странных заболеваниях.

— Здесь их нет. Но, разумеется,— продолжал проводник, — вы можете погибнуть и здесь. Но не от болезни, а от аллергии. Вам всем сделают необходимые прививки. Димитрова, вы лингвист? Вы пойдете со мной, остальные пока подождут здесь.

Он повел ее вдоль ряда куполов. Глаза Аны уже привыкли к свету, и она видела, что под каждым куполом образцы флоры и фауны с Клонга. Это

были в основном растения, и некоторые из них достигали громадных размеров. Ана подумала, сколько же энергии пришлось затратить, чтобы перенести эти гиганты на сотни световых лет.

Они направлялись в ту часть, откуда доносились разнообразные непривычные звуки. Проводник сказал:

— Добро пожаловать в наш зоосад.

И тогда она увидела шариста.

Она узнала его сразу: такого странного существа не могло быть больше нигде во вселенной! Но шарист был... ранен. Он сидел в клетке. Его шар пульсировал, но был опавший и почти лежал на полу клетки. Она увидела пластиковую трубку, которая тянулась от насоса к шару. Женщина с магнитофоном склонилась над насосом, подкручивая клапан подачи воздуха. Она слушала жалобные песни шариста.

Неудивительно, что голос был таким слабым. Женщина подавала воздуха ровно столько, чтобы шарист мог петь, но взлететь он не имел возможности. Женщина подняла голову и сказала:

— Вы Димитрова? Я Джулия Арден. А это,— она показала на клетку,— Ширли. Сейчас она поет о своем детстве.

Ана всплеснула руками, глядя на жалкое смор-

щенное маленькое существо. Неужели эти песни — язык? Она не могла представить, как возможно понимать его.

— Я буду стараться, мисс Арден, но неужели вы думаете, что вы сможете обучить меня этому языку?

— Я? Нет. Я буду помогать, но учить вас будут компьютеры. Однако по настоящему может обучить вас только Ширли сама. Она любит петь для нас. Бедняжка. Ведь это единственное ее время-препровождение.

Нан долго смотрела на Ширли, а затем воскликнула:

— Какой стыд! Неужели вы не видите, что ей больно!

Женщина пожала плечами:

— А что я могу сделать? — тон ее был скорее агрессивным, чем защитительным.— Я не думаю, что Ширли с удовольствием выполняет свои обязанности. Но этого нельзя сказать и обо мне. Ваша задача изучить язык, Димитрова, и думайте только об этом.

— Но ей же больно...

Джулия Арден рассмеялась и покачала головой.

— Милая, вы здесь только со вчерашнего ве-

чера. Подождите пару дней. Тогда мы снова поговорим о боли.

С 7.00 до 11.00 Ана Димитрова так напрягала свои мозги, что под конец ей показалось, что сейчас она умрет. Но с 12.00 до 16.30 она также истязала свое тело, как бы уравновешивая нагрузку на мозг. Джулия Арден была права. Через сорок восемь часов Ана стала экспертом по боли. Каждое утро она просыпалась с дикой головной болью. Каждый вечер она ложилась в постель, и все тело ее болело так, что она с трудом удерживалась, чтобы не принять таблетки, которые ей давали. Она не могла принимать таблетки, так как ее мозг должен быть бодрствующим даже во сне. Она продолжала учиться и ночью, когда под подушкой работал магнитофон с песнями шариста.

Головные боли — но к этому она была привычна. Гораздо хуже был эффект прививок. Кожа ее покрылась пятнами, струпьями, прыщами, некоторые из которых гноились. Но это еще не все. Она чихала и кашляла. Глаза ее слезились, из носа постоянно текло. И она не была исключением. У всех из ее группы была такая же реакция на противоаллергические прививки. Если такова профилактика, то какой же должна быть сама

болезнь? Когда же им показали снимок несчастного Пипа, умершего от аллергии прежде, чем были разработаны защитные меры, Ана поняла разницу между профилактикой и реальностью. Это глубоко поразило ее. Это было ужасно. И как Ахмед справляется с этим? Он ничего не писал в своих письмах, должно быть он очень отважный.

Каждый полдень, невзирая на состояние, их гнали на поле для физических занятий. Прыжки и бег, полоса препятствий, карабканье по вереске. Руки у нее сначала покрылись волдырями, затем превратились в сплошные раны, которые затянулись заскорузлой коркой и загрубели. Колени постоянно кровоточили. Все тело, где не было прыщей, было усеяно синяками и ссадинами.

Она держалась только потому, что понимала — это необходимо! Клонг не место для пикника. Это планета неизвестных и, может быть, смертельных опасностей. Курс обучения жесток и беспощаден, но он поможет ей встретить опасности и преодолеть их. Пусть она попала сюда не добровольно, но она не хотела отказываться от экспедиции.

И, наконец, самый главный аргумент. Это же путь к Ахмеду. Поэтому она старалась изо всех сил

и втайне гордилась, что многое у нее получится лучше, чем у других. Вьетнамский полковник однажды упал с большой высоты, когда взбирался по канату, и был отправлен в госпиталь. Он вернулся на следующий день, прихрамывающий, но такой же игривый. Женщина лет сорока упала на землю при подъеме на холм. Она была тоже отправлена, но уже не вернулась.

Здесь быстро завязывались дружеские отношения. Она уже называла полковника "Гай", хотя его звали Нгуен, и уважала его за острый ум и чувство юмора. Она научилась не оставаться наедине с ним или с сержантом Свеггертом — да и с любым мужчиной. У всех у них откуда-то появлялись резервы сил в присутствии привлекательной женщины. Да и не только привлекательной. Ее соседка по комнате Елена Кристианидис не была привлекательной, но не однажды Нан, возвращаясь вечером домой, находила дверь запертой, и из комнаты доносилось прерывистое дыхание, слабые стоны, хихиканье. Когда Елена извинялась перед нею, Нан сказала:

— Ол райт, Крис. Не говори об этом.

Но это было для нее не ол райт. Она нуждалась во сне! Неужели им не нужен сон?

Когда дни перешли в недели, постоянная уста-

лость стала меньше, ссадины зажили, реакция на антиаллергены уменьшилась. Головные боли не прекратились, но Нан привыкла к ним и даже принимала участие в дружеской болтовне в холле. Какие здесь рассказывались истории! Одни говорили о том, что они предназначены для полета на Кунгсон и для создания там новой человеческой расы. Другие говорили, что экспедиция направится вовсе не на Кунгсон, а на другую планету, название которой держится в тайне. Были версии и о том, что собранные здесь будут направлены вовсе не в космос, а на захват шотландских нефтяных вышек или для создания колонии в Антарктиде, где они расплавят льды и создадут новую Страну Блока Продовольствия. Сначала эти истории пугали Ану, затем забавляли, а потом наскучили. Она стала сочинять сама и увидела, что ее рассказы принимаются с таким же интересом, как и рассказы остальных. Однако кое-что из рассказанного казалось правдоподобным. Даже самые страшные новости. Например, необъяснимый инцидент в космосе, который уничтожил корабли Пипов с подкреплением и даже сам тахионный спутник. Нан даже опоздала на обед, чтобы успеть прослушать вечерние новости. Да, все было подтверждено официаль-

но. Какой ужас! Что теперь будет с Ахмедом? Но затем было объявлено, что Народной Республике предложили помощь экспедиции Блоков Горючего и Продовольствия. Ана, полная радости, поспешила в столовую и там предложила всем составить послание с выражением симпатии и добрых пожеланий их коллегам из Блока Народов. Все лица повернулись к ней, люди начали перешептываться, но в конце концов ее предложение было принято, письмо составлено, и все подписались под ним. На следующий день ей даже простили опоздание на занятия, так как она относила документ в офис. Комендант в офисе выслушал ее, трижды перечитал письмо, а затем пообещал отправить его по назначению.

Вечером она рассказала о своем визите, но ее рассказ потонул в потоке других слухов. Во-первых, кто-то сообщил о прибытии новой большой партии курсантов. Во-вторых, было сказано, что уже намечена дата их отлета на Кунгсон. И в-третьих, кто-то сказал, что весь проект аннулируется.

Черт знает что! Нан со злостью швырнула вилку в тарелку.

— Как можно верить во всю эту чепуху? Неужели все это может быть правдой одновременно?

Но большинство не обратило внимания на ее вспышку, а на своем бедре Нан ощутила чью-то поглаживающую руку.

Это был полковник, который всегда старался держаться поближе к Нан, чтобы, как он говорил, не упустить свой шанс.

— Прекрасная Ана,— сказал он.— Не будьте дурочкой. Я кое-что знаю и могу сказать, что все это правда.

Истинность одного из слухов подтвердилась на следующее утро. На базу прибыло пятьдесят пять новых курсантов, и одного человека среди них Ана знала. Это была блондинка, дочь Годфри Меннингера.

Разумеется, все сразу пошло кувырком. Распределение по комнатам изменилось, чтобы дать место вновь прибывшим. Но и не только поэтому, как сообразила Ана. Часть старых и большинство новых курсантов поселилось в бараке, который находился в километре от старой резиденции. Соседка Аны тоже переехала, и Ана боялась, что снова окажется вместе с полковником Гаем... Но этого не произошло. Он переехал в другой барак, и соседкой Нан оказалась женщина-агроном из Канады, специалист по выращиванию злаков в необычных условиях. Мэгги Меннингер заметила

Нан в толпе и помахала ей рукой. Но у них не было случая поговорить. К тому же Ана и так на целый час опоздала на встречу с Ширли.

Ширли больше не была просто предметом изучения для Аны. В мозг Нан проникли песни шариста. Сначала она понимала только простые фразы, потом стала воспринимать абстрактные понятия, а затем уже полностью вжилась в образ чуждого ей существа. Ана никогда не считала себя певицей, но Ширли не была слишком критически настроена. Они часами пели друг другу, и песни Ширли становились все печальнее, все чаще отчаяние звучало в них. Иногда они даже становились бессвязными. Она рассказала Ане, что является последней из тех десяти, что прибыли с нею с Клонга сюда, на эту чужую для них Землю. Она понимала, что никогда ей уже не придется петь в стае. И она была трижды права. Ей уже не было суждено вернуться на родную планету.

Через два дня ее не стало. Ана пришла в зоосад и увидела, что клетка пуста, а Джулия Арден дезинфицирует ее.

— Не расстраивайся,— сказала она.— Ты узнала все, что должна была узнать.

— Я плачу не из-за того, что не успела научить-

ся всему. Я потеряла нечто дорогое мне.

— Боже. Иди вон отсюда, Димитрова. Как только они взяли тебя в проект? Плакать над безмозглым существом: это черт знает что! К тому же ты пишешь любовные письма Пипу — ты действительно не в себе.

Ана пришла к себе в барак, бросилась на постель и позволила себе разрыдаться, чего не делала уже много месяцев. Она плакала, грустя по Ахмеду, по Ширли, плакала, так как ей было жалко себя, весь мир. Неужели люди могут быть такими ужасными, жестокими?

В этот день физические упражнения стали для нее настоящей мукой. Они перешли в совершенно новую стадию. И они, и вновь прибывшие начали заниматься не укреплением мускулов, а освоением новой, незнакомой, по крайней мере для Аны, аппаратура Она обратила внимание, что некоторые из курсантов уже знакомы с этой аппаратурой. И что это за аппаратура! Брандспойты, огнеметы, лазерные пушки, гранатометы... Для чего все это? Ана делала все, что ей приказывали. И тем не менее, она попала под сильную струю воды, которая сбила ее с ног. Сержант Свеггерт поднял ее.

— Зря утруждаете себя,— рявкнула Ана.— Со

мной все в порядке.

— Конечно,— примирительно сказал сержант.— Для того, чтобы обращаться с этой штукой, мускулы не нужны. Нужно только немного мозгов.

— Я не согласна. Он покачал головой.

— Почему ты так упряма, Ана?

— Я не хочу учиться обращению с оружием.

— Каким оружием? — он воззарился на нее.— Это оружие не предназначено для убийства разумных существ, как уверяет полковник Меннингер. Это против законов человечества. Но мы собираемся на чужую планету, обитатели которой летают в воздухе, передвигаются по земле и даже под землей. Так что если вам вздумается сесть на землю, вы рискуете тем, что подземный житель отгрызет половину вашей очаровательной попки. Вот чтобы этого не произошло, мы и учимся пользоваться этой аппаратурой.

— Во всяком случае,— сказала Ана,— мне не нужна ваша помощь. И я не верю ни вам, ни полковнику Меннингер.

Свеггерт посмотрел на нее и поджал губы.

— Хэлло, вот и полковник. А мы как раз говорили о вас.

— Это я заметила,— раздался голос Меннингер.

Она повернулась и увидела ее. Выглядела Мэгги, как без сожаления отметила Ана, очень плохо. Противоаллергены хорошо сделали свое дело.

— Хватит, сержант,— сказала Мэгги.— Димитрова, зайдите ко мне после занятий.

Она отвернулась и повысила голос:

— Хорошо, ребята! — крикнула она—Ниже задницы, покажите, как вы умеете ползать.

Ана с возмущением бросилась в грязь и поползла по-пластунски. Это же тактика пехоты! Зачем это нужно в научной экспедиции? Она сдерживала свой гнев весь день, пока не кончились занятия, до того момента, как она постучала в дверь полковника Меннингер.

— Заходи,— Мэгги сидела за столом в халате. Наполовину съеденный обед на подносе был отодвинут в сторону.— Садись, Ана,—сказала она.— Закуришь? Или хочешь выпить?

Ана притушила свой гнев.

— Нет, благодарю,— отказалась она. Мэгги встала, налила себе виски. Она предпочла бы марихуану, но не хотела курить при этой болгарке. Мэгги сделала глоток и сказала:

— Личный вопрос. Что ты имеешь против сержанта Свеггерта?

— Ничего. Просто не хочу ложиться с ним в

постель.

— Димитрова, ты разве монахиня? Тебя никто не заставляет спать с ним. Почему ты не хочешь позволить ему помочь тебе, просто подать руку.

— Полковник Меннингер,— четко сказала Ана,— вы предлагаете мне поощрять сексуальные заигрывания, чтобы мне было легче преодолеть полосу препятствий?

— Я не предлагаю тебе это, Димитрова. Что с тобой? Свеггерт так ведет себя со всеми. Такова его натура. Он пристает даже ко мне. Я могла бы заслать этого сукиного сына в те места, куда он запускает руки во время занятий. Но не делаю этого, потому что он хороший специалист. Потому что он хороший человек. Он всегда может помочь вам, если вы позволите это. Вы всегда можете пообещать переспать с ним. Никто не заставит вас сдержать это обещание, хотя я порекомендовала бы его как партнера. Он всегда хорош в постели.

— Но это аморально, полковник Меннингер.

Мэгги допила бокал и налила еще.

— Ты несчастлива здесь, Ана?

— Это точно, мисс Меннингер. Я не просилась сюда.

— А я просилась.

— Возможно, но я...

— Я просила не только за себя, но и за тебя. Я знала только твое имя и было чрезвычайно трудно найти тебя в Болгарии Тебя считают крупным специалистом в переводе.— Она допила виски и отодвинула бокал в сторону.— Слушай, Ана, ты мне нужна. Этот проект очень важен для меня. Он будет важен и для тебя, если ты проникнешься патриотизмом.

— Патриотизмом?

— Пусть не патриотизмом, а преданностью,— терпеливо сказала Мэгги.— Преданностью нашему Блоку. Я знаю, что мы все из разных стран, но цель у нас одна.

Ана была больше озадачена, чем рассержена этой странной американкой. Она попыталась привести в порядок свои чувства, чтобы высказать их.

— Болгария мой дом. Я люблю свой дом. Блок Продовольствия— это абстрактное понятие, мисс Меннингер. Я понимаю, что в мире существует две сотни наций, которые могут объединиться в союзы и которые могут иметь врагов. Но я не могу сказать, что ощущаю преданность к какому-либо союзу. По крайней мере, по отношению к Блоку Продовольствия.

— Значит, и ко всему человечеству,— сказала Мэгги.— Разве ты не видишь это? Ты только что сказала сама: мир двухсот наций. Но Клонг может принадлежать одной нации. Никакой борьбы. Никаких шпионов. Никаких дел типа плаща и кинжала. Кто колонизировал Америку?

— Что? — Ана с трудом поняла, что ей задан вопрос. — Англичане. А до этого датчане.

— А перед ними были испанцы и итальянцы, а может быть, и те, кого ты так любишь: полинезийцы, китайцы, викинги. Кто знает? Но сейчас в Америке живут только американцы. А кто будет жить на Клонге через пару поколений? Клонганцы. Или как там они назовут себя. Просто раса людей. Все равно, откуда они придут. Все они будут равны, все они будут иметь равные возможности. Ты и я можем сделать это реальностью, Ана. Мы можем научить, как жить на Клонге. Мы можем построить мир без национальных барьеров, без вражды и без соревнований, которые разрушают этот мир. Ты понимаешь, что значит получить новый мир, чтобы начать все с нуля?

Ана молчала.

— Я... я сама думала об этом,— призналась она.

— Разумеется, думала. А я хочу, чтобы это произошло. Я хочу заложить основы общества,

которое понимает необходимость переговоров, планирования, сотрудничества. Ты знаешь, сколько мы вложили в это мероприятие? Четыре корабля. Почти девяносто человек. Тридцать пять тонн оборудования. Это очень много, поверь мне. Это поразит всех, в том числе и Пипов. Гризи, конечно, поднимут цены. Нам нужны все наши ресурсы. Завтра соберется одна палата Конгресса...

— Ходят слухи,— осторожно сказала Ана,— что проект может быть закрыт.

Тень набежала на лицо Мэгги.

— Нет,— сказала она.— Это не случится, потому что этот проект слишком важен. Именно поэтому я и просила за тебя, Ана. Если мы пошлем девяносто человек, то это должны быть лучшие из лучших. А ты лучший переводчик, которого я знаю.— Она тронула руку Аны.— Ты понимаешь?

Ана отодвинулась, но не очень резко, чтобы это не показалось оскорблением:

— Д-да,— неохотно сказала она.— Но с другой стороны, нет. Все это хорошо, мисс Меннингер, но причем тут огнеметы и другое оружие? Значит, мы хотим построить монолитный мир, уничтожив кого-то?

— Нет, Ана! — воскликнула Мэгги, вложив в эти слова всю силу убеждения.— Даю тебе слово, что нет!

Наступило молчание.

— Ясно,— сказала Ана.— Вы даете мне слово.

— А что еще я могу сделать?

Ана задумчиво сказала:

— Мы здесь совсем не общаемся с внешним миром. Мне бы хотелось обсудить этот вопрос с другими людьми. Лучше всего с делегацией моей страны в ООН.

— А почему нет? — воскликнула Мэгги. Она задумалась, затем кивнула.— Вот что я скажу тебе. Когда закончатся тренировки, у нас будет три дня отпуска. Я сама собираюсь в Нью-Йорк. Едем со мной. Мы побродим по ресторанам, заглянем на какую-нибудь Жмеринку. А ты можешь переговорить с кем хочешь. Идет?

Ана колебалась. Наконец, довольно неохотно, она сказала:

— Олл райт, мисс Меннингер. Все звучит довольно привлекательно.— Разумеется, в этом плане многое для Аны не было привлекательным, но она не собиралась обсуждать это с Меннингер.

— Отлично, милая. Теперь, если ты не возража-

ешь, я оставлю тебя. Мне нужно принять ванну.

Мэгги заперла дверь за болгаркой и с удовольствием забралась в ванну. Эта идиотка и не знает, что покинув Камп Детрик, она сможет попасть только прямо на взлетное поле. А шанс поговорить с кем-либо у нее появится только на Клонге. А там пусть болтает, что хочет. Но Ана Димитрова — это всего лишь одна из проблем, причем самая простая. Ходят слухи, что полет будет отменен! Черт возьми. Если Димитрова слышала это, то слышали все. И, вероятно, эти слухи близки к истине.

Мэгги позволила себе пять минут в ванне для расслабления. Затем она вышла из ванной и накинула на себя полотенце, но не из скромности, а для того, чтобы не видеть свое тело, покрытое отвратительными прыщами. Она не хотела быть такой. И очень не хотела, чтобы ее в таком виде видел сенатор.

Набирая номер сенатора, Мэгги посмотрела на себя в зеркало - какая гадость! Поэтому она не включила видеоканал.

— Хэлло, милый,— сказала она, услышав ответ сенатора.— Прости, что нет изображения, но в этом медвежьем углу нет аппаратуры, и к тому же... — она хихикнула,— я только что из ванны

и голая.

— Хэлло, Мэгги,— тон сенатора был нейтральным. Он как бы говорил: да, между ними достаточно близкие отношения, но только не нужно пользоваться этим и давить на меня.— Полагаю, ты звонишь относительно нового полета?

— Только полагаешь, Андриан? Три недели назад ты голосовал за него.

— Я сам знаю, за что голосую, Мэгги.

— Разумеется, Андриан. Послушай, я позвонила не для того, чтобы ссориться.

— Нет, конечно. Ты позвонила, чтобы попытаться сохранить меня в упряжке. Я был уверен, что ты позвонишь. Ты хочешь сказать мне, что в предприятие вложены огромные средства и нельзя отказаться от проекта и выбросить деньги в трубу.

— Что-то подобное, сенатор,— неохотно ответила Мэгги.

— Я уверен в этом. Ты знаешь, что все это было уже сказано и раньше. Каждый раз, когда вам нужны деньги, вы просите немного, чтобы провести исследования. Затем вы требуете больше, так как получены хорошие результаты и исследования нужно продолжить. А затем требуете еще больше, так как в работу уже вложено много

денег и глупо бросать ее на полпути. А в результате мы получаем такие никому не нужные вещи, как новые ракеты, оборонительные противоракетные системы, ядерные бомбардировщики. И совсем не потому, что этого хочет правительство, а потому, что нет возможности остановиться, если начал работу. Может, пришло время остановить эту затею с Клонгом, Мэгги? Через три дня состоится заседание комитета. Я не знаю, за что я буду голосовать, так как еще не имею всей информации. Но сейчас я не могу обещать ничего.

Мэгги удалось не выразить в голосе разочарование, но с гневом справиться она не смогла.

— Адриан, этот проект слишком много значит для меня.

— Ты думаешь, я не знаю? Слушай, Мэгги, это линия открытая, но тебе должно быть интересно знать кое-что. У меня находится завтрашняя утренняя газета Геральд, и в ней сообщение из Пекина: "Авторитетные источники сообщают, что исследование остатков тактрановых спутников доказывает, что взрыв, уничтоживший сателлит и два транспортных корабля, имеет подозрительное происхождение".

— Я слышала об этом, Адриан. Но пишут и о том, что диссиденты Народной Республики, на-

верняка, замешаны в это дело.

Сенатор молчал. Мэгги многое бы дала, чтобы увидеть сейчас выражение лица сенатора, пусть даже при этом он увидел бы и ее обезображенное лицо. Она даже протянула руку к выключателю видеоканала. Но сенатор заговорил:

— Думаю, что это все, что ты можешь мне сказать, Мэгги. Я согласен с тобой в одном. Вы втянули нас слишком глубоко.— И он отключил связь.

Мэгги десять минут сидела в задумчивости, затем схватила трубку и набрала номер дежурного офицера:

— Говорит полковник Меннингер. Сообщите руководителю тренировок, что меня завтра не будет, и подготовьте транспорт к восьми часам. Мне нужно в Нью-Йорк.

— Есть, мадам,—сказал офицер. Он не удивился. Ни один офицер проекта не мог покидать базы, таков был приказ. Но он также знал, кто подписал приказ.

Мэгги сидела в комнате свидания Совета Безопасности и ждала вызова. Мэгги не обращала внимания на разговоры членов делагации Перу, которые сидели тут же. Ее мысли были далеко на Клонге, за много световых лет отсюда. Вскоре мо-

лодая негритянка вышла, чтобы пригласить ее.

Женщина провела ее в скромную комнату, на двери которой была надпись: "Только для высшего персонала".

— Хэлло, папа,— сказала Мэгги, как только закрылась дверь за негритянкой, и подставила щеку для поцелуя.

Отец не стал ее целовать.

— Ты выглядишь ужасно,— сказал он без всякого сочувствия.— Какого черта тебя понесло туда?

Мэгги была захвачена врасплох. Это был не тот вопрос, которого она ожидала и который была готова обсуждать. Но она ответила сразу.

— Я обучаю колонистов тактике выживания.

— Посмотри на это! —сказал отец, протягивая ей пачку снимков — Образцы из личной коллекции Наследника Мао. Стоили мне кучу денег.

Мэгги взяла один снимок. Это была голограмма. Мэгги чуть-чуть повернула ее, чтобы получить трехмерное изображение.

— Здесь я выгляжу слишком толстой,— критически заметила она. А это взято у курьера в Оттаве. Полагаю, ты узнаешь их. Вот один из твоих парней кидает гранату. А это струя из огнемета. А вот одна из девушек, не могу сказать кто. Она поражает кого-то, очень похожего на

кринпита. Кажется, у нее меч.

— О, папа, это вовсе не меч. Это просто нож. К тому же это только имитация кринпита. Чучело.

— Черт побери, Мэгги. Это же подготовка к войне.

— Это борьба за выживание,— поправила она.— А как ты считаешь? Наши ребята и девушки встретятся на Клонге с опасностями: все эти кринпиты, шаристы, подземные черви... Не забывай и о Гризи, и о Пипах. Я не проповедую убийство, папа. Я просто учу их, как защитить себя, чтобы остаться живым.— Лицо ее затуманилось.— И все же мне хотелось бы знать, как получены эти снимки.

— Ты узнаешь,—угрюмо сказал он.— Но дело не в том. Это просто копии. Оригиналы у Пипов, да и Там Гулсмит имеет их. А на следующей неделе Гризи и Пипы на Клонге узнают, что межнациональная дружба кончилась. Ты слышала дебаты в Совете?

— Что? Да, немного.

— Послушай. Перу расширило свои морские границы на тысячу километров.

Мэгги поморщилась:

— А при чем тут события на Клонге?

— Перу не стало бы ничего предпринимать без

солидной поддержки. Номинально они входят в Блок Продовольствия, но если пропадет рыба... Поэтому они стараются поддерживать дружеские отношения с другими блоками.

— С какими?

Отец пальцами оттянул уголки глаз, сделав себя похожим на китайца. Хотя в этой комнате вряд ли были устройства подслушивания, не стоило рисковать, упоминая без особой необходимости имя Наследника Мао.

Мэгги долго сидела молча, пока в ее мозгу работало сортировочное устройство, раскладывающее шкалу приоритетов. Наконец, она нашла главное:

— Папа, Перу может хоть выпить свое море, и я не потеряю сон из-за того, что у нас есть шпион. Я переживу и небольшой скандал с военной подготовкой. Все это будет длиться только две-три недели, пока мы здесь. Именно поэтому я решила увидеться с тобой. Адриан Ленц колеблется. Мне нужна помощь, папа, не позволяй ему закрыть проект.

Отец откинулся на спинку кресла. Мэгги не привыкла видеть отца таким, усталым и измученным. Сейчас он выглядел совсем стариком.

— Милая,— тяжело сказал он.— Разве ты не

понимаешь, в каком мы сейчас тяжелом положении?

— Я понимаю, но...

— Нет. Слушай. Я думаю, что не понимаешь. Сегодня сел на мель танкер с шестьюстами тысячами тонн горючего, которое предполагалось доставить на Лонг-Бич. В обычное время это имело бы особого значения. В Южной Калифорнии большие резервы. Но сейчас они все передали на наш проект. Так что, если этот танкер не будет в течение сорока восьми часов снят с мели, Лос-Анжелес останется без горючего. Ты представляешь, какова будет реакция народа?

— Ну и что, если кое-кто и пошумит...

Он поднял руку.

— А сегодняшнее сообщение в газетах? Пипы утверждают, что их спутник был намеренно уничтожен.

— Нет! Это случайность! Бомба должна была уничтожить корабль снабжения.

— Случайность в подготовке — тоже преступление, Мэгги.

— Но они же не смогут это доказать. Им на меня не выйти... если не...

Она взглянула на отца. Тот покачал головой.

— Итальянец уже ничего не сможет сказать.

Его убрали.

Значит, бедный Гвидо уже не сможет истратить свои сто тысяч нефтедолларов.

— Он хорошо поработал,— сказала она.— Взгляни на микрофильмы. Ты получишь доказательство, что Гризи построили свою базу именно там, где сейсмическое сканирование позволяет предполагать большие запасы нефти. Это же нарушение международного договора.

— Не будь ребенком, Мэгги. Что можно сделать с таким доказательством? Сэр Там и Пипы не могут доказать, что ты передала Джелизи бомбу, но они и не нуждаются в этом. Им достаточно просто знать. И они знают. Выступление Перу доказывает это. Не говоря еще о мелких неприятностях, о которых ты еще не слышала. Вроде взрыва американского посольства в Буэнос-Айресе. Это небольшой подарок от сэра Тама и Наследника Мао, насколько я могу судить. Ты можешь предположить, что последует дальше.

Мэгги вдруг осознала, что с ожесточением расчесывает свои струпья и поспешно опустила руку.

— Дерьмо,— угрюмо сказала она и задумалась. Вообще-то говоря, подумала она, основные правила не изменись. Соотношение национальной

мощи осталось тем же. Ни одна нация не смогла бы одержать решительную победу во всем Мире. И Блок Продовольствия, и Блок Горючего, и Блок Народов — каждый из них обладал достаточной ударной мощью, что-бы сокрушить врага — и каждый знал об этом. Более того, даже небольшие страны могли нанести врагу сокрушительный удар. Конечно, весь мир уничтожить они были не в состоянии, нет. Однако Перу обладала достаточно мощным оружием, чтобы настаивать на своем решении. В мире постоянно происходили пограничные инциденты, гибли люди, но никто не хотел доводить дело крайности, так как все знали, чем это может кончиться.

— Папа, сказала Мэгги,— ты же знаешь, что никто не предпримет чего-либо серьезного. Баланс сил не позволит.

— Чепуха! Баланс сил нарушится сразу, как только кто-нибудь совершит ошибку. Пипы ошиблись, когда открыли огонь по шаристам на Клонге. Я сделал ошибку, когда позволил тебе отвезти бомбу в Белград. Настало время исправлять ошибки, милая.

Впервые Мэгги Меннингер ощутила реальный страх.

— Папа, значит ты не собираешься мне помочь

уговорить Ленца?

— Я сказал бы даже больше. Я согласен с ним. Завтра у меня встреча с Президентом, и я буду советовать ему закрыть проект.

— Папа!

Он колебался.

— Милая, может быть потом, позже. Когда все успокоится.

— Тогда будет поздно! Пипы пошлют подкрепление, как только запустят новый спутник. А Гризи? И...

— Все уже решено, Мэгги.

Она изумленно смотрела на него. Это был тот Год Меннингер, которого знало все его агентство, но которого так редко видела его дочь. Сейчас она видела не своего отца. Это был человек непреклонный и решительный, какой всегда была она, чувствуя за собой мощную поддержку отца.

— Я не могу изменить своему решению,— сказала она. Это был не вопрос, и Годфри Меннингер ничего не ответил ей.

— Ну что же,— сказала она,— не вижу причин оставаться здесь дальше. Гуд бай, папа. Заботься о себе. Увидимся позже.

Она, не глядя на него, встала, взяла свою сумочку и офицерскую фуражку и вышла из комнаты.

Если ее отец был упрям и решителен, то она тоже была и упряма, и решительна, не менее, чем он. Она спустилась вниз и вошла в телефонную будку.

На экране появилась женщина ослепительной красоты. Однако она была не символом секса, а произведением искусства.

— О, Марджори,— сказала она.— А я думала, что ты появлялась здесь по своим шпионским делам. Марджори, что случилось с твоим лицом?

Мэгги потерла свой покрытый прыщами подбородок.

— О, это. Просто реакция на прививки. Могу я увидеться с тобой?

— Конечно, дорогая. Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.— Мэгги положила трубку и вышла из будки. Но перед этим она посмотрела в зеркало, чтобы проверить макияж.

Мать Мэгги Меннингер жила в одном из самых высоких и самых дорогих небоскребов Нью-Йорка. Это было старомодное строение, возведенное в те времена, когда энергия была дешевле, так что можно было не экономить на звуко- и теплоизоляции, создании самых комфортных условий жизни. Теперь, нефть была безумно дорога, жизнь в этом здании была доступна лишь очень

немногим. Алисию Хоуз и ее теперешнего мужа стоимость роскошной квартиры не беспокоила.

Привратник приветствовал Мэгги.

— Рад видеть вас, мисс Меннингер! На этот раз вы будете жить у себя?

— Боюсь, что нет, Харви. Мне нужно поговорить с матерью.

— Да, мисс Мэгги. Она ждет вас.

Алисия Хоуз поднялась для приветственного поцелуя и окинула дочь все видящим проницательным взглядом.

— Тебе неплохо похудеть на пару килограмм, милая.

— Обещаю похудеть, мама. Мне нужна от тебя одна услуга.

— Конечно, милая.

— У папы возникли некоторые трудности, и мне нужно выйти на публику. Я хочу провести пресс-конференцию.

Муж Алисии Хоуз был владельцем большой телесети с выходом на три главных города. Ему принадлежали также дюжина спутников-передатчиков.

— Думаю, что кто-нибудь из людей Харольда поможет тебе,— медленно сказала она.— А в чем проблема?

— Мама, тебе это знать не нужно.

Мать вздохнула. С тех пор, как она вышла замуж за Годи Меннингера, она привыкла жить, не интересуясь ничем. Однако, разведясь с ним, она думала, что обрела свободу. Она никогда не говорила со своим экс-мужем. Не потому, что она не любила его. В глубине сердца она всегда считала его образцом мужчины. Однако она боялась, что случайное слово, сказанное ею кому-либо, если она будет много знать о работе мужа, произведет катастрофу в мире.

— Дорогая,— сказала она.— Я же должна что-нибудь сказать Харольду.

— О, конечно. Но не как проблему. Я хочу рассказать о Джеме. Планете Джем. И собираюсь туда, мама.

— Да, ты говорила мне. Через пару лет, когда все успокоится.

— Я хочу успокоить всех сейчас, мама. Я хочу, чтобы Соединенные Штаты послали туда достаточно сил и сделали эту планету пригодной для жизни. Чтобы любой американец мог посетить ее в любое время. Я хочу сделать это сейчас. Я предполагаю улететь через три недели.

— Мэгги! Неужели, Мэгги?

— Ты же не будешь возражать, если я хочу

этого?

Алисия Хоуз никогда не могла устоять против такого аргумента дочери. Не могла она противостоять ему и сейчас. Мысль о дочери, несущейся сквозь пространство туда, где люди погибают в страшных мучениях, была ужасна. Но Мэгги давно уже доказала свою возможность постоять за себя.

— Ладно. Видимо я уже не могу запереть тебя дома. Ол райт. Ты не сказала мне, что я должна сделать.

— Попроси Харольда выпустить меня в программе новостей, сам знает, как это лучше сделать. Правительство против полета на планету. Оно урезает фонды, жалуется на возникающие проблемы. Я хочу, чтобы все знали, насколько важна для нас эта планета, я хочу рассказать народу все.— Она добавила из соображений стратегии.— Папа сначала поддерживал меня. Но теперь он переменил мнение и хочет, чтобы проект закрыли.

— Значит, ты борешься против собственного отца?

— Точно.

Алисия Хоуз улыбнулась. Это могло повлиять на ее ш перешнего мужа. Она развела руками и

пошла к телефону.

— Я скажу Харольду, что тебе нужно,

Ана Димитрова сидела в большой комнате за круглым столом. На голове ее были наушники. Она сидела с закрытыми глазами, губы ее двигались, а голова покачивалась, стараясь уловить ритм песни шариста, записанной на пленку. Но это было трудно, так как на пленке был голос не только шариста, но и кринпита. Пленка была записана несколько недель назад, когда единственный оставшийся в живых кринпит разговаривал с Ширли, единственным оставшимся в живых шаристом лагеря Детрик.

Имя шариста было не Ширли. Оно звучало примерно так: Моахри Балуй, что означало нежно-золотой носитель облаков. Скрипы и постукивания кринпита с трудом воспроизводили звуки шариста, но Ширли понимала его. Ана тоже хотела понять и прокручивала ленту снова и снова.

— Майа хийи (эти существа не похожи на нас) хуу хайэй (они жестокие животные).

Ответ Ширли: Ньюа малийи на хухаа (они убили мои песни).

Ана сняла наушники и с удовольствием потерла глаза. Сегодня головная боль очень сильна.

И эта ужасная комната! Двадцать наушников и двадцать магнитофонов перед двадцатью одинаковыми стульями с жесткими прямыми спинками. Так ужасно!

Ана слишком устала, поэтому она выключила магнитофон повесила наушники на крюк и встала. Она хотела попрощаться со своими собратьями но проекту, которые пришли сюда вместе с нею, но оказалось, что все ушли. Она осталась одна.

Было уже почти одиннадцать часов! А в шесть часов гонг поднимает ее с постели! Быстро идя по пустынной улице домой Ана вдруг изменила курс. Она решила выпить чего-нибудь с кофеином, чтобы подавить головную боль.

Но когда она опустила доллар в машину и подставила стакан она вдруг поняла, что зря пришла сюда. Такой ужасный, раздирающий уши шум! Дюжина парочек бесновалась под музыку проигрывателя в одном углу. Компания людей восточного типа собралась в другом углу и пела под гитару, совершенно не обращая внимания на музыку проигрывателя. Но хуже всего был шум телевизионной ниши: возбужденные крики, смех. Что там они смотрят? Неужели их так забавляет рекламный ролик?

— О, Нан, крикнула ее соседка по комнате. Ты пропустила все. Она была великолепна.

— Кто? Что я пропустила? Кто великолепна?

— Лейтенант-полковник Меннингер. Это действительно супер. Ты знаешь,— доверительно сказала женщина,— я всегда недолюбливала ее. На сегодня она была прекрасна. Она выступила в шестичасовой передаче новостей. Это было небольшое интервью, просто рассказ о Джеме. Я не знаю, как они вытащили ее на экран, но сделали они это не зря. Она прекрасно говорила, она сказала, что Джем дает надежду всем несчастным в мире. Она сказала, что там все ненависти будут забыты. Она сказала, что там, на чудной планете, каждый ребенок сможет выбрать себе идею и мораль, и у каждого будет пространство, чтобы жить так, как ему хочется, как он решил.

Ана захлебнулась кока-колой.

— Полковник Меннингер сказала это?

— Да, да, Нан, и это было великолепно. Мы все тронуты. Даже люди, подобные Студу Свеггерту и Нгуену. Комментатор спросил ее, правда ли, что на Джем будут посланы войска. И полковник сказала: "Я сама солдат. В каждой стране есть солдаты, как я, и каждый из нас молит бога, чтобы ему пришлось воспользоваться своими знания-

ми и умением. Но на Джеме мы сможем сделать нечто полезное. Сделать для мира, а не для уничтожения. И позвольте нам лететь туда, чтобы сделать это..." Что? — переспросила женщина, так как Нан бормотала что-то по-болгарски.

— Нет, нет, продолжай, пожалуйста,— сказала она.

— Ладно. И только что повторили часть ее выступления. Комментатор сказал, что отклик общественного мнения был потрясающим: телеграммы, звонки. В студию, в Белый дом, в ООН.

Ана забыла свою головную боль.

— Может, я была несправедлива к полковнику Меннингер. Я потрясена.

— Да, и я тоже. Но она заставила нас почувствовать, что мы здесь делаем великое дело. И все говорят об этом!

Да, говорили все. Не только в этом кафе. Звонили сенатору Ленцу и требовали от него поддержки героям Джема. Телефон Года Меннингера зазвонил лишь один раз, и на другом конце провода был сам Президент Соединенных Штатов. Когда Год поверил трубку, лицо его был напряженным, но, расслабившись, он улыбнулся.

— Милая,— сказал он в никуда.— Черт бы побрал твое черное сердце. Ты заставила своего

отца гордиться тобой.

Глава 13

Двадцать километров Чарли и его стая пытались следовать за маленьким бипланом, который летел в небе Джема. Бесполезно. Шаристы взмывали вверх, спускались вниз, отыскивая подходящие воздушные потоки, которые несли бы их к Полюсу Тепла. Они находили потоки, которые, однако, не были достаточно быстрыми. Чарли пропел прощальную печальную песню в микрофон передатчика, и в кабине биплана стало оглушительно шумно. Звуки песни перекрыли даже рокот двигателя.

— Очень много шума,— крикнул Капелюшников в ухо Дэнни Дэйлхауза.— Выключи, пожалуйста.

— Я сначала попрощаюсь,— и Дэнни пропел песню и выключил приемник.

Стая осталась далеко позади. Дэнни наклонил голову, но лагерь Гризи еще не был виден. Они летели почти прямо к Полюсу Тепла. Гризи поступили глупо, расположив лагерь в самой негостеприимной части планеты. Но, может, у них были свои соображения?

Капелюшников наклонился к нему и хлопнул по плечу. 1

— Все в порядке,— прокричал он.— Конечно, такой — полет это совсем не то, что заниматься любовью с ветром на воздушном шаре. Здесь приходится сражаться с ветром. Но у тебя очень опытный пилот за рычагами управления.

— Я не жалуюсь.

У него не было оснований жаловаться. Биплан был настоящим чудом техники на Клонге — на Джеме, как они теперь его называли. По крайней мере, теперь они летят. До лагеря Гризи было трудно добраться другим способом. На Джеме не было автомобилей, потому что не было дорог. Можно было бы проехать на тракторе, но тракторов здесь не было. Даже Гризи не могли себе позволить иметь трактор. Эти тупоголовые Гризи умудрились расположить лагерь в десяти километрах от ближайшего судоходного водного пространства, так что лодки исключались. И вот теперь они летели на встречу, которая должна была наладить дружеские отношения между всеми людьми на Джеме. Дэйлхауз посочувствовал бедным, гордым, упрямым Пипам, которые сейчас проделывали этот путь, двигаясь пешком. И, может быть, шли где-то внизу. Так что сам по

себе полет был их триумфом, хотя Дэнни слегка мутило. Но это была не воздушная болезнь, а пища, которой они питались. В лагерь прибыло двадцать два новых члена, и поэтому приготовление пищи стало проблемой. А эти новенькие привезли с собой свой аппетит, но не догадались захватить хорошего повара. Поэтому еда была отвратительной. Но никто не осмеливался жаловаться, так как тот, кто выражал недовольство, назначался следующим поваром.

Их состав рос. Третий корабль снабжения принес нечто неожиданное. Этот нелепый маленький двукрылый самолет. Выглядел он совершенно неуместно здесь, но тем не менее, он работал, летал! Кроме того, прибыло много аппаратуры и механизмов для того, чтобы Джим мог изучать своих подземных друзей в туннелях, а Дэйлхауз получил радио для связи с Чарли. Новый спутник Аргус будет фотографировать облачность и поможет им предсказывать погоду с большей или меньшей точностью.

Он даже поможет им наладить контакт с разумными существами. Чарли был в восторге от своего арбалета и радио. Джим Моррисей тоже испытал свою новую аппаратуру. С помощью привезенных источников энергии он проделал

три больших отверстия вдоль туннеля, затем устроил ловушку, стены которой облицевал моноокисью кремния, чтобы подземники не могли быстро заделать отверстие. Таким образом ему удалось добыть несколько образцов, но для целей Дэйлхауза они уже не годились, хотя сам Морриссей был доволен.

Еще большие чудеса должны были прибыть на следующих кораблях. Кроме нового оборудования сюда должно было прибыть сто человек. Это же будет настоящий город!

Правда, не было известно, с какой целью прибывает подкрепление. Разумеется, тем, кто сейчас находился в лагере, нужны были разные специалисты. И, во-первых, хороший повар. Зубной врач. Побольше и красивых женщин. Хороший переводчик. Вспомнив о переводчике, Дэйлхауз оглянулся, чтобы посмотреть, как Харриет устроилась на небольшом пространстве площадью в один квадратный метр. Ее безбожно трясло, когда самолетик проваливался в воздушные ямы. Будь на ее месте кто-нибудь другой, Денни посочувствовал бы ему. Но для Харриет у него не нашлось ничего. Глаза Харриет были закрыты. На лице ее было выражение обиды за то, что она оказалась самой маленькой и поэтому именно ей пришлось

упаковаться в эту коробку.

— Приближаемся,— крикнул ему Капелюшников.

Дэнни посмотрел вниз, но сквозь постоянный полумрак Джемианского неба увидел лишь облака.

И вот в просвете сверкнул ослепительно белый ободок Полюса Тепла. И что-то еще. Теперь уже сами облака светились ослепительно ярко. Когда биплан вынырнул из облаков, Дэнни понял причину столь яркого свечения.

— Боже! — воскликнул Каппи.— Неужели им не стыдно?

Источником света был сам лагерь. Он стоял на горизонте, как праздничная иллюминация, прорезая сумрак лучами прожекторов, освещенными окнами... даже уличными фонарями — изумлялся Дэйлхауз. Это был не лагерь экспедиции. Это был настоящий маленький город.

Вертикальный луч прожектора качнулся, приветствуя прибытие биплана. Капелюшников пробормотал что-то неразборчивое в микрофон, прислушался и затем пошел на вираж.

— В чем дело? —спросил Дэйлхауз.

— Ничего. Просто нам не нужно спешить. Пипы еще в пути так что мы можем осмотреть это чудо,

прежде чем приземлимся.

Это было действительно чудо. В лагере Гризи было всего сорок человек, но домов казалось гораздо больше. Домов, а не палаток или пластиковых шатров. Из чего они все это сделали? Некоторые дома напоминали бараки, другие были индивидуальными бунгало. Здесь же была конструкция, напоминающая Эйфелеву башню в миниатюре. Некоторые дома достигали двадцати пяти метров в высоту. И еще какой-то конус с лепестками в дальнем конце лагеря. Что это? Было похоже на то, что он состоит из центрального цилиндра, окруженного тонкими металлическими полосками. Может, солнечный генератор? Если так, то мощность его не меньше мегаватта. А башня с пропеллером, вращающимся в горизонтальной плоскости. Может, это кондиционер?

Харриет приподнялась, перегнулась через плечо Дэнни и ахнула. Она сказала хрипло в самое ухо Дэнни:

— Но это же... это жуткое расточительство!

— О, да, дорогая Гаша,— ответил пилот.— Как было бы чудесно, если бы мы могли себе позволить это!

Сквозь скрипы и постукивания, которые доносились от его эскорта, состоящего из кринпитов,

Ахмед Дулла услышал отдаленный шум.

— Опустите меня. Подождите. Постарайтесь не шуметь,— приказал он на смеси языка урду и языка кринпитов. Эта смесь позволила наладить контакт с существами. Он соскочил с носилок, на которых его несли кринпиты, взобрался на дерево и осмотрелся. В небе под облаками он увидел маленький кургузый самолетик.

— Значит, прибыло еще одно чудо техники,— сказал он.

Кринпит по имени Джорн-фтит смотрел в небо, рассматривая необычный объект. Он махнул массивной клешней:

— Мне непонятен смысл твоих слов.

— Ерунда. Давай двигаться дальше.— Дулла был не в настроении разговаривать с этими гипертрофированными жуками. Однако они были ему нужны.— Тащите носилки в мой мешок. Я пойду сам,— приказал он.— Слишком трудная дорога, чтобы ехать.

Они взбирались из долины на каменистые холмы, и растительности становилось все меньше и меньше. Вместо деревьев появились странные растения типа кактусовых. Дулла с отвращением смотрел на них. Изучать растения, находить новые продукты питания — вот путь, идя по

которому отцы стали независимы от машинной цивилизации внешнего мира. Так перед отлетом советовал Фенг Хуа-цзе. Но Дулла был астрофизиком, а не ботаником, и у него не было намерения следовать дурацким инструкциям.

Сейчас небо не было закрыто ветвями деревьев, и Дулла ясно видел кружащий самолет и огненное зарево Теплого Полюса. Так, Гризи имеют геликоптер, у Жирных появился аэроплан. А на чем явился представитель Народной Республики на эту встречу? На носилках, которые тащат странные существа, напоминающие сплющенных крабов. Дулла закурил. Если бы Фенг прислушался к нему, они бы настояли, чтобы встреча состоялась в их лагере. Тогда они бы избежали такого унизительного прибытия на пластиковых носилках, которые несут странные существа из детских сказок. Какая катастрофа! И все это ошибки Фенга или Наследника Мао. Экспедиция должна была быть технически оснащена. Но этим занялись китайцы, и проект с самого начала был обречен на поражение.

Кринпиты вдруг остановились, и Дулла, споткнувшись о них- чуть не упал.

— В чем дело? — спросил он.— Почему вы встали?

— Быстро приближается громкая вещь, проскрипел Джорн-фтит.

— Я ничего не слышу.— И тут, отвлекшись от своих мыслей, он увидел над холмом клубы пыли. На вершину холма вскарабкалась машина и двинулась навстречу ему. До нее было с полкилометра. Она была похожа на трактор.

— Еще один триумф расточительства,— пробормотал Дулла.— Как они осмеливаются ехать навстречу мне, если я могу дойти сам?

Кринпит вопросительно проскрипел, и Дулла добавил:

— Ладно. Положите носилки, теперь я понесу мешок сам. Спрячьтесь. Я не хочу, чтобы Гризи видели вас.

Но смысл слов не дошел до кринпитов. Кринпиты никогда не прятались друг от друга, так как если они были близко, то слышали друг друга. Дулла попытался объяснить:

— Идите за холм. Гризи там вас не заметят. Я вернусь сюда примерно через такое же время, которое занял у нас подъем от реки.

Он все равно не был уверен, что кринпиты поняли его. Кринпиты имели четкое представление и чувство времени, но не было возможности перевести временные понятия земли на их язык.

Все же они покорно повернулись и двинулись прочь. Дулла пошел навстречу приближающемуся трактору.

Водителем был кувейтец, видимо переводчик, так как он приветствовал Дуллу на языке урду:

— Тебе правится идти пешком? Забирайся ко мне.

— Ты очень любезен,—улыбнулся Дулла. — Действительно, сегодня немного жарко для пеших прогулок.

Но это вовсе не любезность, подумал он про себя, это все их проклятое высокомерие. Ахмед Дулла был уверен, что он единственный человек на Джеме, чей родной язык урду. Поэтому Гризи и послали ему навстречу переводчика, хотя они были уверены, что Дулла говорит и на других языках.

Придет время, пообещал он себе, когда он сполна расплатится с этими грязными свиньями. И он поехал по направлению к лагерю Гризи, дружески болтая с кувейтцем. Он вежливо отметил залитое огнями место обитания Гризи, хотя сердце его разрывалось от ярости.

Официальным хозяином встречи был назван Чесли Понтефакт, лондонец по рождению, но не коренной англичанин. Кожа У него была пурпур-

но-коричневого цвета, а волосы — цвета белой шерсти. Кодированные сообщения с Земли дали Дулле полную Информацию о каждом члене экспедиции Гризи. И о Жирных тоже. Он знал, что Понтефакт был отставным маршалом авиации и номинальным командиром экспедиции. Но он также знал, что Фактически экспедицией руководил один из гражданских лиц из Саудовской Аравии.

Понтефакт прошел вокруг длинного стола для конференции (деревянный! перевезен с Земли!), предлагая выпивку и сигареты.

— Вам бренди? Доктор Дулла?— спросил он.— Или, может кока-колу. Правда у нас нет апельсинового сока, но зато есть лед.

— Мне ничего не нужно,— сказал Дулла.— Полагаю, что лучше начать нашу встречу.

— Конечно, доктор Дулла.— Понтефакт тяжело сел во главе стола и осмотрел всех.— Вы не будете против, если я займу председательское кресло?

Дулла посмотрел, будут ли возражать Жирные, и, увидев, что нет, заговорил на долю секунды раньше, чем они:

— Пожалуйста, маршал Понтефакт,— тепло сказал он.— Мы ваши гости.

Однако в душе он понял, что это еще одно

оскорбление. Разве не нужно гостям оказывать почтение?

Понтефакт сел во главе. Рядом два помощника: переводчик-кувейтец и женщина, наверняка, та самая, которая принимает решения. По одну сторону стола сели трое Жирных: Дэйлхауз, их русский пилот и их переводчик. С третьей стороны стола он оказался один. Разве можно было более ясно показать, насколько он, представитель Блока Народов, одинок и незначителен?

— Доктор Дулла, мы пригласили вас сюда потому, что мы все работаем над одними задачами. Ваша экспедиция переживает трудности, и вы знаете об этом. Экспедиция Блока Продовольствия и наша в немногим лучших условиях. У вас даже нет доктора, да, Дэйлхауз? Если не упоминать о многом другом. Да и у нас энергетические ресурсы очень ограничены. По решению ООН мы все должны сотрудничать и нести равную ответственность. В частности, в области научных исследований. Мы занимаемся геологией, и вы не можете не признать, что мы ведем честную игру

— Да, конечно,— сказал Капелюшников.— Вы по чистой случайности оказались в той зоне, где находятся запасы нефти.

— Верно,— согласился Дулла.— Я полагаю, что

мы все знаем об этом, маршал Понтефакт.

Да, удачно, что Жирные и Гризи стали ссориться между собой.

— Что случилось, то случилось,— надменно сказал маршал,— но здесь очень много работы, и мы не можем делать все. Например, астрономия. Мы запустили на орбиту лабораторию, но — и вы знаете об этом — аппаратура плохо работает. Позвольте мне показать кое-что.

Он встал и повесил на стене экран, затем он включил прибор и на экране появился какой-то график.

— Вы видите наш солнечный генератор. Это кривая выходной мощности генератора. Как вы видите, на кривой имеются выбросы. Вам это может показаться мелким фактом, но наш генератор — точный инструмент. Он не сможет делать свою работу так- как надо, если постоянные величины не будут постоянными.

Дулла смотрел на график с черной завистью. Именно из-за этого он и появился здесь. Ведь он, помимо всего, специалист по звездам! Он едва заметил, что в разговор вступил Дэйлхауз.

— Если излучение Клонга такое непостоянное, то это для нас более важно, чем всплески на кривой вашего генератора.

Понтефакт кивнул:

— Конечно. Мы и сами потрясены этим. Может быть, Кунг - нестабильная звезда?

— Вряд ли,— фыркнул Дулла.— Каждый знает, что всплески возможны всегда.

— Да, но никто не знает, сколько их и какой они мощности. А это мы должны знать точно. И именно это мы хотели бы узнать из результатов астрономических исследований, которые ведет ваша экспедиция, доктор Дулла.

Дулла взорвался.

— Это уж слишком. Как можно голодному человеку заниматься астрофизикой? И кто в этом виноват?

— Конечно, не мы, старики,— негодующе сказал Понтефакт.

— Но кто-то взорвал наши корабли. Кто-то убил тридцать восемь человек, граждан Народной Республики, старина!

— Но это было...— Понтефакт прервал фразу на полуслове. Он сделал видимое усилие, чтобы овладеть собой.— Пусть так,— снова начал он.— Факт то, что работа должна быть сделана, и кто-то должен ее сделать. У вас есть литература, у нас нет. По крайней мере, пока с Земли не прибудет телескоп. У нас есть люди, у вас нет.

— Прошу прощения. Позвольте мне проинформировать вас, что я директор Института планетологии в университете имени Зульфикара Али Бхутто и получил ученую степень по астрофизике в ...

— Никто не оспаривает ваши ученые звания. Мы только можем сомневаться, что в теперешнем положении вы вряд ли способны проводить исследования. Позвольте прислать вам нашего астронома. А еще лучше, переправить вашу аппаратуру сюда. Здесь и условия для наблюдения лучше.

— Нет, никогда! Ни то, ни другое!

— Не думаю, что это честно. Разве мы не сотрудничали в производстве продуктов питания?

— Какого питания? Для нас вы производите риса совсем немного. Так что вы делаете только для себя.

Дэйлхауз примирительно сказал:

— Мы можем увеличить производство риса для вас, если вы так его любите.

— Как великодушно,— фыркнул Дулла.

— Подождите, Дулла. У нас ведь тоже есть к вам претензии, если вы хотите знать. Например, стрельбу по мне.

Дулла сделал гримасу.

— Это была глупость Хуа-цзе. Народная Республика уже выразила свои сожаления.

— Кому? Мертвым шаристам?

— Да,— сказал Дулла с подчеркнутым издевательством,— да, мы передали соболезнования вашим друзьям, газовым мешкам. И вашим, сэр, которые копаются в земле и которых вы считаете очень нужными и полезными.

— Если вы имеете в виду кринпитов,— сказал Понтефакт, едва сдерживая себя,— то мы, по крайней мере, не заставляем их таскать носилки.

— Нет! Но вы заставляете их помогать вам эксплуатировать минеральные ресурсы. Разве не правда, что среди них начались болезни, вызванные радиацией?

— Нет, нет. По крайней мере, не здесь. Мы использовали их для добычи различных образцов на разных территориях. И, может быть, некоторые из них получили дозу облучения. Но я должен сказать, что категорически отрицаю обвинение в том, что мы эксплуатируем их.

— О, я уверен, что вы не занимаетесь эксплуатацией, маршал Понтефакт, ведь ваши собственные предки на своей шкуре испытали всю тяжесть эксплуатации чужеземцев.

— Послушайте, Дулла!

Но Понтефакта прервала женщина из Саудовской Аравии, которая сказала:

— Я думаю, нам нужно прерваться для ленча. У нас много вопросов для обсуждения, и наши ссоры не помогут решению проблем. Давайте попытаемся начать снова после ленча.

Следующая сессия, состоявшаяся в полдень, была более спокойной, но Дэнни Дэйлхаузу не показалась более продуктивной.

— По крайней мере, мы немного разорили их на мясе,— сказал он Капелюшникову.

— Era вкус до сих пор у меня во рту, — прорычал русский. - О, сколько хорошего у них тут. Не только из еды.

С этим спорить было нельзя. Они долго стояли и смотрели, как быстро и легко возводится новый дом. Техника тут применялась крайне широко.

— А вы видели, что находится на склонах того холма? — спросила Харриет. В ее голосе была зависть. Там были террасы, на которых были видны ряды зеленых саженцев. Зеленых! Эти Гризи использовали лампы, дающие спектр солнца, чтобы выращивать земные растения!

— Сейчас у меня такое ощущение, какое было в семнадцать лет,— сказал Капелюшников.— Я тогда приехал в Москву из Нижнего Тагила. Как

тогда меня ошеломила Москва! Трамваи, высотные дома, магазины, рестораны!

Он показал на колонну солнечного генератора с розеткой отражательных лепестков.

— Это потрясающе, друзья. Неудивительно, что они пригласили нас сюда. Им нужно поразить нас, доказать, что диктовать свою волю будут они, так как сила у них.

Они обогнули бараки и вышли к аэродрому. Тут Капелюшников улыбнулся:

— Эй, Бойн! — закричал он.— Иди и попрощайся с родственниками из провинции.

Ирландец после колебаний подошел к ним.

— Хэлло. Только что подвез нашего друга Дуллу, который отправился домой.

Пилот ухмыльнулся:

— Да, должен сказать, что его самолюбие серьезно пострадало. Он не готов, чтобы мы узнали, что он использовал для поездки кринпитов. Вы не знали этого? Они спустились по реке на лодке, а восемь-десять километров кринпиты тащили его на носилках.

Харриет заметила:

— У него было бы получше настроение, если бы ты, Дэйлхауз, не оскорбил его.

— Я? Как?

— Он решил, что ты издеваешься над ним, сказав, что слишком мало Пипов выжило. Лицо его сразу вытянулось.

Дэйлхауз запротестовал:

— Я и не имел это в виду. Просто у него такой характер — все принимать в штыки.

— Ладно, забудь,— посоветовал Капелюшников.— У него дружки — эти крабы, пусть они и заботятся о его настроении.

— Этого я не понимаю, Каппи. Кринпиты едва не убили его.

— Да, как получилось, что эти крипы таскают на себе по джунглям пакистанского сахиба?

— Я не могу это объяснить,— угрюмо сказал Бойн.— Хотя не могу сказать, что это мне нравится. Помните первого кринпита, которого мы принесли сюда? Его звали Шарн-игон. Он ненавидит всех людей. Его подруга погибла при первом контакте с Пипами, и он теперь хочет мстить. Он взбунтовал всех кринпитов поблизости, и мы не можем наладить с ними контакт. Я предполагаю, что он считает, что Пипы достаточно наказаны, и он хочет помочь им наказать нас. Так что будущее мне представляется в весьма мрачном свете.

Он шел с ними к взлетной полосе, но избегал встречаться взглядом с ними. И то, что он говорил,

скорее походило на монолог, чем на разговор.

Капелюшников примирительно сказал:

— Эй, Бойн, ты на что-то в обиде?

— Я? Почему? — Но Бойн не посмотрел на русского.

Капелюшников посмотрел на своих товарищей, затем снова обратился к Бойну.

— Ты знаешь, что мы оба члены великого братства пилотов, почему мы должны ссориться друг с другом?

— Да я не о тебе лично,— сказал Бойн— Я бы дал съесть себе ползадницы, если бы таил злобу против тебя. И мне хотелось бы говорить более открыто о том, чем мы здесь занимаемся.

— Но мы делаем одно дело,— вступил в разговор Дэйлхауз.— Так сказал Понтефакт. И мы должны делиться информацией.

— Да, у Понти правильные идеи. Но их можно истолковывать двояко. Вы ведь тоже не сказали о своих маленьких шалостях. Например, о том, что вы вооружили шаристов.

— Нет! Этим занимаюсь лично я, Бойн. Мы дали им немного простейшего оружия для обороны против хайхэй, воздушны акул. И это все.

— Да, но они могут применить оружие против любого. А если вспомнить случай с кораблями

Пипов...

— Это был несчастный случай,— сказал Дэйлхауз.

— Да, конечно. Такой же случай, как ваш самолет...— он после некоторого колебания закрыл рот.

— Продолжай, Бойн,— потребовал Дэнни.— Что ты хотел сказать?

— Ничего. Забудь это.— Бойн оглянулся, затем быстро сказал: — Вы видите, что эта мирная конференция не принесла никакого результата. И то, как развиваются события, вселяет в меня дурные предчувствия. Местные крипы нападают на наших подземников — все это происки Пипов, я думаю. Взорвали корабли Пипов — вы говорите, это случайность, а мы думаем, что это ЦРУ. Вы дали оружие шаристам. И ваш самолет...— Он помолчал, глядя на Капелюшникова — У меня есть глаза и поэтому нет желания говорить откровенно. Может, как-нибудь в другой раз. Так что до свидания, желаю приятного полета.— Он кивнул и пошел обратно к базе.

Капелюшников, сдвинув брови, смотрел ему вслед.

— У меня тоже дурные предчувствия,— сказал он.— И относительно дорогого друга и пилота

Бойна. Мне бы хотелось задать ему несколько вопросов, да время не подходящее.

— Мне бы хотелось побольше узнать, для чего они используют подземников,— сказал Дэйлхауз.— И, честно говоря, мне несколько неприятно, что на нас возлагают ответственность за случай с кораблями Пипов. Ты думаешь, это может быть правдой?

Капелюшников задумчиво посмотрел на него.

— Ты очень хороший парень, Дэнни,— сказал он.— Но ты не умеешь удивляться. Вот, например, тебе не странно, что у Гризи есть взлетная полоса, которая совсем не нужна геликоптеру?

— Да? Я не обратил на это внимания,— признал Дэнни.

— А я обратил. Так же как Бойн обратил внимание на бомбовый люк в нашем самолете. Вы с Гашей тоже видели его и только спросили, зачем это, для какой цели? А когда пилот видит такую штуку, он сразу спрашивает себя, зачем в самолете, предназначенном для научных исследований, бомбовый люк?

В тридцати метрах под взлетной полосой Мать др-Сии проснулась от запаха цианида, слишком слабого, чтобы быть опасным и достаточно сильного, чтобы не оставить его без внимания. Снова

эти Панцирные дьяволы.

Она властно позвала дежурного члена семьи. Им оказался т-Вихр, малорослый подземник, в обязанности которого входило удовлетворять потребности Матери, когда она просыпается.

Сейчас в ее выводке было семеро — все самцы, и ни один из них не походил ни размером, ни силой, ни умом на их отца. Внезапно она рассердилась.

— Воду,— приказала она хриплым рычанием.— И пищу. И кого-нибудь, чтобы почистить меня.

Т-Вихр сказал покорно:

— Здесь только я, Мать Семьи. Я быстро принесу пищу и все сделаю, пока ты ешь.

— Почему никого нет?

— Все на обучении у Новых Дьяволов. Они приказали, чтобы были все.

Мать Семьи презрительно фыркнула, но она была не очень раздражена этим обстоятельством. Т-Вихр вернулся с пищей. Это были только тюберы и раковина с водой. Но в придачу к этому он принес еще немного свежих листьев и фруктов с Поверхности.

— Дали или взял? — подозрительно принюхиваясь спросила она.

— Это подарки от Новых Дьяволов, Мать Се-

мьи,— извинился молодой самец.

Она снова фыркнула. Но зелень была вкусной, а она голодна. Все съев, она опорожнила свой желудок в раковину, которую т-Вихр закрыл.

— Будут еще поручения, Мать Семьи? — спросил он, вылизывая ее мех возле заднего проходного отверстия.

— Нет. Иди.

Он коснулся ее носа и, извиваясь, уполз, чтобы освободить раковину в камере гниения. Следующий член семьи смешает дефекалии с растительной массой, и эта смесь будет перегнивать для того, чтобы в будущем послужить удобрением для выращивания тюберов.

Несмотря ни на что, т-Вихр был хорошим ребенком. Вскоре она расстанется с ним, когда выводок подрастет, заматереет, и каждый начнет свою жизнь. Это время совсем близко. При каждом ее пробуждении вымя становится все меньше и тверже. Взрослые самцы знали это тоже, и она нередко чувствовала, как они забираются в ее гнездо, чтобы коснуться носом ее ануса, проверить, насколько она близка к совокуплению. Только вчера самец с ногами в шрамах спросил ее:

— Что тебе захочется в следующий раз? Рако-

вину кринпита? Живого Летающего Дьявола? Голову Нового Дьявола?

— Твою собственную голову,— ответила она раздраженно.

Он рассмеялся и уполз, но он вернулся. И нельзя сказать, что мысли о нем были неприятны Матери. Ее сестра совокуплялась с этим самцом два выводка назад. Прекрасное потомство — две самки. И сестра сказала, что он неутомим при совокуплении. Что же, совокупление — это долг каждой самки, но оно вдвойне приятнее, если самец положит перед тобой хороший дар.

Слабые отдаленные раскаты заставили ее вздрогнуть. Опять Новые Дьяволы. Раньше такие раскаты и вибрация земли означали, что наверху сильная буря, или упало большое дерево. А теперь Новые Дьяволы срывают холмы, взрывают скалы, и трудно доверяться в такой обстановке своим чувствам. Она поползла вдоль стен своей камеры, принюхиваясь, ощупывая, все ли в порядке, все ли на своем месте. Органы вкуса, обоняния и осязания был главными в ее жизни, Др-Ши ощущала свет, но не нуждалась в нем. Для ее народа глаза были лишь придатком, которым пользовались, поднимаясь на поверхность. Да и там они не был необходимостью, так как

из-за плотных облаков и постоянного полумрака все равно не было ничего видно.

— Привет, др-Ши.

Она фыркнула и тут же узнала самку у входа в камеру.

— А, это ты, др-Шью. Входи, входи.

Самка вошла и др-Ши сказала:

— Я пошлю за едой.

— Я уже поела,— вежливо ответила др-Шью— Какие прекрасные дары для совокупления.

Она с завистью посмотрела на коллекцию. Шесть выводков, шесть подарков. Какая-то, никому неизвестная твердая штука, украденная у Новых Дьяволов, ноги краба — ее первый подарок — и наименее ценный, когти шариста... Все это было добыто на поверхности, с большим риском. Немало самцов погибли на поверхности в своих попытках добыть дар для совокупления. Враги были везде.

Приличия соблюдены, и др-Шью перешла к делу.

— Отец моего последнего семейства умер от плохого дыхания,—сказала она,- И еще три молодых в другом семействе.

— Жаль,— сказала др-Ши. Эти слова не относились к самцу — он сделал свое дело. Но молодые

умерли от цианида!

— Я боюсь за наши жизни,—сказала прямо др-Шью.— С тех пор, как пришли Новые Дьяволы, наши камеры и туннели в постоянной опасности.

— Я тоже думаю об этом,— призналась др-Ши.— Я говорила об этом со своими сестрами.

— И я со своими. И мы решили вот что. Наши молодые учатся у Новых Дьяволов. Др-Ши, почему бы и нам, матерям, не пойти учиться?

— Но они же учатся приносить смерть! Мы с тобой Матери др-Шью! — др-Ши была шокирована.

— Кринпиты приносят нам смерть, разве нет? Наши молодые блокировали галереи, откуда приходит плохой воздух, но нет уверенности, что Панцирные Дьяволы не проделают снова дыры

— Я не могу приносить смерть. Разве, чтобы добыть пищу.

— Слушай внимательно, др-Ши,— угрюмо заговорила др-Шью. Она колебалась. Затем продолжала: — Есть история. знаю, правда ли она. Она пришла от кринпитов, а может от Летающих Дьяволов.— Это была обычная формула выражения сомнения. Но в данном случае др-Ши была уверена, что это правда, - Панцирные Дьяволы рассказали одному из наших, что Новые Дьяволы

уничтожили целый город нашей расы. Он сказал, Новые Дьяволы считают нас паразитами и не успокоятся, пока уничтожат всех. Вот почему они дали кринпитам плохой воздух.

— Но Новые Дьяволы учат наших, как уничтожать кринпитов.

— Следующая часть истории еще более любопытная. Но я думаю, что это правда. Эти Панцирные Дьяволы сказали, что есть три типа Новых Дьяволов. Один тип уничтожил город. Второй тип дал им плохой воздух, которым они могут вредить нам. Те же, кто учит наших молодых третий тип. Они уничтожают Летающих Дьяволов и кринпитов, а также представителей других двух типов Новых Дьяволов. Но они не убивают нас.

Длинное тело др-Ши задрожало от возбуждения.

— Это ложь!— закричала она.— Они послали наших молодых куда-то, откуда вернулись лишь немногие, да и те стали медленными и больными. Они только и говорят о смерти.

— Я и мои сестры тоже слышали это.

Др-Ши фыркнула. Складки кожи вокруг ее носа дрогнули.

— Я считаю,— заговорила она снова,— что это хорошо, что наши учатся убивать. Если мы будем

приносить смерть кринпитам, они не смогут впускать плохой воздух в наши туннели. Если мы поможем Новым Дьяволам уничтожить других Новых Дьяволов, то те не смогут помогать ни кринпитам, ни Летающим Дьяволам против нас.

— Я тоже так думаю, др-Ши.

— Я также считаю, что если мы поможем нашим дьяволам уничтожить других Новых Дьяволов, то затем мы сможем уничтожить и их самих. И тогда наши дети будут снова принадлежать нам!

— И наши туннели снова будут темными и безопасными. Да! Я предлагаю собрать всех, и т-Вихр будет обучать нас тому, чему они учатся у Новых Дьяволов.

Глава 14

Законы природы определяют жесткие условия для подъема. Дэнни Дэйлхауз мог поднимать в воздух все, что ему хотелось, при помощи простого добавления шаров с водородом. Чарли не мог этого делать. Он мог поднимать только то, что он мог поднять, и все. Чтобы нести дары Дэйлхауза, ему приходилось пожертвовать балластом и, следовательно, подвижностью. И поднимать все дары было невозможно. Дэйлхауз уговорил его передать, арбалет другому самцу из стаи, и Чарли взмолился:

— Если я уж не могу иметь и то и другое, то оставь мне громкоговоритель. Оставь мне его!

— А если тебя убьет хайхэй, какой прок будет тебе от радио?

Но Чарли сделал вид, что не понял вопрос. Он со своей стаей распевал что-то вроде рапсодии, и громкоговоритель обогащал звучание хора. Поэтому Дэйлхауз прекратил уговоры.

То. то у Чарли было радио, имело как положительные моменты, так и отрицательные. Дэйлхауз теперь имел возможность играться со

стаей с земли, если она не была слишком далеко.

Этот факт был известен майору Сантангело, новому коменданту лагеря. Теперь стало гораздо труднее договориться насчет полетов. А в лагере оставаться стало совсем противно. Сантангело взял все в свои руки. Он доказал это, отослав Харриет и Алекса Вудринга в отдаленные районы, чтобы они попытались завязать контакт с племенами подземников, которые еще не связались с Гризи. Весь лагерь теперь был окружен оборонительными сооружениями.

Дэйлхауз прорвался сквозь песню стаи:

— Я должен вернуться. К нам должна прилететь большая стая людей, и я должен быть при встрече.

— Мы полетим с тобой, мы полетим с тобой...

— Нет, нет,— возразил он,— слишком много хайхэй возле лагеря.— Это было правдой.— Летите в Мокрую Долину, посмотрите, все ли в порядке у наших людей.

— Это не нужно,— ответил Чарли.— Мы видели крылья твоего друга Каппи, которые только что прилетели оттуда.

Действительно, над линией побережья Дэнни увидел биплан, заходящий на посадку.

— Тогда до свидания,— сказал Дэнни и, умело

открыв кран для выпуска водорода, спустился в нижние слои атмосферы, где его подхватил ветер и понес к лагерю.

Он уже прекрасно пилотировал на шарах. Пролетев над земляным фортом, выстроенным по приказу коменданта на побережье, он спустился на землю. Затем он собрал обвисшие шары, перебросил их через плечо и пошел в водородную лабораторию. И тут кончилось его счастье. Возле Капелюшникова и Сантангело собралась половина лагеря. Сюда же шли Джим Моррисей и еще несколько человек. Лица их были угрюмы. Дэйлхауз схватил Моррисея за руку:

— Что случилось?

Моррисей помолчал:

— Большие неприятности, Дэнни. Пропали Харриет, Вудринг, Дугаченко. Каппи говорит, что лагерь разрушен, а они пропали.

— Харриет?

— Все, черт побери. Там кровь и следы кринпитов по всем лагерю. Идем, нужно узнать, какие будут приказания.

Приказания! Как похоже на армейского офицера, который сразу же в незнакомой обстановке начинает отдавать приказы во все стороны. Дэйлхауз пошел к группе вокруг Сантангело и Каппи.

Он услышал чьи-то слова:

— ...Не знаю, есть ли кринпиты в Мокрой Долине...

— Если ты живешь в Беверли Хилл, то откуда тебе знать, есть ли змеи в Калифорнии. Но когда ты будешь бродить вокруг Голливуда, то они быстро отгрызут тебе задницу. Хватит спорить.— сказал майор.— Те, кто получил приказ, пусть займут свои посты. Через двадцать часов сюда прибудут четыре корабля. Поэтому для врага будет очень соблазнительно застать нас врасплох. И этого допустить нельзя. По местам!

Дэйлхауз еще не получил приказа, поэтому он не поспешил за остальными, а обогнул барак и подошел к радиорубке. Там находились дежурные, которые внимательно смотрели на экран дисплея, где отсвечивались зеленые символы на координатной сетке. Четыре корабля снабжения уже находились на орбите Джема и сейчас делали окончательную корректировку курса перед посадкой. Дэйлхауз был уверен, что сюда придет и Капелюшников. Действительно, через минуту возле рубки появился пилот.

— А, Дэнни. Ты нашел прекрасное убежище, чтобы спрятаться от коменданта. Посмотрим, я проверю, все ли нормально.

Он посмотрел на экран, переговорил с дежурным, пожал плечами и повернулся к Дэйлхаузу.

— Корабли на курсе,— сказал он.— Теперь вопрос, правилен ли курс? Мы это определим. Бедная Гаша!

— Ты уверен, что она мертва?

— Трупов я не видел. Но, Дэнни, крови было очень много.

— Но трупов ты не видел?

— Нет, Дэнни. Видел кровь. Видел разодранные палатки, разбросанную одежду, разбитое радио. И везде следы кринпитов. Я искал, кричал, облазил все кусты. Тел не нашел и полетел домой. Жаль Гашу, не говоря об Алексе и Грегоре.

Дэнни покачал головой.

— Кринпиты такие шумные, я не понимаю, как они могли застать наших врасплох. А если они видели нападение, то могли бы постоять за себя. Сантангело заставил их взять оружие.

Капелюшников пожал плечами.

— Если хочешь, летим со мной и ты увидишь все собственными глазами. Но не сейчас. Первый корабль готов сойти с орбиты, и я должен сам наблюдать за посадкой.

Половина персонала первого корабля были военные — факт, который в другое время произ-

вел бы неприятное впечатление на Дэнни, но не сейчас. Когда корабль еще был на орбите, командир — вьетнамский полковник — получил по радио сообщение о событиях в лагере. Поэтому, так только произошла посадка, отряд с оружием занял позиции по периметру лагеря. На втором корабле тоже были в основном военные, но среди прибывших Дэйлхауз узнал знакомое лицо. Он задумался и вскоре вспомнил: болгарская девушка, которую он помнил по Софии. Он позвал ее взмахом руки. Девушка удивилась, затем улыбнулась и ответила на приветствие. Очень привлекательна, подумал он.

Между майором Сантангело и прибывшим полковником произошел небольшой разговор, и вскоре весь лагерь был мобилизован. Вьетнамец — его имя было Три — взял Капелюшникова и поднялся с ним в воздух. Самолет стал облетать лагерь, сначала на большой высоте, затем едва не касаясь верхушек деревьев. Все палатки были разобраны, а к тому времени, как приземлился третий корабль, они стояли четырьмя рядами — по шесть в ряд. По углам лагеря были выкопаны окопы, куда установили пулеметы и огнеметы, сгруженные с третьего корабля. Те, кто не имел никакой специальности, разгружали корабли,

устанавливали палатки, рыли окопы, вбивали металлические шесты вокруг лагеря. С третьего корабля скатили две катушки с колючей проволокой, а к тому времени, как последний корабль начал снижение, лагерь превратился в неприступную крепость.

Небо Джема было необычайно чистым, когда четвертый корабль появился на горизонте. Началась посадка, которая для Дэйлхауза, хотя он видел уже пять таких посадок, казалась чудом. И все эти посадки были разными. Как и сами корабли.

Первым человеком, вышедшим из высокого серебристого корпуса, была Мэгги Меннингер.

Но это было не удивительно. Более удивительно было то, что она не прилетела на одном из предыдущих кораблей. Дэйлхауз вдруг понял, что он ждал ее прибытия. Она выглядела усталой, задумчивой, но для Дэйлхауза она была великолепна. Женщины экспедиции Блока Продовольствия не могли сравниться с нею по сексуальному воздействию. Если не считать редких случайных связей с женщинами экспедиции, в основном от скуки, сексуальная жизнь Дэнни была редкой, скучной и безрадостной. Мэгги напомнила ему лучшие времена.

Мэгги изменилась с тех пор, как он видел ее в Софии. Знаки на ее мундире больше не были капитанскими полосками, а полными орлами полковника. Она стояла в стороне, чтобы проследить за высадкой. Полковник Три и майор Сантангело уже приготовились рапортовать ей. Она внимательно слушала их, а глаза ее осматривали лагерь и защитные сооружения. Затем она стала говорить быстрыми короткими фразами. Дэйлхауз был слишком далеко, чтобы слышать ее, но не было сомнения, что это были приказы Три спорил о чем-то. Мэгги сердечно обняла его за плечи, отвечая ему, затем похлопала его по заду, и он, ухмыляясь, пошел выполнять приказ. Мэгги и Сантангело пошли на командный пункт и Дэйлхауз стал обдумывать, что можно ждать после прибытия Мэгги Меннингер.

Она увидела его и раскинула руки:

— Эй, Дэнни! Рада видеть тебя! — Она расцеловала его.—Ты изумительно выглядишь!

— Ты тоже,— сказал он.— Поздравляю!

— С прибытием? О, ты имеешь в виду орлы? Мне их дали, чтобы я сравнялась в звании с Гаем Три. Димитрова должна быть где-то тут. Ты видел ее? Теперь, если Пак нанесет нам визит, мы можем посидеть и вспомнить старые добрые

времена в болгарской тюрьме.

— Полковник Меннингер...

— Ол райт, майор, я иду. Подожди, Дэнни. Мы посмотрим, что нужно еще сделать...

Он смотрел ей вслед. В те времена, когда он учился в колледжк и люди еще не поняли, что войны совсем не нужны, полковники были другими. И не потому, что Мэгги была женщиной. Красивой и молодой. Полковники казались более значительными, чем Мэгги Меннингер, особенно те, которые имели право нажимать кнопку в кризисной ситуации.

Грузный человек в форме сержанта подошел к нему:

— Вы доктор Дэйлхауз? Для вас почта в библиотеке.

— О, благодарю.— Дэйлхауз обратил внимание, что сержант был удивлен и озадачен, но он понял его.— Прекрасный человек ваш полковник,— сказал он легкомысленным тоном и пошел, не дожидаясь ответа.

Большая часть почты была из Мичигана и Добл А-Я, но одно из писем было сюрпризом для него. Оно было от Полли. Дэйлхауз почти забыл, что у него была жена! Он не мог понять, почему она решила написать ему. Дэйлхауз положил микро-

фильмы в карман и направился в лабораторию Капелюшникова. Там пилот собрал все, что, как он считал, могло понадобиться ему на Джеме. И среди прочих вещей здесь было и устройство для просмотра микрофишей. С расчетливым любопытством Дэйлхауз установил письмо своей экс-жены в рамку.

"Дорогой Дэниель.

Не знаю, известно ли тебе, что дедушка Медвой умер прошлым летом. По завещанию он оставил Гранд Хавен Хауз нам. Я думаю, что он не успел изменить завещание после нашего развода.

Разумеется, дом не очень дорогой, но все же, по оценке, он стоит 43 500 фунтов стерлингов. Я в небольшом замешательстве. Мне бы хотелось, чтобы ты прислал заверенное нотариусом заявление, что ты не будешь претендовать на свою долю. Есть ли там нотариус? В противном случае сообщи, что ты собираешься делать.

С нами все в порядке, Дэниель, несмотря на разные события. Детройт снова охвачен забастовками и демонстрациями. В связи с этим правительство повысило налоги, передача по ТВ ограничена международными сводками. Почти все считают, что это вызвано тем, что вы на Джеме, хотя вы тут не виноваты. Я всегда помню о

тебе, Дэниель, надеюсь, и ты обо мне.

Паулина".

Сидя на постели Капелюшникова, Дэйлхауз задумался. Гранд Хавен Хауз. Это просто бунгало, построенное пятьдесят лет назад и лишь немного перестроенное. Он и Полли провели в нем медовый месяц — снежный январь, когда дул пронизывающий ветер с озера Мичиган. Конечно, она должна иметь дом. Кто-нибудь в лагере сможет заверить его заявление. Это будет достаточно законно, чтобы удовлетворить земной суд.

Он поднялся, думая о Паулине и ее письме. Но новости с Земли все же не были интересными для него, и он стал думать о шаристах, об усложнениях жизни на Джеме. Затем вспомнил снова письмо Полли, мятежи, грабежи, забастовки, беспорядки... Он решил, что нужно поговорить с кем-нибудь из вновь прибывших, как только они устроятся. Например, с этой болгарской девушкой. Она может рассказать ему, что происходит на Земле, к тому же она весьма привлекательна. Он лег, размышляя, стоит ли ему выходить отсюда или оставаться здесь.

Но решение пришло само.

— Хэлло, доктор Дэйлхауз! — раздался голос Аны Димитровой.— Мистер Капелюшников ска-

зал, что вы здесь. Но я должна признаться, что не была уверена в его искренности.

Дэнни открыл глаза и сел. У входа стояли Каппи и девушка. По выражению лица пилота было ясно: что бы он не говорил девушке, он надеялся, что здесь никого нет. Однако он улыбнулся и сказал:

— Аннушка, ты должна верить мне. Дэнни, я привел твоего старого друга.

Дэйлхауз пожал руку Ане. Он заметил, что у нее приятная улыбка. И если бы она не зачесывала волосы назад и больше пользовалась косметикой, она была бы чрезвычайно привлекательна.

— Я как раз хотел поговорить с вами, мисс Димитрова.

— О, ради бога, зовите меня Ана. Ведь мы с вами сидели в одной камере.

— Только не задерживай дорогого Дэнни,— сказал Капелюшников.— Он очень голоден и будет крайне огорчен, если пропустит великолепный обед с мясом.

— Хороший ход, Каппи,— сказал Дэнни.— Но я не голоден. Как дела на Земле, Ана? Я слышал плохие вести.

Выражение ее лица затуманилось.

— Если вы слышали о жестокости, насилиях,

беспорядках, то это правда. Перед нашим отлетом на ТВ объявили о введении смертной казни в Лос-Анжелесе и городах Европы.

— Мой бог!

— О, там творится что-то ужасное, Дэн. Но мы привезли последние газеты, записи телепрограмм. А кроме того, в библиотеке Меннингер более двадцати тысяч книг в микрофильмах.

— Двадцать тысяч книг?! — Дэйлхауз покачал головой.— Никогда не думал, что она такой любитель книг?

Ана улыбнулась и села на пол, скрестив ноги.

— Пожалуйста, устраивайтесь поудобнее. Меня тоже очень удивила Мэгги Меннингер.— Она помолчала, как бы в нерешительности. Затем заговорила снова:— Она обещала, что перед отлетом даст мне возможность переговорить с нашей делегацией. Но этого не произошло. Никому из нас не было разрешено покинуть лагерь. Нас привезли прямо на космодром. Может, она не хотела рисковать, так как условия на Земле очень нестабильны.

— Неужели все так плохо?

— Видишь, Дэнни,— сказал Капелюшников,— мы должны радоваться, что находимся в этом тропическом раю, на далекой планете. Здесь

только однажды загадочным образом исчезли три человека.

— Это другое дело,— сказал Дэйлхауз.— Мэгги Меннингер кажется, не очень обеспокоена этим.

— Да, причин для беспокойства нет, дорогой Дэнни. Мы с маленьким вьетнамским полковником обшарили все вокруг в радиусе десяти километров с помощью магнитометра, ИК-сканнера и хороших глаз пилота. Уверяю тебя, что вокруг нет ни одного металлического предмета, кроме консервных банок, и ни одного живого существа больше краба. Так что можешь спать спокойно, Дэнни. В собственной постели,— со значением добавил он.

Нан быстро все поняла.

— Это хороший совет, Каппи,— сказала она, поднимаясь.— Я воспользуюсь им.

— Я провожу тебя,— сказал Капелюшников.— Не утруждай себя, Дэнни, я вижу, ты очень утомлен.

Ана вздохнула:

— Господин Капелюшников не желает замечать, что я тоже устала после долгого перелета и трудной посадки. Надеюсь, что мы с вами будем друзьями. Только постарайтесь не вести себя как дикий казак с деревенской девушкой.

Каппи сначала смутился, затем рассердился, потом улыбнулся.

— Аннушка, ты настоящая славянская девушка. Да, мы будем друзьями сейчас. А может, и потом... Но,— добавил он поспешно— я буду ухаживать за вами в настоящем советском стиле: никаких пошлостей и непристойностей, хорошо? А теперь пройдемся втроем по воздуху к вашей палатке.

Ана рассмеялась и похлопала его по плечу:

— Русский медведь! Ну ладно, идем.

Она вышла на улицу и остановилась, глядя на утихший лагерь. Официально день закончился, но Кунг сиял на небе.

— Не знаю, смогу ли я привыкнуть к миру, где не бывает ночи,— пожаловалась она.

— Да, в некоторых случаях это крайне неудобно,— согласился Капелюшников. Они прошли к той части лагеря, где располагались палатки женщин. На одной, самой большой, уже висела надпись: "Полковник М. Мэннингер, командир".

— Мэгги уже устроилась,— заметил Дэйлхауз.

— Привилегия чина,— сказал Капелюшников, который смотрел на высящиеся громады только что прибывших кораблей. Один высокий и стройный, три других — приземистые конусы с широким основанием.

— Странно,— сказал Дэнни,— эти три корабля совсем не похожи на остальных.

Каппи взглянул на него.

— Ты очень наблюдателен.— Но тон его был таинственным.

— Ол райт, Каппи, в чем секрет?

— Секрет? Простой пилот не имеет секретов. Но он имеет глаза и может делать выводы.

— Ну расскажи, Каппи. Все равно ты расскажешь рано или поздно.

— Во-первых, обратите внимание на форму этих трех кораблей. Представьте, что вы разрезали их пополам, получив маленькие конусы, расставили эти шесть конусов по углам лагеря, убрали стекла с продолговатых окон и установили там крупнокалиберные пулеметы. Что мы будем иметь? Мы будем иметь укрепленные форты.

— Но в это нельзя поверить,— возразила Ана.— Мы же мирная исследовательская экспедиция, а не армия завоевателей.

— Да, и то, что большая часть членов экспедиции военные — это только совпадение.

Дэйлхауз и девушка рассматривали корабли.

— Но я все равно не верю,— сказала Ана.— Может...

— Подожди,— воскликнул Дэйлхауз.— Эти три

корабля даже не имеют ступени для возврата на Землю.

Капелюшников кивнул:

— Верное наблюдение! — Затем он добавил: — Библиотека из двух тысяч книг, космический корабль, легко разбирающийся на защитные укрепления и не имеющий возможности для обратного полета. Так что вывод один: многие из нас вряд ли вернутся на старушку-Землю.

На следующий день Дэйлхауз поднялся в небо, и это было его победой. Он не знал, сколько таких побед он еще сможет одержать. День начался крайне неприятно. Ровно в 8.00 был объявлен подъем. Оказалось, что с этого дня в лагере объявлена военная дисциплинами все поступили под начальство майора. По пути в столовую на завтрак Дэнни заметил слугу, который принес два прикрытых подноса в палатку Меннингер. Слуга! Даже последний командир Харриет Сантори не заходила так далеко. Возвращаясь из столовой, Дэнни увидел вьетнамского полковника, выходящего из палатки Мэгги. Его мало волновало, кого Мэгги пускает в свою постель, да и все эти военные Микки Маусы совершенно были неинтересны ему. В то же время Дэйлхауз не мог наслаждаться свободным полетом в небе

Джема, как обычно.

Во-первых, Чарли и его стаи не было поблизости, частично потому, что Сантангело потребовал, чтобы они облетели другие территории в поисках разумных существ. Но в основном потому, что сам Дэнни не хотел, чтобы они были здесь, так как возле лагеря в облаках было много хайхэй, и они ждали своих жертв.

Дэнни сам настаивал, чтобы шаристы держались не ближе двух километров от лагеря Гризи. Может быть, этого было достаточно для безопасности. У Дэнни с собой был его карабин, и он надеялся подстрелить парочку хайхэй, пока Чарли подлетит со своей стаей. В лагере уже был один шарист, ожидающий, пока его мешок, пропоротый хайхэй, заживет, и он сможет подняться в воздух. Дэнни не хотел, чтобы Чарли присоединился к нему.

Пытаясь выглядеть аппетитным, он подлетел к густому облаку. Именно в таких облаках скрывались акулы воздуха. Но либо в этом облаке не было никого, либо акулы не были голодны.

Дэнни не хотел погружаться в облако. Он предпочитал встретиться с акулой в чистом воздухе, где его невозможно застать врасплох. Ветер понес его над лагерем, и Дэнни посмотрел вниз.

Около двадцати человек все еще разгружали корабль. Другие вырубали лес и кустарники вокруг лагеря, чтобы расширить его площади Маленький трактор таскал поваленные стволы. Это новость! Значит, предполагается распахивать землю для посева злаков.

Если Жирные могут выращивать свежую зелень, то почему не можем мы? Но что-то тревожило Дэйлхауза. Может быть, солдаты? Неужели они будут работать в поле? Или заставлять работать других?

Он отогнал мысли: слишком мала высота полета.

Дэнни спустил немного балласта, и вода вылилась на землю. Мысль, которая не покидала его голову, стала его тревожить. Почему-то ему вспоминался профессор антропологии — мягкий нетребовательный человек, напоминавший Алекса Вудринга...

Алекса Вудринга, который мертв. Вместе с Гашей и болгарским капралом, которого он так и не видел.

Очевидно, хайхэй уже научились отличать человека от шариста, и сегодня их не обмануть. Он неохотно повернул назад, пролетел над пляжем и опустился на крупный песок.

Когда он собрал баллоны, к нему подошла Мэгги Меннингер в сопровождении женщины-сержанта, которая была у нее в услужении.

— Прекрасно летаешь, Дэнни,— сказала Мэгги.— Как воздушный шарик. Ты как-нибудь дашь мне попробовать?

Он некоторое время рассматривал ее. Она действительно выглядела хорошо, даже в полумраке Клонга, который затемнил цвет ее губ и притушил золото волос.

— Как только прикажешь, Мэгги, или полковник?

Она рассмеялась.

— Вы, штатские, с какой-то подозрительностью относитесь к чинам. Нет, сейчас я на отдыхе, так что — Мэгги. Не бойся, ты привыкнешь к дисциплине и субординации.

— Не уверен, что мне хочется привыкать к этому.

— Захочешь,— пообещала она.— Тинка, иди вперед, мы немного пройдемся.

Сержант пошла впереди, внимательно рассматривая изгородь из колючей проволоки. Солдаты подняли изгородь так, что они втроем смогли пройти под проволокой. Сержант в карауле отсалютовал Мэгги, и та ответила мягкой улыбкой.

— Если человек захочет здесь выкупаться,— спросила она,— его никто не съест?

— О, мы здесь постоянно купаемся.

— Искушение большое. Ты выкупаешься со мной?

Дэйлхауз покачал головой, но не в знак отрицания, а от удивления.

— Мэгги, ты совсем не похожа на полковника. Я думал, что полковники все время думают о солдатах, оружии, укреплениях.

— Дорогой Дэнни,— добродушно сказала она,— я не была полковником очень долго и изучила этот вопрос чисто теоретически. Думаю, что основные принципы я постигла. Полковник не должен что-либо делать. Главное следить, чтобы остальные были заняты. Этим утром я уже здорово поработала.

— Да, я видел, как из твоей палатки выходил полковник Три.

Она задумчиво взглянула на него, но ничего не сказала. Затем она заговорила снова:

— По всему периметру у меня стоят часовые, местность просматривается с воздуха. А кроме того, Тинка прекрасно владеет всеми видами оружия. Так что все будет ол райт.

— Я не беспокоюсь за свою безопасность.

— Да, конечно. Тебя солдаты под моей командой беспокоят, и я благодарна тебе за это.— Она ухмыльнулась и похлопала его по руке.— Подожди минуту.— Она достала сигарету, зашла за Дэнни, чтобы укрыться от ветра, и умело закурила. Она глубоко вдохнула дым, задержала его в легких и протянула сигарету Дэнни. Выдохнув воздух, она сказала:

— Тинка, когда в следующий раз будешь готовить наркотик, сохрани семена. Может, их здесь можно вырастить.

— Да, мэм.

Дэнни затянулся, начиная расслабляться. Да, с Мэгги Меннингер, по крайней мере, не скучно. Выдыхая дым, он с некоторым восхищением смотрел на нее. Она быстро приспособилась к здешней жаре, непривычно низкой силе тяжести, повышенному давлению, которое немало досаждало им всем сначала. Да, она была женщиной особого типа.

К тому времени, как они докурили сигарету, они уже были далеко от изгороди лагеря и находились возле пляжа. Мэгги остановилась, осматриваясь.

— Неплохо. Тинка, займи позицию.

— Да, мэм,— сержант вскарабкалась на вер-

шину ближайшего холма, и Мэгги скинула свою форму. Под ней у нее ничего не было.

— Если будешь купаться, иди, если нет, помоги Тинке караулить.— И она с шумом бросилась в воду.

Из-за наркотика или из-за чего-то другого, но настроение у Дэнни улучшилось. Он рассмеялся, сбросил одежду и присоединился к Мэгги.

Через десять минут они уже лежали на пляже, чтобы высохнуть.

— О,— сказала Мэгги,— если бы у меня были лишние люди - я заставила бы их убрать камни из песка. Я собираюсь создать хороший лагерь, Дэнни. Например, ты знаешь, что мы будем делать сегодня вечером?

Он повернул голову к ней:

— Что?

— Первые на Джеме танцы лагеря Блока, экспортирующего продовольствие.

— Танцы?

Она ухмыльнулась.

— Понимаешь, что я хочу сделать? Вы, кто первые поселились здесь, никогда не думали об этом. А дело простое: выровнять площадку и запустить магнитофон. Вот и все. Танцы — лучшая вещь в мире для подъема духа.

— Вероятно, ты лучший полковник в армии США, который придумывает развлечения.

— Полковники должны думать и об этом, Дэнни.

— Я верю, Мэгги, но видишь ли, при нынешних обстоятельствах...

— Ладно, я оденусь, если это поможет тебе сосредоточиться. Это не просто развлечение. Я хочу поговорить с тобой.

— О чем?

— Обо всем, что ты хочешь сказать мне. Как, по твоему мнению, идут дела. Что не делается так, как должно делаться. Чему ты научился за свое пребывание здесь, а я еще не успела осознать.

Он оперся на локоть, чтобы видеть ее всю. Мэгги почесала голый живот прямо над темным треугольником волос.

— Ты же видела все наши донесения о контактах с разумными существами.

— Да. Я даже видела некоторых в Детрике, правда, они были в плохом состоянии. Особенно, подземник.

— Крипи? Нам с ними не очень везет.

— Должна сказать, жалкие существа.

— Да, но мы получили только десять подземников, и лишь двое из них были живыми. Моррисей

составил донесение, но еще не отправил. Он сказал, что фермеры — подземные — весьма интересная идея. Они выращивают тюберов на потолках своих туннелей. Он хотел переговорить с переводчиком, который прилетел с вами,— не помню, как его имя.

— Сандра Леклер? Она не прилетела, Дэнни. Я вычеркнула ее из списков.

— Почему?

— Политика. Она из Канады. Тебе это говорит что-нибудь?

— Ничего.

— Я так и думаю. Канада голосовала в ООН за предложение Перу. Значит, она связана с Пипами. И каждый знает, что Канада тяготеет к Пипам. Сейчас Канада политически ненадежна. На этот полет было записано четыре канадца, и я всех вычеркнула.

— Это звучит, как бред сумасшедшего,— сказал Дэнни.

— Нет, это реальность. У меня нет времени учить вас жизни, Дэнни. Что еще? Я имею в виду подземников.

Он задумчиво смотрел на нее. Она лежала на спине, заложив руки за голову и подставляя свою наготу сиянию Кунга. Хотя она была несколь-

ко полноватой, ее талия красиво переходила в выпуклость бедер, а груди ее торчали упруго вверх, несмотря на то, что она лежала на спине. Не у многих женщин можно наблюдать такое. И под этими светлыми волосами таился такой ум, какой было трудно предположить в красивой женщине.

Он отодвинулся и сказал.

— Ну что же, еще есть шаристы. Я много знаю о них. Одна стая улетела к Полюсу Тепла, другая находится поблизости. В основном они придерживаются одних районов обитания, постоянных, но...

— Ты был недавно в лагере Гризи?

— Да. Мы летали туда с визитом. Об этом ты хочешь расспросить меня?

— И об этом тоже.

— Ол райт. У них очень много такого, чего не имеем мы. — Он описал машину, которая отливает блоки для домов, плазменный генератор, ферму, кондиционер, лед.

— Отлично,— прокомментировала она.— Мы тоже будем иметь все это, Дэнни, я обещаю. Ты видел аэроплан и четыре глайдера?

— Нет. Но там есть взлетная полоса. Она не имеет смысла, если они летают на вертолете.

Однако самолета у них нет.

— Теперь есть. Я думаю, что они спрятали от вас все, что прибыло с последним кораблем. Ты знаешь о базе на Фарсайде?

— Фарсайд? Темная сторона Джема? Какого черта им там надо?

— Я тоже хочу это знать. Но база там есть. Почему, ты думаешь, мы сделали четыре лишних оборота на орбите перед спуском? Я сфотографировала и просмотрела радаром все, что могла. Я знаю каждый спутник Джема. Я знаю каждое пятно на Джеме, излучающее энергию. И мне очень не нравится то, что я знаю. База на Фарсайде неприятная для меня неожиданность. Ты видел детей в лагере Гризи?

— Детей? Нет. Но почему...

— Я думаю, что они прилетели сюда целыми семьями, Дэнни. А значит, у них планы больше, чем просто исследовательская экспедиция. А бейсбольное поле там есть?

— Бейсбол? — он уселся, глядя на нее.— Зачем оно нужно? Может быть, крикет, футбол... но бейсбол...

— Жаль, что не видел,— сказала она без объяснений — Последний вопрос. Ты не встречался с человеком по имени Тамил?

— Вряд ли. Подожди. Маленький человек с бритой головой? Шахматист?

— Не знаю. Он индонезиец.

— Нет. Не уверен. Но мне кажется, там был химик по нефти с таким именем. Я с ним не говорил. Не был уверен, что он знает английский.

— Жаль.— Мэгги задумалась на момент, затем села, закрыв глаза.— И эти твои шаристы полетели туда?

Мэгги поднялась, сделала несколько шагов к воде, и теперь Дэйлхауз видел только ее, все остальное исчезло. Еще Хоггарт говорил, что самая красивая линия в природе — это изгиб женской спины, и Мэгги, силуэт которой вырисовывался на фоне багрового неба, была прекрасным подтверждением этого. Дэйлхауз почувствовал возбуждение, в нем проснулось вожделение. Но только самое легкое. Стимулом к этому была обнаженная красивая женщина, но был и подавляющий фактор: это то, что она говорила. Он еще не мог понять, какие чувства питает к Мэгги Меннингер.

Затем он отвел глаза и сразу забыл про вожделение.

— Здесь еще есть хайхэй!

— Хайхэй? Кто это?

— Это хищники. Все они слетаются сюда, к лагерю. Во- первых, их привлекает свет, а во-вторых, они охотятся за шаристами, которые держатся вблизи лагеря. В этих облаках полно хайхэй.

Стая уже была близко. Ее песня была слышна в сотне метров отсюда. А сверху и сзади к стае быстро приближались три зловещие тени.

— Так это и есть они, как ты их там назвал? Посмотри на нее! — крикнула она, когда первая из акул мгновенно пробила шар самки-шаристки, перевернулась в воздухе и устремилась за падающей жертвой, чтобы смертельным ударом оборвать ее предсмертную песню.— Какой прекрасный иммельман сделала эта акула! Никто такого не делал со времен второй мировой войны.

— Это не представление, черт тебя дери! Она же погибла!

Еще два хищника нанесли удары, и еще два шариста, кувыркаясь, полетели к земле. Это была стая не Чарли. Эти несчастные не были друзьями Дэнни.

— Видишь, что сыплется из самок? Это их яйца. Они будут летать в воздухе долго, но не будут оплодотворены, пока...

— К черту яйца! Меня восхищает акула! Какая

прекрасная машина для убийства! Дэнни, я понимаю, почему здесь так плохо идут дела. Вы нашли себе не тех союзников. Мы должны подружиться с акулами.

Дэйлхауз был поражен.

— Это же звери! Они даже не имеют разума.

— Покажи мне профессора, и я смогу доказать тебе, что он осел. Много ума тебе понадобилось, чтобы начать летать?

— Но шаристы наши друзья. Они производят для нас наблюдения с воздуха. Хайхэй никогда не смогут это сделать. Почему ты хочешь, чтобы мы объединились со злейшими врагами шаристов?

— Да, я знаю, тут могут возникнуть проблемы,— она смотрела на акулу, которая наслаждалась пиршеством, разрывая на части тело еще живой жертвы.— Плохо,— философски заметила она. Она шагнула к Дэнни и взяла его за руку, не отрывая глаз от спектакля.— Ты уверен в том, что нам не удастся убедить наших ученых попытаться объединиться с акулами? Или помирить шаристов с ними?

— Это невозможно. Даже если ты как-нибудь сумеешь объяснить хайхэй, что ты хочешь. Хайхэй даже не поют. А пение — это смысл жизни шаристов. Они не общаются с теми существами,

которые не поют.

— О? — Мэгги задумчиво посмотрела на него. Затем освободила руку и села на песок, не сводя с него глаз.— Скажи мне, Дэнни, ты не хочешь сделать мне приятно?

Он взглянул на нее. Неужели кровавая сцена возбудила ее?

Дэнни посмотрел на вершину холма, где виднелась голова Тинки, стоящей на страже.

— Может, нам лучше вернуться?

— В чем дело, малыш? Ты не любишь делать это при зрителях? Тинка нас не побеспокоит.

— Я не думаю о ней.

— Тогда что же? О, я могу предположить. Ты думаешь о полковнике.

— Три? Мне плевать на него.

— О, не думай об этом, малыш.— Она похлопала по земле возле себя. Помедлив, он сел, но не очень близко.— Ты думаешь, я спала с этим Нгуен Три?

— Нет. Я не думаю, я знаю. Но это твое дело. Может, я немного старомоден и брезглив...

— Дэнни, ты очень хорош в постели,— она улыбалась, но без прежней мягкости.

Он пожал плечами.

— Идем обратно, полковник.

— Останемся здесь,— сказала Мэгги.— А когда

полковник говорит, останемся, нужно подчиняться.

Вожделение покинуло Дэнни. Он был зол и сказал прямо:

— Значит, ты приказываешь мне взять тебя?

— Нет, конечно, милый начальник.— Она ухмыльнулась.— Я никому не могу приказать этого. Разве что очень узкому кругу лиц. Да и то не часто, так как это вредно для дисциплины.

Полностью расслабившись, она достала из кармана сигарету с марихуаной. Дэйлхауз смотрел, как она прикурила. Тело ее было полностью загорелым — никаких следов от бикини или бюстгальтера. Она снова почесала живот ниже пупка, глубоко вдохнула дым и протянула ему сигарету. Перед Дэнни всплыли воспоминания о днях, проведенных с нею в Болгарии, и он забыл все плохое, связанное с последними днями.

— Слушай, Мэгги,— сказал он прерывисто,— наклонись вперед.

Утолив свою первую страсть, они некоторое время оставались в одном положении. Затем Мэгги выпрямилась, подпрыгнула и бросилась в воду. Дэйлхауз последовал за нею. Они плескались, хохотали, а когда вышли из воды, Дэнни снова был готов отдаться страсти, и Мэгги с удо-

влетворением увидела это. Она крикнула:

— Тинка! Сколько времени!

— Тринадцать двадцать, мэм.

Мэгги быстро оделась и наклонилась, чтобы поцеловать Дэнни, который натягивал штаны.

— Пора возвращаться. У меня сегодня много работы перед танцами. Дэнни, я буду тебе благодарна, если ты сделаешь меня кое-что.

— Что именно?

— Научи Тинку обращаться с этими шарами.

— Зачем?

— Мне нужно. Это очень важно.

Он задумался.

— Конечно, начать я могу, но не уверен, что она быстро научится.

— Она научится быстро, я обещаю. Теперь возвращаемся: вызываю тебя на соревнование.

Они пробежали сотню метров. Сначала Мэгги бежала впереди, затем Дэнни обогнал ее, но она схватила его за руку, и они пошли шагом.

— Спасибо за разминку,— задыхаясь, сказала она.

— Какую разминку? Бег, плавание, или...

— За все, дорогой Дэнни.— Она тяжело дышала. Не доходя до поста возле ворот, Мэгги остановила его:— Я хочу сказать тебе одну вещь.

— Что именно?

— Я просто хочу все поставить на свои места. С Нгуен Три я отдаюсь животной страсти, удовлетворяю инстинкты. С тобой я занимаюсь любовью.

Двенадцать стражников по периметру, двое возле бухты, трое у радиорубки, еще восемь на разных постах. Таким образом, оставалось еще сто двадцать человек — и все, как один, пришли на танцы. Мэгги поздравила себя с большим успехом. Когда закончился очередной танец и послышался латиноамериканский мотив, к ней подошли сразу трое, чтобы пригласить. Но она сказала, что хочет немного передохнуть, а затем произнесет небольшую речь.

Она отошла в сторону и уселась, скрестив ноги, на землю. Родители Мэгги снабдили ее хорошим здоровьем. После тяжелого дня ум ее был ясен. Она сделала все, чтобы ослабить тягостное ощущение, вызванное гибелью троих людей. Она собрала всех на танцы. Мэгги подготовила все для миссии Тинки, организовала охрану лагеря и разгрузку кораблей. Она начала еще множество важных дел и постаралась привлечь на свою сторону Дэнни Дэйлхауза. Это было личное дело, но тоже важное. Мэгги всегда думала о перспек-

тиве, старалась предвосхитить события. Если в будущем на Джеме должны будут сформироваться супружеские пары, Дэнни, пожалуй, лучшая кандидатура для этого. Мэгги с некоторых пор была убеждена, что здесь она делает то дело, ради которого рождена. И самое главное — это делать его ПРАВИЛЬНО. А что может быть важнее, чем правильное начало. Никаких фальстартов. Люди счастливы, когда у них много работы. А когда много времени, надо организовать развлечения. Джем принадлежит им, и они должны тут жить и работать.

Ожидая, когда кончится ча-ча-ча, она обдумывала следующий день. Первый корабль уже разгружен, и можно начинать его размонтировать на две части и установить в необходимых местах на границе лагеря. Дэйлхауз или Капелюшников? Пожалуй, русский должен сопровождать Тинку в лагерь Гризи. Его даже можно кратко посвятить в тонкости ее миссии. Нужно организовать рабочую команду для монтажа фермы. Через две недели она должна знать все о каждом члене экспедиции.

Ча-ча-ча закончилась, и кто-то выключил магнитофон, посмотрев на Мэгги. Та кивнула и встала.

Шум и смех стихли. Сто лиц повернулись к ней. Она улыбнулась, ожидая полной тишины. Они выглядели точно так же, как слушатели в Уэст-Пойнте, как представители в Палате Общин Сената США, как любые слушатели, перед какими она когда-либо выступала. Она всегда могла сделать так, что слушатели полюбят ее, и поэтому она любила их.

— Приветствую вас, дорогие друзья, на первых танцах Экспедиции Блока Продовольствия. Я — полковник Марджори Меннингер, США, командир лагеря. Некоторые из вас уже хорошо знакомы друг с другом. Остальным еще только предстоит знакомиться, так как вам ничего другого не остается. Об этом я не беспокоюсь. Вы ведь прекрасно подобранная команда.— Она позволила себе обвести взглядом всю аудиторию. Она с юмором добавила:— Хотя вы сами не знаете об этом— Послышался смех.— Так что теперь давайте знакомиться. Гай! Сант! Где вы?— Она представила всем Три и Сантадгело, вышедших вперед.— Тепер! Бинс Кудахти. Ты где? Бинс наш математик, и к тому же капеллан. Он согласился быть капелланом нашей миссии, хотя учился в Фордхэме. Так что, если кто из вас захочет пожениться, у Бинса есть право узаконить ваши

отношения.— Снова смех.— Он не много старомоден, но для его обязанностей это необходимо. — Снова смех, но уже с нотками неуверенности.— А если у вас возникнут некоторые сложности с женитьбой, то вам нужно встретиться с Чичи Аркашвили. Чичи! А, вот она, наш доктор. Постарайтесь обойтись без нее в течение двадцати четырех часов, так как ей нужно развернуть свой кабинет. А потом она будет готова принять любого из вас.— На этот раз смеха не было. И Мэгги ждала этого. Она дала время всем осознать сказанное и продолжила: — Как вы видите, мы планируем создать здесь постоянную базу, так что большинство из вас останется на планете навсегда. Для тех, кто решится остаться здесь и создать семью на Джеме, я предлагаю специальный приз. Тысяча нефтедолларов за первого официального ребенка, родившегося в лагере. И имя ему будет Марджори — в честь меня, вашего первого начальника.— Она подождала аплодисментов и закончила: — А теперь — танцы!

Загремела музыка, Мэгги спрыгнула на площадку, схватила первого попавшегося мужчину и закружилась с ним в танце.

Следующие полчаса Мэгги играла роль хозяйки бала, и это ей очень шло. Она танцевала с мужчи-

нами, которые жались по уголкам, она следила, чтобы музыка не прерывалась, чтобы выпивка все время была на столах. Она очень хотела, чтобы недовольных не было на этом празднике.

Завтра будет время, чтобы подумать о том, что нужно сделать для будущей жизни здесь. А сейчас все шло хорошо. При любой возможности она разговаривала с тем или иным человеком о том, что нужно сделать. Это привело ее в хорошее настроение, и она по-настоящему наслаждалась танцами. Она пила с теми, кто пьет, курила с теми, кто курит, и танцевала со всеми. Все шло хорошо. Тинка предупредила ее, когда настанет время прекратить танцы. Мэгги танцевала, веселилась и внимательно наблюдала. Из своих наблюдений она извлекла только одно: что все идет нормально. Все развивается так, как она и рассчитывала.

Она прошла по кругу, кивая, улыбаясь. Тинка шла за ней, сунув руку в карман и внимательно глядя на нее. Она была готова к действиям в любой момент. Мэгги взглянула на нее и покачала головой. Сейчас она была полностью счастлива и расслаблена. Ей ничего не было нужно. Однако у нее были и свои личные проблемы. Подойдя к доктору, она шепнула ей на ухо:

— Ваши холодильники готовы принять сперму и яйцеклетки, док? Мне кажется, что я готова сделать свой вклад.

— Завтра к полудню мы будем готовы,— пообещала Чичи Аркашвили.— Но, судя по тому, как часто молодые люди и девушки скрываются в кустах, нам вряд ли это понадобится.

— Лучше подготовиться на всякий случай. Иначе, когда придет время, будет поздно.

Если бы Мэгги имела возможность, она привезла бы с Земли бочку спермы и бочку яйцеклеток. Ибо только с таким генофондом можно рассчитывать на стабильное и здоровое потомство. Но она еще не была готова послать такое требование на Землю. Тем более, что на таком расстоянии весомость ее аргументов была ограничена.

Невдалеке от нее сержант Свеггерт, прибывший на первом корабле, домогался любви болгарской девушки Димитровой. В обычное время Мэгги не стала бы вмешиваться, но сейчас Димитрова была ей нужна для одного дела.

— Тинка,— бросила она через плечо.

— Да, мэм.

— Оставайся рядом,— Мэгги подошла к спорящим, и те сразу замолчали.— Простите, что прервала вашу беседу,—сказала она.

Димитрова посмотрела на нее.

— Прерывать нечего,— сказала девушка.— Сержант хочет мне показать нечто, что я не хочу видеть.

Мэгги улыбнулась.

— Ты извинишь нас, сержант? — Когда он отошел достаточно далеко, чтобы не слышать их разговор, она спросила:

— Как насчет индонезийского языка, Димитрова?

— Индонезийского? Это не мой язык, но документ я могу перевести вполне удовлетворительно.

— Мне не нужно переводить документ. Мне надо знать, как казать: "Доброе утро. А где поле для бейсбола?"

— Что?

— О, черт! Только скажи, как произнести это!

Ана колебалась, а затем сказала:

— Селемат паги. Димана лапинган бейсбол?

— Хмм,— Мэтти задумалась, взглянула на Тинку. Та пожала плечами.— Хорошо. Запиши мне эти слова. И еще: "У тебя есть карта?"

— Саудара пунджа пэта.

— Слышишь? — спросила Мэгги у Тинки.— Не уверена? Димитрова, ты все запишешь для нее.

Ей показалось, что болгарка будет возражать, но та кивнула и Мэгги с Тинкой отошли от нее.

Сержант Свеггерт издали смотрел на них со спокойным интересом. Мэгги засмеялась.

— Ну что, сержант, хочешь пригласить меня на танец? Или ты хочешь показать мне ту маленькую штучку, которой пытался соблазнять Димитрову? Кстати, судя по твоей комплекции, она не такая уж маленькая.

— Черт побери, полковник, вы заставляете меня краснеть.

— Ну ладно, Свеггерт,—добродушно сказала Мэгги.— Ты неплохой парень, но сейчас не время для твоих вожделений.

— О, полковник, здесь совсем другое дело! Тут в лагере есть прирученные шаристы! Это очень интересно!

— Да? — Мэгги посмотрела на него более внимательно и поняла, что им действительно владеют не плотские вожделения. — И тоже посмотрю,— сказала она.

Мэгги последовала за сержантом из палатки и увидела шариста, который был привязан и пел мягкую и скорбную песню. Он был гораздо больше по размеру, чем та самка, которую она видела в Детрике.

— Что он говорит? — спросила она.

Сержант сделал строгое лицо и ответил:

— Не знаю, мэм. Хотите поближе посмотреть? Потяните за веревку.

Мэгги задумчиво посмотрела на него, но сержант был прав это было интересно. Она потянула за веревку:

— Черт! Это существо очень сильное. Эй, Свеггерт, что ты делаешь?

Сержант наклонился и вытащил что-то из-под брезента.

— Просто факел, мэм.

— И что ты будешь делать с ним?

Он лукаво улыбнулся.

— Я никогда не видел, но ребята говорят, что это любопытное зрелище. Надо просто поджечь мешок с газом.

Мэгги взглянула на печальное сморщенное лицо шариста.

— Сержант,— сказала она угрюмо,— подожги этот чертов факел.

— Это приказ, мэм?

— Подожги! — крикнула она.— Или...

И он поджег...

Глава 15

Через четыре дня Анна наконец получила разрешение связаться по радио с лагерем Пипов. Когда дежурный просигналил: "Давай!", она взяла микрофон и заговорила на урду:

— Ана Димитрова из Экспедиции Блока Продовольствия. Я хочу говорить с Ахмедом Дуллой.

Дежурный выключил микрофон и сказал:

— Теперь ждите. Для ответа нужно минут десять.

— Разве я не могу говорить прямо с доктором Дуллой?

— Только не с Пипами, мэм. Мы передаем сообщение, они передают ответ. Если захотят.

— Ужасно. Я подожду на улице.— Выходя, она добавила:— Позовите меня, когда придет ответ.

— Заметано.

Какая глупость, думала она, усаживаясь в позе лотоса под тускло-багровым сиянием Кунга. Десять минут! Но она ждала гораздо дольше, чтобы получить возможность услышать голос Ахмеда. Так что этот срок совсем не такой страшный, как ей показалось вначале. В лагерь Пипов недавно

прилетел корабль, маленький, конечно, но, по крайней мере, Пипы теперь уже не будут столь беспомощны и зависимы от других колоний.

Вокруг лагеря Аны кипела работа. Был очищен и засеян почти гектар земли на склонах холмов, уже были установлены столбы с лампами дневного света. Монтировался солнечный генератор, уже действовал небольшой, но надежный атомный генератор.

Ана была лучшим из трех переводчиков экспедиции, а со времени исчезновения Харриет, единственной, которая смогла бы постигнуть все тонкости незнакомых языков. Язык кринпитов она знала не в совершенстве, но было ясно, что практики здесь у нее будет мало. Что касается подземников, то она провела много времени с Джимом Моррисеем, который, видимо, считал эти существа полностью принадлежащими себе. Микрофоны, которые он устанавливал в туннелях, не доносили ничего, кроме шорохов, повизгивания, а по большей части их просто воровали.

Но с шаристами у нее дела шли хорошо. Она работала в тесном сотрудничестве с доктором Дэйлхаузом, но только по радио, так как ее охватывал страх при одной мысли подняться в небо с

помощью такой ненадежной штуки, как воздушные шары. Русский пилот с Тинкой улетели на воздушных шарах с каким-то идиотским секретным поручением, а ее вызвали по радиорубке и направили в маленький госпиталь, где ей было нечего делать, так как еще не было пациентов.

И все же. Несмотря ни на что, невзирая на ее тревоги и неудобства жизни, она была всего в нескольких сотнях километров от Ахмеда! Не говоря уже о том головокружительном ощущении, то она на Джеме! На другой планете! Под другим светилом! Так далеко от дома, что даже Солнце не видно в багровеющем небе Джема! Она еще не рискнула выйти в джунгли (хотя другие уже ходили, вернулись в целости и сохранности, потрясенные странностью и загадочностью нового незнакомого мира). Она даже не купалась ни в озере, ни в море, хотя искушение было слишком велико. Она даже не захватила купальный костюм, а времени, чтобы его сшить, еще не было. Поэтому она не валялась с остальными на пляже возле моря. Правда, она с завистью смотрела, как они весело плещутся в воде. Предполагалось, что они работают на сборке гидроплана, который стоял у берега.

Ну и что, подумала она. Что в этом такого?

Совсем не ее дело, если некоторые люди имеют совсем другие моральные стандарты. По крайней мере до тех пор, пока это не будет ущемлять ее права. А в такой жаре очень приятно искупаться...

— Димитрова!

Она подскочила и вбежала в радиорубку, чтобы увидеть ответ. Но на ленте были слова: "В настоящее время Ахмед Дулла отсутствует. Послание будет передано ему сразу при прибытии его в лагерь".

На английском. С неправильными выражениями. Видимо, в лагере Наследника Мао плохой переводчик. Она поблагодарила дежурного, скрыв свое разочарование, и побрела к забору, окружавшему лагерь. Черт побери, как можно работать, если у нее нет возможности удовлетворить самое большое свое желание.

Да, очень жалко. Где же он может быть?

Она почувствовала, что у нее снова начинается головная боль. Хлопоты и возбуждение прибытия на планету отодвинули головные боли на задний план. Ана не имела времени думать об этом. И вот снова. Ана была деятельна по натуре и считала, что безделье вовсе не излечивает головную боль, а лишь усугубляет ее. Что же делать? Если

бы у нее был подходящий костюм, она с удовольствием присоединилась бы к тем, кто собирает гидроплан. Или пошла бы на склоны, где работали сельскохозяйственные рабочие, но она не умела водить трактор. Солнечный генератор? Она не понимала в этом деле ничего, но она была сильная и хотела работать. Почему бы и нет?

К несчастью, она увидела среди работающих там сержанта Свеггерта.

Она сразу повернулась и пошла прочь.

Она избегала Свеггерта с той самой ночи, когда она вернулась с Тинкой, слугой полковника, и застала Мэгги и сержанта в весьма недвусмысленном положении. Нан сразу повернулась и убежала, вся красная от смущения. И в лагере не было никого, с кем могла бы поделиться. Тинка говорить не будет, сержант — более. А полковник... Ана осознала, что она не понимает полковника Мэгги Меннингер. Избегать полковника она не могла, женщина ни словом не обмолвилась о том, что было. Эта гордая американка отдается человеку, который социально намного ниже ее. Может, в этой похоти виновата вся атмосфера Джема, которая действует возбуждающе. Она слышала разговоры о тех оргиях, которые вызываются спермой шаристов.

Ана вдруг поняла, что очутилась возле пропускного пункта возле забора и сразу осознала, что она хочет сделать.

— Я хочу прогуляться,— сказала она охраннику. Тот пожал плечами и безразлично смотрел, как она прошла через ворота и оказалась за колючей проволокой ограждения.

Через некоторое время лагерь исчез из виду.

Если она не может видеть Ахмеда, то, по крайней мере, она может посмотреть Джем. Она пробиралась через фиолетово-масляничные заросли и постоянно прислушивалась. Шелест листьев на ветру, потрескивание стволов. Здесь не было диких животных, которые могли бы причинить ей вред. Здесь, вблизи лагеря, вовсе не было животных. Некоторые ушли отсюда, другие погибли, отравившись отходами пищи людей. Земная биохимия была столь же враждебна жителям Джема, как биохимия Джема враждебна землянам. Однако у обитателей Джема не было своего Камп Детрик, где бы они могли приспособиться к новым условиям и сделать необходимые прививки.

Однако даже то, что устояло перед натиском земной цивилизации, было чудесно и загадочно.

Ана остановилась и огляделась. Здесь невоз-

можно заблудиться, заверила она себя, ведь море постоянно находится слева. В любой момент можно спуститься к берегу и вернуться в лагерь.

И выбиться из сил тут тоже нельзя, так как уменьшенная сила тяжести позволяет легко перепрыгивать через коряги и камни. Только бы не разболелась очень сильно голова. Но что это за звук?

Как будто кто-то простонал, и затем на высохшую корягу упала палочка. Такие звуки, записанные на магнитофон, она слушала. Кринпиты, да! Возможно, не социальная раса. Возможно, это дикий кринпит-одиночка, очень опасный...

Внезапно сзади послышался голос человека:

— Ана, тебе не страшно быть одной в лесу?

На урду! И с такой сдержанной страстью, какую она слышала раньше! Прежде чем она повернулась, она знала, что это Ахмед.

Часом позже она лежала в его объятиях, боясь пошевельнуться, чтобы не разбудить его. Звуки кринпитов были слышны все время — то близко, то в отдалении. Она улыбнулась про себя, подумав, что кринпит был свидетелем того, как они занимались любовью. Ну и ладно. Никакого стыда в этом нет. Ведь это совсем не то, что было у развратной блондинки-американки. Ведь это

же был Ахмед.

Он шевельнулся, всхрапнул и проснулся.

— А, Ана! Значит, это не сон?

— Нет, Ахмед.— Она колебалась, затем мягко сказала: — тот сон я видела так часто... Нет... нет... подожди, Ахмед... не сразу... дай мне посмотреть на тебя. Ты так похудел. Ты был болен?

Черные глаза подернулись грустью.

— Болен? Да. И иногда я голодал.

— Почему? Какой ужас...

— Почему голодал? Но это так просто. Потому, что ваши люди уничтожили наш транспорт.

— Но это невозможно.

— Это возможно потому, что было. Пища на много дней, научные инструменты... и тридцать пять человек, Ана.

— Должно быть, это случайность.

— Ты очень наивна.— Он поднялся, рывком натянул брюки.— Я не обвиняю тебя, Ана. Но преступление случилось, и кого-то нужно обвинить.— Он исчез за деревьями, и через минуту она услышала, как он мочится в кустах.

И снова звуки кринпитов. Совсем рядом. Если бы она побольше занималась в Детрике кринпитами...

Она позвала:

— Ахмед...— и услышала его смех.

— О, Ана, мой друг напугал тебя? Он не причинит тебе вреда. Мы для него несъедобны.

— Я не знала, что у тебя такие друзья.

— Нет, мы не друзья. Но я враг его врагов, так что мы союзники. Иди, погуляй, Шарн-игон,— сказал он, как будто обращался к домашнему животному.

Он вышел из кустов, и за ним появилось кошмарное существо. Ана никогда не видела близко взрослого кринпита и не предполагала, насколько они огромны и насколько громки их звуки. Он остановился, казалось, разглядывая Нан, хотя глаз у него не было. Среди странных звуков она разобрала слова на урду:

— Это та, чтобы умереть?

— Нет, нет,— быстро ответил Ахмед и заговорил на непонятном языке. Ана не могла понять ни слова.— Я сказал, что ты моя жена.

— Жена?

— Да. У них очень богатая сексуальная жизнь.

— Пожалуйста, Ахмед, я не расположена шутить. Кринпит сказал "умереть", что это значит?

— Ты наивна,— задумчиво сказал Ахмед. Затем пожал плечами. Он не ответил, но развернул тряпку, показав тот предмет, что был у него в

руках. Это было широкое плоское металлическое лезвие, острое, как бритва. Рукоять была приспособлена под ладонь человека.

— Ахмед, это же меч!

— Мачете. Но ты права, сейчас это меч.

— Ахмед,— сказала она. Сердце ее отчаянно билось в груди.— Несколько дней назад были убиты три человека из нашего лагеря. Я думала, что это случайность, но теперь я так не думаю. Ты знаешь что-нибудь об этом?

Он вонзил мачете в землю.

— Ол райт, если ты хочешь знать, я скажу. Нет, не я убивал их. Но я знаю о их смерти. И я не скорблю по ним и надеюсь, что многие из Жирных погибнут. А если понадобится, то я и сам помогу им умереть.

— Но, Ахмед... дорогой, милый, это же убийство! Хуже, чем. просто убийство, это война. Подумай, что об этом узнают на Земле... И там разразится война...

— Ну и что?— в ярости крикнул он— Что будет? Бомбардировка Пакистана? Пусть! Пусть они уничтожат Хайдарабад, Мултан, пусть бомбардируют Карачи и все побережье. Ты была там, Ана! Какую часть Пакистана они уничтожат? Что бомбы могут сделать в горах? Народ выживет. По-

гибнет правительство, интеллектуалы, торговцы, промышленники — да! Погибнут все кровососы, ну и пусть! Народ в горах останется жить.

Она молчала, напуганная его словами, ища слова и не находя их.

— Но...—наконец сказала она.— Только не злись на меня. Но какой во всем этом смысл?

— Ты разве не понимаешь? Что нам делать? Дать им возможность уморить нас голодом? У нас один маленький корабль, а у них? Целый флот! И если война распространится...— Он колебался, затем крикнул: — Пусть! Пусть все богачи перебьют друг друга. Нам-то что за дело! Вспомни: шесть из десяти живущих на Земле — наши! Если после войны на Земле выживет миллион, то шестьсот тысяч — граждане Народной Республики. А здесь...

Она покачала головой, чуть не плача:

— А здесь? Тоже шестьдесят процентов?

— Нет. Больше. Если на Сыне Кунга кто-либо выживет, то наши— сто процентов.

Глава 16

Началось время дождей. Мощные облака неслись по небу по Направлению к Полюсу Тепла, где на землю обрушивались дожди, не долетающие до земли. На высоте двух километров они превращались в пар. Стая рассыпалась по небу на площади в один километр и распевала нестройным хором.

— Терпение, терпение,— внушал им Чарли.— Мы должны оставаться тут, мы должны оставаться.

И стая повторяла:

— Мы должны остаться.— Но песня была печальной.

Чарли обещал двуногому другу, что они будут оставаться над станцией в ожидании некоторых странных и непонятных событий. Но ему было крайне неприятно, что стая находилась в таком беспорядке. Он почти физически ощущал дискомфорт. Место, за которым он обещал следить, находилось недалеко от лагеря Большого Солнца. К лагерю нельзя было слишком близко подлезть. Многие из его стаи были поражены огненными

стрелами из того лагеря. Дэйлхауз сказал ему, что это трудное задание. Но он также сказал, что оно чрезвычайно важное.

Чарли внимательно осматривал весь горизонт. Никаких признаков появления самолета, которого он ждал. Но он заметил тонкие серебряные нити, плывущие по небу. Он запел песню сбора стаи и спустил газ.

Стая последовала за ним, опускаясь до уровня, где ветер подхватил их и понес от дождя к этим приятным серебряным нитям.

Песня стаи стала довольной. Они находились у вершин невидимых столбов поднимающегося воздуха, где можно было найти лучшую пищу: мелких насекомых, споры и семена растений и многое другое. Стая начала кормиться. Раньше это было лучшее время для нападения хайхэй, которые вонзались в стаю, нанося смертельные удары направо и налево. Но так было раньше. Чарли запел хвастливую песню в честь его друга Дэнни, который дал им оружие, поражающее хайхэй за сотню облаков! Не только все самцы, но даже некоторые самки теперь были вооружены. Хайхэй научились опознавать стаю Чарли и держались от нее подальше.

В небе самолета все еще не было, в лагере

Большого Солнца тоже не происходило ничего необычного. Чарли расслабился и тоже стал есть.

Однако глаза его постоянно просматривали весь горизонт. Но ни аэроплана, ни Нового Друга, который должен был подняться в воздух, не было. Они дрейфовали вместе с облаками, удаляясь от лагеря Большого Солнца.

Многие уже насытились и распевали песни благодарения. Хорошая стая, подумал Чарли.

Он запел:

— Хватит кормиться, хватит кормиться. Нужно лететь!

— Куда лететь? Куда лететь? — послышались голоса тех, кто еще не успел наесться. Они начали жаловаться, что должны еще поесть, иначе погибнут.

— Потом, потом! — скомандовал Чарли.— Летите за мной.— И он запел новую песню, песню долга, которой научил его Дэнни. Когда слышалась эта песня, нужно было забыть обо всем, кроме того, что существует станция, за которой надо наблюдать.

А кроме того, следовало избегать лагеря Большого Солнца, следить за появлением хайхэй, держать стаю вместе. Столько обязанностей, как

новых, так и старых.

Долго он вел их, наблюдая за небом, как и обещал. И все же не он первый заметил это. Откуда-то сзади донесся голос старой самки: "Новая Небесная Опасность!"

— Громче! Громче,— потребовал он. Но голос был слабым. У старой самки осталось совсем мало газа.

Чарли поднялся на встречном потоке и тоже увидел.

— Я вижу Небесную Опасность! — пропел он, и стая подтвердила. Это была механическая вещь из лагеря Среднего Солнца. Он знал, что это летит Другой Друг, который часто летал с Дэнни, и Новый Друг, которого он никогда не видел.

Все было так, как сказал Дэнни. Биплан спланировал над деревьями и сел в десяти километрах от лагеря Гризи. Из самолета вышли Капелюшников и женщина и начали наполнять шары из маленьких баллонов.

Когда Новый Друг поднялся на шарах в воздух, самолет взлетел и повернул к далекому океану. Новый Друг нашел нужный поток и полетел прямо к лагерю Большого Солнца.

Чарли не осмеливался подлететь ближе, но он видел, как она спускала газ, приближаясь к лаге-

рю куда-то в лес. Все было так, как сказал Дэнни.

— Все сделано,— торжествующе пропел Чарли.

— А что теперь?— спросила стая, кружась возле него, после того, как исчез Новый Друг.

— Я спрошу воздух.— Маленькая нога включила передатчик, и он пропел песню приветствия Дэнни.

Он пропел дважды, вслушиваясь каждый раз, как учил его Дэнни. Ответа не было, только неприятный шум отдаленных разрядов.

— Нужно подлететь поближе к лагерю Среднего Солнца,— объявил Чарли.— Радио не может петь далеко.

Чарли быстро отыскал нужный поток воздуха и пропел:

— Летите!

Стая собралась вокруг него — все четырнадцать — и полетела за ним, знающим, куда лететь и что делать.

В полете они потеряли старую самку, у которой кончился газ, и она не могла держаться в воздухе. Исчезла также и одна из молодых самок. Так что, когда они прилетели к лагерю Среднего Солнца, их осталось всего двенадцать.

Мэгги Меннингер смотрела, как в ее служебный кабинет вошел Капелюшников.

— Есть сообщение?—спросила она.

— Дэнни получил радиограмму от своих газовых мешков: "Ваш друг спустился поблизости от лагеря Гризи. Все в порядке".

— Когда?

— Кто знает? Может, несколько часов назад. Вскоре после того, как я покинул место высадки шпиона.

— Ол райт. Благодарю.

Когда Капелюшников вышел, Мэгги хотела позвонить в радиорубку, но потом передумала. Если поступят сведения, дежурный сообщит ей и так. Как будут вести себя Гризи? Поверят ли они, что Тинка очутилась у них случайно? Может она...? А может...? Вопросы бесконечно множились в голове Мэгги, а ответов на них у нее не было.

Но Мэгги Меннингер не привыкла к такому состоянию. Она на человеком действия, она принимала решения. Ровно через час радист запросил лагерь Гризи, а пока ей нужно подождать. Она решила просмотреть список дел на день.

На сегодня она сделала пятнадцать отметок в календаре. Все намеченное шло по расписанию, каждый получил четко сформированные задания. Посевы зерна шли по плану, границы лагеря тщательно охранялись и укреплялись. Мэгги по-

смотрела на крупномасштабную карту, которая занимала всю стену ее кабинета. Обозначения ручьев, высот явно были недостаточно информативны. Нужно дать им названия. Но это потом.

Вошел дежурный.

— Мэм, сержант Свеггерт хочет видеть вас. Говорит, что дело не очень срочное.

Мэгги написала на календаре: "Свеггерт".

— Я скажу, когда смогу принять его.

Она еще не знала, как поступить со Свеггертом. У нее был широкий выбор возможностей: от высмеивания его до обвинения в изнасиловании. И что она выберет, будет зависеть от самого Свеггерта. Пока что он вел себя достаточно разумно.

Но с другой стороны ее авторитет в лагере пока что был основан только на военной власти, которую дала ей Земля. И кто знает, долго ли еще Земля будет поддерживать ее. И долго ли будет существовать колония. Вести с Земли были плохими, что она даже не распространяла их среди колонистов. Во всяком случае, ее предупредили, что подкреплений и кораблей снабжения в ближайшее время не предвидится.

Она ждала этого, и тем не менее это ее насторожило.

В своем блокноте она сделала две записи: "Ме-

дицинский Банк. Пища на шесть месяцев".

Очень жалко, что агрономом была канадка. Мэгги нужны были верные и надежные помощники на таком ответственном участке. Ведь урожай — это вопрос жизни и смерти, а к тому же Мэгги не хотела, чтобы в лагере это знали. По крайней мере, пока.

Впрочем, с этим можно пока подождать. Прошло сорок минут. Мэгги достала из ящика стола сигарету, закурила. "Свеггерт!"

— Джек, пригласи сержанта сюда,— крикнула она.

— Есть, мэм. Он ушел на пост, но я пошлю за ним.

Мэгги откинулась на спинку кресла, обдумывая линию поведения со Свеггертом. И тут зазвонил телефон. Это был дежурный с радиостанции.

— Полковник? Я только что говорил с Гризи о сержанте Пеллатинке.

— Я тебе не приказывала этого.

— Да, мэм. Но я постепенно посылал вызов на ее частоте, как было сказано. Их радист ответил мне. Он спросил, не потеряли ли мы ее. Я сказал, что сержант не отвечает на вызовы, и Гризи сообщили, что они вышлют поисковую партию в окрестности лагеря.

Мэгги села прямо, сделала глубокую затяжку. Судя по словам шаристов, Гризи не могли не видеть посадку сержанта. Значит, сейчас они нагло солгали.

Сержант Свеггерт был во многом схож с Мэгги Меннингер. Если он видел, что что-то плохо, то он не жалел ни сил, ни энергий чтобы это исправить, сделать лучше. И когда он увидел, что если третий пулемет переместить на два метра к озеру, то зона обстрела намного увеличится. Он приказал своим людям сделать это. На работу ушло почти пять часов, зато теперь, припав к прицелу пулемета, он был удовлетворен.

Он видел, что все пространство простреливается и никто не сможет подойти к лагерю незаметно.

Все боеприпасы были разложены по местам, телефон подключен и проверен, прожекторы установлены. Прожекторы будут периодически включаться и сканировать всю территорию вдоль границы. Во время боя многие прожекторы будут уничтожены врагом, но в лагерь никто не пробьется живым.

Правда, Свеггерт прекрасно понимал, что прямой атаки на лагерь не будет. Может быть нападение с воздуха. Может быть ракетный обстрел.

А может, и ничего не произойдет. Если спросить его, сержанта Свеггерта, то война здесь была бы безумием. Из-за чего драться, когда в этой чертовой дыре нет ничего, даже самого маленького города. Да, он так и сказал бы, если бы его спросили, но такой ответ ни в коем случае не остановил бы его, если бы драться все же пришлось.

В глубине души он трусил. Почему полковник заставляет его ждать? Если она собирается расправиться с ним, то чего она ждет?

— Сержант,— он повернулся.— Вас вызывают к полковнику.

— Агги, прими командование,— приказал он,— если к моему приходу не будет все в порядке, вы пожалеете.

Он подбежал к палатке командира и вошел в нее. Мэгги Меннингер что-то ела и читала микрофильмы. Она не подняла глаз.

— Граница должна хорошо охраняться, сержант,— сказала она.— Ты установил пулемет?

— Да, мэм. Поблизости летает стая газовых мешков. Может, мы вызовем снова у них извержение?

Она отложила ложку и посмотрела на него.

— Что значит "вызовем", сержант?

— О нет, мэм! — Боже, она оскорбилась. Сер-

жант понял, что серьезные неприятности очень близки.— Я ничего не имел в виду, мэм, кроме того, что дела идут сложно и людям нужно расслабиться. А как можно проще расслабиться, чем не в сексуальном наслаждении?

Она долго рассматривала его.

— Хорошо, сержант, только будь сдержаннее на язык.

— Конечно, полковник. Есть, полковник.— Он буквально вылетел из палатки. Черт, чуть не вляпался. Но если бы он не был пьян, он не осмелился бы на такое. Но, черт побери, дело стоило риска. Вспомнив, как искусно она отдавалась ему, одурманенная извержением шариста, он ощутил возбуждение.

Вернувшись на свой пост, он с разочарованием посмотрел на своих людей. Капрал Кристианидис была слишком костлявой, но все равно лучшего у него не было под рукой. — Агги, возьми Петтерсона и еще четверых. Будьте на посту, пока мы немного развлечемся. Крис и вы, остальные, пойдете со мной. Те, кто не хочет идти, можете заменить тех, кто не хочет оставаться. Идемте.

Свеггерт прошел со своим отрядом к пустым палаткам на краю лагеря. Он мог бы заняться этим и на открытом пространстве, на глазах у всех, но,

черт побери, если есть возможность, почему бы и не использовать палатку, чтобы укрыться.

Свеггерт остановился. Нан Димитрова и Дэйлхауз разговаривали со связанным шаристом, который доставил столько приятных минут Свеггерту с полковником. В нескольких метрах отсюда пилот Капелюшников жаловался на что-то полковнику Три. Черт побери, это некстати. Но у него было разрешение Меннингер, а он считался только с нею. Он вытащил фонарь и направил луч на трепещущее существо.

— Что ты делаешь, сержант? — крикнул Дэйлхауз.

— Хочу немного развлечься. Полковник сказала свое о'кей.

— Мало ли что она сказала!

— Если вы не верите мне, можете спросить у нее самой. Не подвинитесь ли, сэр, вы заслоняете свет.

Ана Димитрова положила руку на плечо Дэйлхауза, который хотел резко ответить.

— Для шариста это вовсе не развлечение, сержант Свеггерт. Вызывать сексуальный всплеск насильно — это причинит боль и страдание. А это существо и так страдает. Оно может умереть.

— Ну и что, Ана?— ухмыльнулся Свеггерт.— У

меня разрешение полковника. Присоединяйтесь и вы к нам. Дэйлхауз, что вы делаете?— Дэйлхауз включил радио и запел в микрофон. Полковник Три подошел к ним, и Свеггерт обратился к нему.

— Полковник, у нас есть разрешение Меннингер вызвать извержение спермы, а этот парень хочет помешать мне.

Три заложил руки за спину и сказал тонким детским голосом.

— Это будет интересно посмотреть, как это они делают.

Шаристы разлетелись по небу в полном беспорядке. Они пели громко, но не в лад. Их голоса доносились с неба и звучали из динамика Дэйлхауза. Свеггерт стоял неподвижно, стараясь унять ярость, зревшую в нем. Черт бы побрал этот Клонг. Здесь мало даже разрешения командира! И полковник Три не поспешил поддержать его.

— Черт бы вас побрал,— прорычал он.

Но внезапно выражение лица Дэйлхауза изменилось. Он пропел короткую фразу. Ответ пришел каскадом музыкальных трелей. Дэйлхауз замер. Ана Димитрова ахнула.

— Три,— сказал Дэнни, обращаясь к полковнику— Чарли сообщает, что на пляже кринпиты, которые едят двоих людей.

— Но кринпиты не едят людей,— заметил полковник.

А Свеггерт крикнул:

— Там никого не может быть. Периметр надежно охраняется.

Дэйлхауз переспросил Чарли и, получив ответ, пожал плечами.

— Так он говорит. Может, он ошибается насчет съедения. Я думаю, он не понимает убийства просто так, только для еды.

Свеггерт погасил фонарь.

— Нужно доложить полковнику.

— Правильно,— сказал Три.— Дэйлхауз сделает это. А вы, сержант, соберите отряд в тридцать секунд. И в полном боевом снаряжении. Пойдем посмотрим, что там случилось.

Через полчаса Мэгги Меннингер во главе отряда в тридцать человек встречала возвращающихся полковника Три, сержанта Свеггерта и его людей. Они несли двоих людей. Один был на носилках, составленных из двух связанных плащей, второй висел на плече Свеггерта. Оба были мертвы. Когда Свеггерт положил свою ношу на землю, стало ясно, почему ему было легко нести. У человека не было обеих ног и части головы.

Второе тело было меньше изуродовано, и Мен-

нингер узнала ее сразу: Тинка.

Мэгги стояла неподвижно, пока Свеггерт докладывал. Кринпитов поблизости не было. Видимо, они ушли далеко, так как даже не было их слышно. Оба были уже мертвы, когда прибыл отряд, но тела были еще теплыми. У мужчины под одеждой был непромокаемый пакет. Мэгги взяла его, развернула. Документ, из которого ясно, что это индонезиец, к которому на контакт шла Тинка. Микрофильмы. Пара очков детского размера — не оптические: с плоскими стеклами. Как эти двое попали сюда? Может, их схватили как шпионов и они бежали? И как им удалось проделать такой большой путь от лагеря Гризи сюда, где они погибли?

Вернувшись в лагерь, она получила ответ на один вопрос. Дэйлхауз сказал, что шаристы видели дальше на берегу остатки резиновой лодки. Мэгги вертела в руках очки, слушая Дэнни и кивая. Она еще не была готова воспринять смерть Тинки как трагедию.

Она взглянула на очки повнимательнее. Они были не совсем прозрачными.

— Интересно,—сказала она почти нормальным голосом.— Должно быть, это фоточувствительные очки — Она посмотрела сквозь них на угольно-

багровое небо Кунга.— Только зачем они нужны на Джеме?

Глава 17

В шести километрах от берега, где он убил Ядовитых Привидений, Шарн-игон остановился и забился в щель под утесом. Ему нужно было спрятаться, чтобы отдохнуть.

Зарываться в землю было опасно из-за Нижних Привидений. Но здесь они вряд ли есть: слишком близко от воды. Они не любят, когда вода затопляет их туннели.

Устраиваясь поудобнее, Шарн-игон думал о своем союзнике Ядовитом Привидении Дулле. Он не ощущал к нему симпатии, какое он испытывал бы к дружественному существу. Он не считал Дуллу таковым. Дулла был для него всего лишь орудием. После того, как они убили Привидения, которых Дулла называл Гризи, они бежали, причем Дулла бежал быстрее и убежал дальше. Шарн-игон не считал это предательством. Если бы он был быстрым, а Дулла медленным, он поступил бы также. Полезность Дуллы, как орудия, заключалась в его скорости и в том, что он мог заговорить с привидениями, отвлечь их внимание от Шарн-игона, который приближался и

убивал. Ядовитые Привидения так легко убивать! Достаточно было нескольких ударов. Правда, у некоторых было оружие, и Шарн-игон научился уважать некоторые виды оружия. Но у этих двоих на пляже был только маленький пистолет, пули которого отскакивали от панциря. Этих двоих он смог бы убить и без помощи Дуллы.

Он подвигал панцирем, закапываясь глубже в свое убежище, и затих. Его органы слуха внимательно следили, не приближается ли опасность с воды или с суши, а тело его прослушивало вибрации земли, чтобы заметить приближение Привидений Снизу. Этих он боялся больше всего.

Разумеется, при нормальных обстоятельствах, его панцирь был бы надежной защитой от привидений. По крайней мере, до тех пор, пока он был на поверхности земли. Приведения снизу редко выходили на поверхность, так как здесь они были глухи и слепы.

Но обстоятельства не были нормальными: Шарн-игон не просто устал, он был болен. Он был готов к тому, чтобы вылезти из панциря и сменить его. Но сейчас не время, ведь рядом не было Чи-прюитт (ее панцирь давно засох), и некому было охранять его во время смены Панциря, когда он был совершенно беззащитен.

Внезапно его желудок опорожнился. Съеденная пища хлынула из него широким потоком. Это сделало его еще более слабым, но успокоило. Отдохнув немного, он стал чистить панцирь от нечистот. Несомненно, Ядовитые Привидения будут мстить за убийство на пляже. Немного мяса Привидений попало к нему в желудок, и это, отчасти, было причиной его плохого состояния. Да, с самого появления в его городе Ядовитые Привидения причиняли ему только горе, они изгнали радость из его жизни.

Кринпиты не плачут. У них нет ни слезных желез, чтобы производить слезы, ни глаз, чтобы испускать их. У них нет чувства жалости и нет социальных табу, чтобы запретить выражать свое горе любым способом.

Через час он очистил панцирь от последних остатков чужой крови. Шарн-игон делал это в полной тишине, лишь изредка раздавался стон или удар клешни о панцирь.

Звуки более счастливых времен роились в его мозгу. Он слышал снова Чи-прюитт, маленькую самку, с которой он предавался радости и которая родила маленького кринпита. Это было сладчайшее существо...

Как все изменилось теперь!

И в этом виноваты Ядовитые Привидения. С тех пор, как появились они и как погибла Чи-прюитт — зря она ела этих пришельцев,— мир Шарн-игона развалился на части. И не только из-за Чи-прюитт. Кринпиты, которых он поднял против Ядовитых Привидений, которых Дулла называл Гризи, понесли жестокую кару. Их деревня была атакована с воздуха. Многие кринпиты погибли. А скольких он смог убить в отместку? Очень мало. Двоих на берегу. Еще нескольких, которых он и Дулла застали врасплох на удаленной станции... Очень мало! И все планы Дуллы провалились. Деревня кринпитов, которых они пытались склонить к нападению на лагерь Жирных, не сдержала своего обещания. Он и Дулла долго выжидали возможности напасть, но так и не нашли ее. Пока эти двое не приплыли на резиновой лодке...

С воды послышался звук.

Шарн-игон замер. Он старался не дышать, чтобы производить как можно меньше шума. Он прислушивался и услышал слабое, еле уловимое эхо, отраженное от воды. Лодка. И в ней Ядовитое Привидение.

Еще одно, чтобы умереть? Оно приближалось. Шарн-игон выбрался из укрытия, готовясь к на-

падению, и тут услышал свое имя. А затем имя своего союзника: Ахмед!

Шарн-игон пополз по песку, готовый, как приветствовать своего союзника, так и убить его.

Дулла крикнул:

— Быстрее! Жирные обыскивают все побережье. Нам нужно бежать!

С Шарн-игоном на борту лодка передвигалась очень медленно. Она не могла утонуть, так как в ее ячейках было много воздуха.

Они плыли через Широкую Воду, постоянно наблюдая за воздухом, чтобы нападение Верхних Привидений не застало их врасплох. Маленький парус помогал им, но у лодки не было киля. Поэтому, когда ветер усиливался, им приходилось спускать парус и переходить на весла. Шарн-игон чувствовал себя отвратительно, и каждый удар волны причинял ему страдания.

— Если бы не вы, моя жена была бы жива.

— Ты дурак, Шарн-игон! Она же пыталась убить нас. Не наша вина, что она погибла.

— И моя деревня подверглась нападению. Еще одна деревня была уничтожена полностью. Я сам очень болен.

— Поговорим о чем-нибудь другом, Шарн-игон. Поговорим о том обещании, которое кринпиты

дали нам относительно нападения на Жирных. Они нарушили свое обещание.

— Во мне говорят горе и гнев, Ахмед Дулла.

— Поговорим о моем горе и гневе. Мы пострадали оба в борьбе против нашего общего врага.

— Пострадали?

— Да, пострадали. После того, как ты, по своей неуклюжести, уничтожил мое радио, я не слышу голосов своего лагеря и не знаю, живы они или нет. Может, они уже погибли!

— Сколько их, Ахмед Дулла?

— Больше десяти.

— А сколько погибло наших? Если считать самцов, то две сотни, а если считать и самок, и детенышей?

Они еще не переплыли Широкую Воду, как Шарн-игон услышал молчание города, который он считал средоточием всей трагедии. Из города доносилось только эхо.

Раньше город всегда издавал звуки — прекрасные звуки. Но теперь Шарн-игон не слышал ничего! Ничего! Он слышал только эхо своих собственных звуков, отражающихся от знакомых холмов, лодок, полуразрушенных зданий, пустых панцирей... И больше ничего.

Город был мертв.

Ядовитое Привидение Дулла что-то говорил ему, и Шарн-игон с трудом выделил слова:

— Еще одно нападение! Город пуст. Гризи вернулись, чтобы завершить дело.

Шарн-игон не мог отвечать. Тишина обрушилась на него, такая глубокая, что даже Ядовитое Привидение удивилось:

— Ты болен? Что случилось?

С огромным усилием Шарн-игон ответил:

— Ты уничтожил мой город и моих друзей.

— Я? Нет! Не я и не люди Народной Республики. У нас нет столько сил, чтобы сделать это. В этом повинны Гризи!

— От которых ты поклялся защищать нас! — Шарн-игон поднялся на ноги, зависнув, как башня, над Дуллой. Тот вскрикнул от страха. Но Шарн-игон не напал на него. Он выбросился из лодки. Здесь было мелко. Шарн-игон встал на илистое дно, чтобы его дыхательные отверстия были над водой. Он пошел к берегу, вспенивая воду. Трагедия поразила его. Мертвы! Все мертвы! Улицы пусты, только высохшие панцири валяются на них. Дома пусты. Нет ни самцов, ни самок, ни детей.

Дулла звал его из лодки, махая руками:

— Шарн-игон! Теперь мы братья по несчастью.

Больше чем раньше, мы связаны с тобой.

— Все мои братья мертвы.

Шарн-игон повернулся и прижал Дуллу к стене разрушенного здания.

— Мне нужны новые союзники, Ахмед Дулла.

Шарн-игон навалился на него. Дулла заметил опасность и попытался ускользнуть, но было поздно. Его скорости уже не хватало, чтобы увернуться от удара тяжелой клешней по голове.

Убедившись, что Дулла мертв, Шарн-игон оставил его и побрел между пустыми панцирями, которые когда-то были друзьями. Он остановился отдохнуть возле стены лавки, которую он раньше часто посещал.

Он чувствовал удовлетворение от смерти еще одного Ядовитого Привидения. Но боль подступила к нему внезапно. Конечности его болели, все тело болело, казалось, панцирь слезал с него. Ему еще было не время. Но оно наступило, в этом не было сомнения. Один, в открытом пространстве, которое когда-то было его домом, без кого-то рядом, чтобы позаботиться о нем, пока он был беспомощен, он начинал менять панцирь...

Глава 18

В час тридцать майор Сантангело вместе с пилотом третьего корабля вошел в палатку.

— Хорошие вести, Мэгги. На Плохих Холмах нашли уголь. В двух километрах отсюда. Кроме того, мы можем сжигать биомассу и дерево. Ричи сказал, что мы можем использовать для нагрева парового котла пластины одного из кораблей. Если прибудут турбины, то мы можем запустить генератор на полную мощность без использования резервов топлива.

— Когда?

Сантангело посмотрел на инженера:

— Десять дней? Пусть две недели.

— Пусть одна неделя,— рявкнула Мэгги.— А как насчет горючего для самолетов?

— Моррисей обещал провести ферментацию в самое ближайшее время.

— Хорошо, сказала Мэгги.

Когда они ушли, Мэгги взяла микрофон:

— Есть сообщения?

— Нет, мэм. Они еще на орбите и спускаются, затрачивая минимум энергии.

Она отложила микрофон. Ну что же, корабль снабжения на орбите, а не в сотне световых лет. Но последний маленький шаг затягивается. Капитан сообщил, что у него малы резервы для маневра и он ждет благоприятных условий для спуска. А это может длиться несколько дней. Однако это плохой знак! Если корабль отправили почти без резерва, значит дела на Земле обстоят неважно. Даже хуже, чем можно заключить из тактрановых радиограмм. Она посмотрела на часы: 1:45.

— Пришлите доктора Аркашвили,— сказала она. Вскоре привел доктор с чашкой дымящегося кофе.

— Вот кофе, Мэгги. Но было бы лучше немного поспать.

Мэгги понюхала напиток и с наслаждением отхлебнула:

— Скорее бы они сели,— сказала она. Среди того, что она заказала на Земле, были зерна кофе и семена, чтобы попытаться вырастить его здесь. Во всяком случае, следующие несколько лет будут без кофе. Вероятно, Гризи уже сумели получить первый урожай, но делиться они, конечно, не будут. Они уже сейчас ничего не дают, даже консультации по радио. Пипы вообще не отвечают.

В лагере пока что все здоровы, если судить по рапортам медиков. Антиаллергены действуют очень эффективно, а на Джеме больше нет ничего, что было бы враждебно организму человека. Так, ерунда: головные и зубные боли, аппендиксы...

— Только никаких операций,— сказала она резко.

Доктор задумалась.

— Все что угодно: таблетки, уколы, а чтобы предотвратить беременность — презервативы. Если кто-либо захочет иметь ребенка — искусственное оплодотворение. Как у нас с банком спермы?

— Прекрасно. Двадцать восемь яйцеклеток в криогенной камере и около сотни образцов спермы.

— Хорошо, но может быть лучше. Мне нужен стопроцентный охват. Если что-либо случится с кем-то, я не хочу, чтобы пропали его гены. Или ее. Это же не требует много места? Так что получи по четыре образца от каждого человека. Чему ты улыбаешься?

— Сейчас у меня есть две оплодотворенные яйцеклетки, так что мы можем хоть сейчас начать производство детей.

— Хмм,— задумчиво сказала Мэгги — И от кого

же они? Говори, не стесняйся, я же командир.

— Одна от Аны Димитровой.

— Черт! И чей же ребенок?

— Можешь спросить ее, если хочешь. Я не спрашивала.

Мэгги изумленно покачала головой.

— Я меньше всего считала ее способной на это. А вторая? Погоди! Не можешь быть, чтобы я... Я же принимала таблетки..

— Таблетка не предохраняет яйцеклетку от оплодотворения. Она просто не дает ей развиваться.

Мэгги посмотрела на доктора:

— Черт бы меня побрал...

Нгуен Дао Три опоздал на десять минут. У него были заспанные глаза, и он непрерывно зевал.

— Мне не подходит здешний распорядок,— пожаловался он

— Послушай, Гай, если вместо того, чтобы спать, ты волочишься за каждой юбкой в лагере...

— О, Марджори, я бы предпочел, чтобы мое время сна совпало с твоим.

— Ну что же, может, когда-нибудь и совпадет. А пока мы опоздали для инспекции.— Она допила кофе и поднялась.

Люди работали хорошо. Граница была прекрас-

но укреплена и надежно охранялась, пахотная площадь все время расширялась. Мэгги каждый день осматривала все очень подробно, не гнушаясь залезать во все дыры.

Пока что все шло хорошо. Никто не нападал на лагерь, даже кринпиты. Но они были изолированы в мире врагов. Благодаря шпионским спутникам и наблюдениям шаристов, из перехваченных и расшифрованных радиоконтактов, из микрофильмов индонезийца Мэгги составила четкое представление о том, чем занимаются Гризи. Или, вернее, занимались несколько недель назад. Они оккупировали лагерь Пипов, захватив там все. Они уничтожили все живое вокруг себя и продолжали убивать кринпитов и расстреливать шаристов. Подземников они, видимо, смогли приручить и те помогали им эксплуатировать минеральные ресурсы. Гризи разработали какое-то средство, пока еще не было сведений, какое именно, которое отпугивало кринпитов. Черт побери! Что только они не сделали! Если бы отец послушал ее и дал бы ей необходимые средства для освоения планеты!

Нельзя сказать, что она плохо работала. Но она любила, чтобы у нее было все самое лучшее, а обстоятельства складывались так, что она

оставалась на втором месте: Гризи контролировали планету. Под ее началом было только пространство, ограниченное изгородью. А у Гризи было три отдельных поселения, включая и то, что раньше принадлежало Пипам. Если не считать показаний спутников, полетов шаристов и редких вылазок Капелюшникова (что было чрезвычайно опасно: можно было лишиться единственного самолета), Мэгги была слепа относительно всего, что делается на планете. Она запретила даже Дэнни Дэйлхаузу подниматься в воздух. Во-первых, она не хотела рисковать его жизнью, во-вторых, лучше было тратить энергию на защиту лагеря, на освещение посевов. Она направила его вместе с Моррисеем и Димитровой на обучение к агроному. Внезапно она задумалась: Дэнни и Димитрова? Может, да. А может, и нет. Они друзья. Но не до такой степени. Но кто же тогда? Она посмотрела на Гая Три, который беседовал с охраной. Кто же отец ее собственного ребенка? Дэйлхауз? Три? Этот сукин сын Свеггерт? Эти трое наиболее возможные кандидаты. Но который из них?

Раньше она поиздевалась бы над собой: зачем ей такие проблемы? К чему знать, кто впрыснул в тебя семя? Но сейчас это тревожило ее. Все-таки

это будет ребенок в новом мире. И кто же его родитель? Ну, ладно. Нужно заниматься делами.

— У нас в лагере есть лучники?— спросила она.

Три замер на полуслове. Он пытался объяснить, как вооружить лодку.

— Что?— изумленно спросил он.

— Люди, которые умеют стрелять из лука, черт побери. Я хочу организовать соревнование.

— Прекрасно, Марджори. Но я полагаю, что в лагере нет ни луков, ни стрел.

— Если они знают, что такое лук и стрелы, то могут сделать их сами. Мы установим призы за победу. кофе, сигареты. Я пожертвую даже бутылку виски.

Три был крайне удивлен, но затем сказал:

— Ну что же, я думаю, это пригодится на охоте.

И Мэгги кивнула, не ответив. На кого охотиться? Каждое животное, которое можно увидеть на поверхности планеты, надежно защищено панцирем. Таковы особенности эволюции. Когда они осматривали станцию, пришел дежурный из радиорубки.

— Корабль идет на посадку, полковник,— сказал он.— через пару минут мы должны увидеть его.

— Слава богу. Гай, организуй разгрузку. Скажи майору Аркашвили, чтобы все было наготове в случае неудачной посадки.

Посадка не была удачной. Но не была и неудачной. Ее вовсе не быдо. В воздухе появилась кабина, раскачивающаяся на больших парашютах. Но она не приземлилась на берегу, где была посадочная площадка, а исчезла в джунглях, примерно в километре от лагеря.

К счастью, никто не пострадал. Пятнадцать человек, которые были в кабине, пришли в лагерь сами, и двенадцать из них были молодыми женщинами. Бог услышал молитвы Мэгги. Им пришлось преодолеть очень сложный путь в джунглях. Но ладно. Они пришли. А когда Мэгги просмотрела опись того, что прибыло на корабле, она начала расслабляться. Прибыло все до последней мелочи из того, что они просили. Семена, орудия труда, оружие, различные тренажеры. Конечно, этого было недостаточно— но было все, что она просила.

Теперь нужно было продолжать работать. Организовать рабочие партии и их охрану. Вблизи лагеря кринпитов не было видно, но леса кишели ими. Первый отряд ушел в джунгли, и Мэгги успокоилась только тогда, когда они вернулись,

неся коробки с пищей, ящики с микрофишами, упакованные велосипеды, электронное оборудование. Мэгги с радостью приветствовала их всех. Маленький черный майор сказал ей, похлопывая по сумке:

— У меня есть кое-что для вас, полковник. Это частное, мэм.

— Пройдемте ко мне, Вандемир. Кажется, так ваше имя?

Он вежливо кивнул и прошел за нею в офис, где положил сумку на стол.

— Вот, мэм,— сказал он, открывая сумку.

Оказалось, что это микро-ЭВМ с индикаторной панелью на жидких кристаллах. Майор нажал на клавишу, и экран загорелся, высветив ряды символов.

— Это устройство для контроля спутников, мэм. Сейчас на орбите двенадцать спутников.

Мэгги нежно прикоснулась к прибору. Почти сексуальное чувство овладело ею, тепло распространилось по всему телу.

— А можно найти спутники Гризи?

— Да, мэм. Мы уже зафиксировали четыре спутника, среди них главный тактраковый передатчик. И два спутника Пипов, но,. кажется, они перестали быть активными.— Он набрал

определенную комбинацию на клавишах, и цвет символов изменился.— Зеленые наши, красные Пипов, а желтые — Гризи. Если в радиусе двух миллионов километров что-либо произойдет, система сразу зафиксирует это и выдаст информацию.

Тепло продолжало согревать ее тело. Это было именно то, о чем она всегда мечтала, что просила самым настоятельным образом.

— Благодарю, майор. Покажите мне, как с ним работать, а затем я хочу, чтобы мы работали на нем по очереди по двенадцать часов в день и вели наблюдения.

— Есть, мэм,— сказал он ровным тоном.— И вот еще письмо для вас от вашего отца.

Это было настоящее письмо, а не микрофильм. Бумажное письмо в конверте, а на конверте ее имя, написанное почерком Годфри Меннингера.

— Благодарю, майор. Можете идти и возьмите с собой ЭВМ.— Когда он повернулся, она спросила: — Майор, дома дела совсем плохи?

Тот помолчал, а затем сказал:

— Очень плохи, полковник. Совсем плохи.

Мэгги стояла молча. Затем она сунула письмо в карман и подошла к окну, чтобы посмотреть на то, как идет разгрузка. Она не была готова

осознать слова: очень плохи.

Она смотрела, как сержант Свеггерт уже крутится возле двух новых девушек, как один из грузчиков уронил прожектор, который разбился вдребезги, а пальцы ее все время ощупывали письмо в кармане. Когда колокол прозвонил на завтрак, она больше не могла сдерживаться. Она взяла поднос с едой и достала письмо.

"Мэгги, дорогая.

Я послал тебе все, что ты просила. Но дальнейшие поставки невозможны. Дела обстоят совсем плохо. Мы находимся в состоянии боевой готовности, и лишь один бог знает, сколько это продлится.

Так что ты будешь на год, а то и больше, предоставлена самой себе. Президенту угрожают импичментом, а может, и хуже. На прошлой неделе были две попытки убийства президента. Я посоветовал ему, что делать. Ввести смертную казнь. Распускать конгресс. Подавить все беспорядки. Но он политик. Он надеется уладить все. Однако уладить все мирным путем — это значит урезать все наши военные программы. В том числе и твою, дорогая.

Я не рассказывал бы тебе все это, если бы не был уверен, что ты поймешь все правильно и

справишься с трудностями".

И это было все. Даже не было подписи. Мэгги долго сидела с письмом в руках и только потом заметила, что завтрак уже остыл.

Больше она не хотела есть. К тому же ей стало ясно, что продовольствие нужно экономить. Поэтому она заставила себя съесть все до последнего кусочка. И вдруг она поняла, что в лагере что-то изменилось. Случилось что-то плохое.

За завтраком сержант Свеггерт услышал странные звуки, не очень громкие и не очень близкие. Это было похоже на выстрелы.

Никто из сидящих в палатке не слышал их. Свеггерт положил на большой кусок хлеба, омлет из яичного порошка с ветчиной и вышел из палатки.

Послышался третий выстрел, на этот раз сомнения не было. Это выстрелы. Какой-то сукин играет с винтовкой. Конечно, ругать его нельзя — если сам Свеггерт увидит кринпита, то не удержится, чтобы не выстрелить в него. Но три выстрела — это слишком много. Ведь патроны нужно экономить. Он прибавил шаг и пошел к периметру. Обогнув кухню, он увидел группу людей, которые смотрели на тропу джунглях, которая вела к месту посадки кабины. Другие люди спешили

туда, и когда Свеггерт приблизился, их уже было больше двадцати человек. Говорили они все возбужденно и беспорядочно.

— Кто там?— спросил сержант, схватив за плечо капрала Кристианидис.

— Агги с двумя молодыми. Они решили сделать рейс. Лейтенант Маклин только что послал туда патруль.

— Тогда сидите и молчите, пока они не вернутся,— приказал Свеггерт. Но он сам не хотел бы подчиниться такому приказу. Стрелять в джунглях — это было не похоже на Агги. Толпа все увеличивалась. Пришел полковник Три, похожий на маленькую китайскую куклу. Затем несколько человек из палатки, где была столовая. И, наконец, сам командир лагеря, полковник Мэгги Меннингер. Все окружили ее, рассказывая, что тут происходит. Мэгги послушала немного и рявкнула:

— Тихо! Возвращается Маклин. Посмотрим, что он скажет.

Но Маклин не говорил ни слова. Он шел, держа карабин в руках и постоянно осматривался. Когда он подошел ближе, все увидели, что за ним идут двое и несут кого-то. Шествие замыкал солдат, тоже держащий карабин наготове.

Они принесли тело женщины. И это было все. Лицо было неузнаваемо. Когда женщину опустили на землю, оказалось, что одна рука ее была вывернута, а в груди пулевое отверстие.

— Кринпиты! — воскликнул майор Сантангело.

— У кринпитов нет оружия,— поджав губы, сказала Мэгги.— Может и кринпиты, но не одни. Три! Проверить границу! На боевые посты полный запас оружия и патронов. Сантангело, соберите всех по тревоге. Свеггерт, возьми троих человек. Пойдешь со мною на место. Три, вы со своим отрядом пойдете за нами в двухстах метрах.

— Есть, мэм.— Свеггерт стал отдавать распоряжения.

Полковник Меннингер слушала доклад Маклина. Он прошел всего полпути по тропе, когда наткнулся на труп и на разбросанные и разорванные мешки с припасами. Где остальные двое, он не знает. Он вернулся назад за подкреплением. Мэгги Меннингер больше слушать не стала. Она повернулась к майору Сантангело и дала приказ Свеггерту следовать за ней. С двадцатисекундным интервалом они начали по очереди перебегать открытое пространство. Пока Свеггерт, укрывшись под деревьями, ожидал остальных, он

слышал отдаленные звуки, издаваемые кринпитами. Следующий за ним солдат упал на землю рядом и тоже услышал.

— Кринпиты,— прошептал он.

Свеггерт кивнул и приказал ему молчать. Полковник Меннингер перебежала открытое пространство, опустилась на колено и прислушалась. Затем она подняла руку и приказала двигаться дальше.

Чертова баба, подумал Свеггерт. С тех пор, как случилось о чем он до сих пор вспоминал с удовольствием, Мэгги пренебрегала им. Он просигналил своим людям идти вперед, и когда он дошли до места, он упал на землю рядом с Мэгги.

— Это здесь,— прошептал он.

— Вижу, сержант. Вперед. Я не хочу, чтобы Сантангело наступил мне на зад.

— Есть, мэм.— Он повел людей вперед, пробираясь сквозь джунгли. Звуки кринпитов все еще слышались вдали, но не приближались.

Вскоре впереди показалась темная громада корабля, стоящего на небольшой поляне. Сержант махнул рукой, чтобы привлечь внимание Мэгги, и показал на вершину дерева. Она кивнула, и сержант бросился к дереву, закинул за плечо карабин и начал забираться наверх. Лезть было

легко, но крона была слишком густой, и Свеггерту пришлось несколько раз менять положение, чтобы он мог увидеть корабль и поляну.

Прямо перед кораблем лежали изуродованные трупы двух его солдат. Кринпитов поблизости не было, и их звуки, казалось, отдалились еще больше.

Свеггерту стало немного легче. Какого черта он боится кринпитов? Они настолько шумные создания, что ближе чем на двадцать метров незамеченными они подойти не могут. А тогда о нем позаботится его карабин. Разумеется, кринпиты могут быть не одни. С ними может быть пара Гризи. Ну и что? Гризи есть Гризи. Какие-нибудь арабы. Когда он боялся их? Он сдвинул пилотку на затылок и стал спускаться. Что бы там ни ждало его на поляне, он уничтожит всех. Он устроит небольшой спектакль для Мэгги Меннингер. Что-то шевельнулось в кустах справа. Сержант приготовил карабин, но это был солдат из его патруля. Сержант успокоился и навел оптический прицел на полковника. Перекрестие прицела задержалось на лице, затем спустилось вниз, к туго обтянутым брюками ляжкам. Может когда-нибудь снова...

Слабый звук сзади заставил его замереть.

Он насторожился слишком поздно. Кринпиты и люди были не единственными существами на Джеме. Поворачиваясь, он не увидел странное длинное существо, которое прыгнуло на него. Половиной из десяти рук оно схватило сержанта, а другими руками оно Держало пистолет. Или что-то похожее. "Чертово создание, оно почему-то было в солнечных очках",— подумал Свеггерт, отчаянно стараясь добраться до карабина. Но было поздно. Он не слышал выстрела, но пуля пробила ему голову.

Мэгги Меннингер первой вернулась в лагерь. Она не стала ждать конца. Поняв, кого надо искать, сорок человек прочесывали местность. Они нашли четырех подземников, и среди них был тот, что убил сержанта Свеггерта. "Тебе всегда везло, сукин сын,— подумала она.— Теперь тебе нечего бояться смертной казни за изнасилование полковника и кого бы то ни было". Она окликнула проходившего мимо человека и послала его в радиорубку. Она еще не дошла до своего офиса, как услышала голос по громкоговорящей связи:

— Майор Вандемир. Сообщение полковнику.

Она встретила его в дверях. Добросовестный человек. Он запыхался от бега, был полуодет, но принес с собой кейс.

— Откройте!— рявкнула она,— Они вооружили против нас подземников. Пистолеты и солнечные очки. Об этом хотела сообщить Тинка. Быстрее!

— Есть, мэм,— но даже майор Вандемир с трудом открыл футляр.— Готово, мэм,— доложил он.

Ярость в голове Мэгги уравновешивалась разливающейся теплотой внизу живота.

— Уничтожить их!

— Кого, мэм?

— Гризи. Все их спутники.— Пока он набирал нужную комбинацию, Мэгги подумала и сказала: — И спутники Пипов тоже.

Глава 19

Годфри Меннингер проснулся от ощущения, что кто-то трясет его кровать. Но никого не было. Он был один в комнате, как и все те, кто жил по всему миру в комнатах отелей Холидей Инн или Ховард Джонсон Мотор Лодж. На столике возле постели был телефон, возле стены серел экран телевизора. Телефон выглядел необычно. Он был с кнопочным номеронабирателем, и по его панели пробегали разноцветные огоньки. Штора закрывала одну стену. Но в ней было не окно, а огромный экран, панель дисплея. Здесь в окне не было надобности, так как комната находилась на глубине двадцати метров под землей.

На часах было 6:22.

Меннингер приказал разбудить его в семь. Следовательно, не звонок разбудил его. Значит, оставалось только две возможности, но ни одна из них не была желательной. Меннингер задумался. Включить телевизор, позвонить или открыть штору, чтобы выяснить ситуацию. Он решил не делать ничего. Если возникнет реальная угроза, то он узнает это и так. Меннингер в

совершенстве умел отключаться от неприятных мыслей. Он встал, надел халат, прошел в ванну и сделал себе чашку растворимого кофе.

Минуты пробуждения его ото сна всегда были драгоценны для Года Меннингера. Он считал, что обе его женитьбы расстроились именно из-за того, что обе его жены не могли понять, что первые полчаса после пробуждения с ним нельзя говорить. Это было время для кофе, время для концентрации сил и мыслей. Разговоры мешали ему. Это была слабость характера Годфри Меннингера, но он не хотел пожертвовать ею ни для кого.

Кофе был нужной температуры и Годфри выпил его как лекарство, глоток за глотком. Затем он сбросил халат, сел в позу позу лотоса, расслабил все тело и погрузился в мантру.

Он никогда не мог понять, что происходит с его нейронами и синапсами, когда он практикует трансцедентальную медитацию, и он даже не пытался. Во всяком случае, это занимало у него двадцать четыре сотни секунд из двадцати четырех часов. Он никогда не обсуждал ни с кем полезность этого, так что ему не приводилось защищать свою привычку. К тому же он был уверен, что это помогает ему. Как помогает? Что делает? В точности он не мог ответить. Но он

чувствовал себя более уверенным, спокойным. Да, это выгодное вложение менее трех процентов времени. Он сидел, закрыв глаза, и тело медленно покидало его. Он как будто укутывался в звуковую вуаль. Весь мозг его превращался в рецептор. Он сам не вносил ничего, только воспринимал. Перед глазами начали мелькать лица, загадочные силуэты, формы, которые переходили друг в друга. Некоторые из них были божественно прекрасны, другие дьявольски безобразны. Они не несли для него никакой эмоциональной нагрузки. Демонические гримасы не пугали. Очаровательные улыбки не привлекали. Они просто были. Обрывки разговоров нанизывались друг на друга и протекали через него, как разговоры за соседним столиком в ресторане. Циркулирующая память пропускала их через себя, и мозг оставался безразличным к ним. Более чем в двух тысячах километров отсюда на глубине полкилометра под водой в подводной лодке, принадлежащей Блоку Горючего, вице-адмирал ливийского флота вводил программу в Того, Кто имеет Свое Имя на Себе. Меннингер не знал этого. Мысли его свободно растекались внутри его мозга. Но он не смог бы сделать ничего, даже если бы он знал.

Постель двинулась снова.

Это было не землетрясение. В Западной Вирджинии землетрясений не бывает, подумал он, выходя из своего состояния и готовясь открыть глаза. Толчок был более резким, чем при землетрясении, более быстрый, чем смещение земной коры. И он не был особенно сильным. Он даже не смог бы разбудить, если бы Год Меннингер спал. Но что-то это было. И мигнул свет ламп.

В двухстах метрах под землей в горах Западной Вирджинии свет не мог мигать. Система энергоснабжения на плутониевом генераторе была абсолютна изолирована от всех внешних событий. Стрелы молний не могли поразить трансформаторы под землей. Ветры не могли сорвать линии электропередач, ибо все они были проложены в трубах под землей. Внезапно мелькающие огоньки на панели телефона погасли, остался один красный. Зазвенел зуммер. Он поднял трубку:

— Меннингер.

— Ракетный удар, сэр. Три ракеты. Структурных повреждений нет. Ракеты пущены из области поблизости от провинции Синкянь.

— Сейчас буду,— сказал Меннингер. Он еще выходил из медитации, поэтому не мог взглянуть на ситуационную панель. Но он не мог не

принять душ и не побриться. Он втер дезодорант подмышки — как французская проститутка, с отвращением подумал: пробежал щеткой по волосам, оделся и быстро пошел по тихому, устланному коврами коридору на командный пункт.

Ситуационная карта светилась вся.

— Ваш кофе,— сказала лейтенант Вейненштат. Это были ее единственные слова. Она знала привычки шефа. Меннингер взял кофе, не отрывая глаз от ситуационной карты. На ней ярко-красные звезды показывали уничтоженные мишени. Голубые звезды тоже были уничтоженные мишени, только другой стороной. Это были Вашингтон и Ленинград, Буэнос-Айрес и Ханой, Чикаго и Сан-Франциско. Красные профили на карте были вражеские ракетные корабли, уничтоженные ответными ударами. Их было больше сотни. Тут же было и шестьдесят уничтоженных голубых. Пульсирующие звезды — красные и голубые — это еще не уничтоженные боевые соединения. Их было совсем немного, и количество их постоянно уменьшалось. Канзас-Сити, Тьенции, Каир и целый комплекс вокруг Франкфурта только что перестали существовать.

Вторая чашка кофе уже была не лекарством, а

удовольствием. Он выпил кофе и спросил:

— Какова возможность их второго удара?

— Довольно большая. В настоящий момент сотни ракет готовы нанести удар. Но мы непрерывно сокращаем их количество. У нас примерно восемьдесят. И только два наших подземных укрепления уничтожено. Поверхностная радиация в допустимых пределах, во всяком случае, внутри экранированных машин. — Она отдала приказ налить еще кофе и добавила: — Пока рано говорить, но Кукурузный пояс, кажется, о'кей. Также Мексика и Юго- Запад Тихоокеанского побережья. Но мы потеряли Империал Вэлли.

— Так что пока у нас дела идут неплохо.

— Можно сказать да, Год.

— На следующие сутки они могут начать снова.

Она кивнула. Это был известный факт, что каждая большая страна имеет скрытые резервы ракет. Их нельзя выпустить в течение десяти минут простым нажатием кнопки, как ракеты с подводных лодок. Но их нельзя и уничтожить, так как неизвестно, где они находятся.

— Да, мы не можем предотвратить этот удар, так как их спутники наполовину ослепили нас,— сказал он.

— А мы полностью ослепили их, Годфри. У них нет глаз на орбите.

— Да, да, я понимаю. Здесь мы выиграли. Проклятые идиоты. Ну что же, приступим к работе.

Работа Меннингера не имела отношения к обмену ракетными ударами, призванными превратить поверхность Земли в подобие ада. Это был не его вопрос. Он начнет свои действия сразу после окончания военных действий.

Тем временем один из этих проклятых идиотов закончил программирование и теперь старался собрать команду для запуск. Это было непросто. Нейтронная бомба сделала свое дело. Ее излучение проникло сквозь слой воды и стальную обшивку субмарины и вывело из строя большую часть команды. Сам вице-адмирал получил почти пять тысяч рад. Он знал, что ему осталось жить несколько часов. Но если повезет ему, то мишень, куда он направлял удар, проживет еще меньше.

Три часа сна было недостаточно. Меннингер знал, что не выспавшись, он брюзглив и раздражителен. Его люди тоже знали это и прощали его.

Через каждые пять минут карта исчезала, и на экране появлялись десятисекундные картинки: индустриальные объекты, степень их

разрушения, гистограммы, демонстрирующие соотношение боевых сил враждующих сторон и их эффективность. В соседней комнате работали люди, непрерывно корректирующие информацию на основе поступающих данных. Меннингер даже не взглянул на них. Его заботы были чисто политические и организационные. Роза Вейненштат контролировала их, каждые несколько минут появляясь в комнате. Сам Меннингер имел постоянную связь с правительством. Он говорил с сенаторами, офицерами главного штаба, губернаторами. Это все были американцы. Их союзники по Блоку Продовольствия находились в особом кабинете, и если кто-либо из них требовал внимания, то это расценивалось Меннингером как недопустимая наглость.

— Он не удовлетворен контактом со мной,— сказала Вейненштат.— Может, вы уделите ему пять минут, Годфри.

— Дерьмо.— Меннингер отложил перо и кивнул, чтобы она включила связь.

На экране появилось лицо маршала Красной Армии Крассариона. Но из динамика звучал голос его переводчицы.

— Маршал,— сказала она,— не сомневается, что ваш штаб действует по приказу Президента,

но он хочет знать, кто президент. Мы знаем, что Вашингтона больше нет и убежищ Первого в и Второго тоже не существует.

— Нынешний Президент,— заговорил Меннингер, с трудом подавив раздражение,— это Генри Монкас, который был спикером Палаты Представителей. Он назначен согласно нашей Конституции.

— Да, конечно,— сказала переводчица после того, как маршал выслушал ответ и что-то пролаял по-русски.— Но маршал не может добиться связи с ним.

— Проблемы связи существуют,— согласился Меннингер.— Кроме того, у меня есть сведения, что Президент сейчас переселяйся со своим кабинетом в более безопасное место. Маршал должен понять, что в этом случае связь с ним затруднительна.

Маршал выслушал ответ и затем снова заговорил с переводчики. Слова его излучали пламень. Переводчица наверняка смягчила большинство выражений маршала:

— Мы понимаем это, но существуют вопросы законности, и маршал хотел бы выслушать некоторые объяснения от самого президента. Алло... Алло..?

Его изображение исчезло. Роза сказала:

— Я подумала, что в такой момент помехи на линии связи будут очень вовремя.

— Правильно. Кстати, а где этот сукин сын?

— Генри? Он в безопасности. Он приказал вам сделать ему сообщение примерно через час.

Меннингер задумался.

— Скажи ему вот что. Пусть возьмет команду для защиты от радиации и перебирается сюда. Здесь он будет в большей безопасности, чем в своей дыре.— Он взял ручку и почесал живот. Сейчас было бы неплохо выпить апельсинового сока, чтобы отрегулировать концентрацию сахара в организме, в крови. И вообще, он чувствовал себя голодным.— Вот тогда мы увидим Президента,— сказал он в пустоту.

В субмарине вице-адмирал собрал команду. Все люди были смертельно поражены, они непрерывно блевали, и в субмарине пахло как в припортовом баре. Однако люди выполняли свои обязанности. Ливийская военная доктрина заключалась в том, что лучше иметь одну большую ракету, чем несколько маленьких И когда эта гигантская ракета разорвала поверхность воды, она сразу же была захвачена десятком радаров. Испуганные жители видели яркую вспышку и

огненный хвост, направляющийся на запад. Кубинский крейсер попытался перехватить ракету с помощью залпа крылатых ракет, но бесполезно. Это была ракета, которую было легко опознать, но трудно уничтожить. Она пересекла пространство над побережьем Флориды. Десятки раз ее могли бы сбить специальные ракеты, предназначенные для обороны именно от этих ракет, но они были уже давно уничтожены. Ни одна такая установка уже не функционировала.

На последнем снимке его Мэгги стояла над трупом мертвого кринпита. Его дочь выглядела усталой, но счастливой. Это был хороший снимок высокого качества, и Год Меннингер прятал его в своем бумажнике. Вейненштат внимательно рассмотрела снимок, прежде чем передать ему.

— Она делает вам честь, Годфри,— сказала она.

Он посмотрел на снимок и убрал его.

— Да. Надеюсь, что у нее все хорошо. Вы можете представить ее мать? Когда я сказал, что Мэгги хочет кое-какую одежду, она потребовала от меня, чтобы я заказал тысячу метров тканей

— Если она похожа на свою мать, то она не была бы такой какой мне показалась на снимке.

— Надеюсь, что она не в мать.

"Я действительно надеюсь",— подумал он про

себя. Роза внимательно смотрела на него.

— Вы не беспокоитесь о ней, не так ли? Потому что нет оснований... Одну минуту...— Вейненштат включила наушник, и лицо ее стало серьезным.

— В чем дело?

Она выключила наушники.

— Генри Монкас. Он погиб в своем убежище. Теперь пытаются определить, кто следующий Президент.

— Дерьмо! — Годфри Меннингер смотрел на остатки своего завтрака и не видел ничего.— О, это плохо, Роза. Самое плохое, что у нас нет выбора.

Вейненштат хотела заговорить, но передумала.

— Что ты хотела сказать, Роза?

Она пожала плечами.

— Неужели нет выбора?

Он ухватился за ее слова:

— Какого? Говори, Роза.

— Может... может, уехать в Канаду?

Ливийская ракета пролетела над Алабамой, Ашвилен, над Джонсон-Сити. Она летела, повторяя профиль земной поверхности, зафиксированный в ее памяти. И один за другим отключались затворы безопасности взрывного устройства по

мере того, как его параноидальный мозг начинал опознавать близость объекта, для уничтожения которого он был предназначен.

— Это плохо, Роза,— сказал Меннингер, усаживаясь за стол.— Может быть следовало отдать Мэгги матери, чтобы она растила ее. Сейчас у Мэгги, наверняка, был бы муж и двое детей... И возможно, что мир был бы совсем иным.— Годфри подумал, услышит ли он когда-нибудь ее голос.

— Роза,— сказал он,— свяжись с Хьюстоном. Спроси, есть ли связь с Джемом. И с другими колониями тоже.

— Прямо сейчас, Годфри? Хорошо, дайте мне десять минут.

— Прекрасно. Десять минут,— сказал он.

Но он не дождался. Прежде чем прошло десять минут, он был мертв.

Глава 20

Вдали показалась лодка. В пещере позади Аны Димитровой встала капрал Кристианидис,— нет, лейтенант Кристианидис, подавила себя Ана,— и навела на лодку полевой бинокль.

— Кринпиты,— сказала она.— Сукины дети. Наведи на них карабин, Нан, но не стреляй до приказа.

Бессмысленный приказ! Она и так не выстрелит. По крайней мере, до тех пор, пока не убедится, что в лодке одни кринпиты и там нет Ахмеда Дуллы. Впрочем, она не была уверена, что выделит даже в этом случае. Она не могла выстрелить в живое существо и говорила об этом, но никто не хотел ее слушать. Хорошо, что у ее карабина был оптический прицел, и она могла пользоваться им как биноклем.

Лодка исчезла за поворотом, но Нан уже убедилась, что людей ней нет. Правда лодка была большая.

Когда лодка появилась снова, она была уже близко. В ней был виден один кринпит, который отчаянно боролся с парусом, чтобы направить

лодку к лагерю. Лодку уже видели все, и десяток карабинов были нацелены на нее. Через громкоговорители донесся голос Три, который приказал не стрелять без команды. Возле воды стояла Мэгги Меннингер, стояла, не обращая внимания на дождь, вода струями стекала по ней.

Анна протерла прицел и снова посмотрела в него. Этот кринпит не показался ей знакомым.

Какое разочарование. Да, глупо надеяться, что Ахмед снова появится в ее жизни. И даже если появится, то как она должна относиться к нему, если он пришел, использовал ее и снова исчез оставив ее одну. Нет, он не гражданин Болгарии, подумала она стараясь мыслить конструктивно.

Но о чем? О чем теперь думать? Мир, из которого она прилетела, уничтожил сам себя, а мир, куда она прилетела, кажется, хочет сделать тоже самое. Чем кончилось секретное совещание Мэгги Меннингер с офицерами, она не знала. И не хотела знать. Но оно могло означать смерть для всех них.

Кринпит был уже у берега. Он приподнялся, перевалился через край лодки и выполз на берег. Он казался очень больным. Полковник Меннингер и с десяток солдат окружили его.

Вероятно, они убьют кринпита, подумала она.

Ну и пусть. Внезапно внимание Аны привлек солдат, который бежал к ней.

— Димитрова! — крикнул он.— Этот говорит! Полковник хочет, чтобы ты перевела!

Немного погодя Ана вслушивалась в странные звуки, издаваемые больным кринпитом.

— Он говорит, что Народная Республика обессилена, и он хочет помочь нам в борьбе с Блоком Горючего.

— Идиот! Что может он сделать своими маленькими конечностями?

Головная боль стиснула мозг Аны. Тяжелые мешки с песком обрушивались на ее череп. Ее уже начало тошнить.

Шарн-игон был в очень плохом состоянии. Звуки, которые он издавал, походили на звуки испорченного радио. Панцирь его был болезненно-желтого цвета. Из сочленений сочилась густая грязно-красная жидкость.

— Он линяет,— объяснила Ана полковнику.— И очень страдает. Видимо, это вызвано химическими веществами, которыми травят их люди Блока Горючего.

— Ты сама выглядишь неважно, Димитрова.

— Нет, я могу продолжать, полковник.— И все же она отошла подальше от кринпита. Жидкость,

которой он истекал, окрасила песок вокруг него. От существа исходил тошнотворный запах гниющего сала. То, что она отошла подальше, не помогло. Головная боль не прошла. Более того, она усиливалась с каждым мгновением.

Мэгги Меннингер пробежала рукой по волосам, откинула их назад. Сейчас она была похожа на маленькую девочку.

— Как ты думаешь, Гай? Может, действительно теперь у нас будет свой кровожадный тигр-людоед?

— Отказываться не стоит, Мэгги. Но он вряд ли сможет повредить Гризи.

— Что точно он говорит, Димитрова? Нападет ли он со своими друзьями на лагерь Гризи, если мы попросим?

— Что-то вроде этого. Трудно понять, что он говорит, полковник. Он говорит на урду, но очень мало и плохо. Кроме того, сознание его затуманено. У него мания убивать. И ему все равно, кого. Иногда он говорит, что хочет убить меня.

Меннингер оценивающе посмотрела на кринпита.

— Думаю, что в таком состоянии он вряд ли способен убивать.

— Разве может быть такое состояние, что мож-

но убивать?— спросила Ана.— Я даже не могу подумать о том, что мне придется убить. Это сумасшествие — убивать, когда и так мало осталось в живых.

Мэгги подняла руку, чтобы остановить яростную реплику Гая Три.

— Об этом мы будем говорить потом. Ты плохо выглядишь, Димитрова. Иди выспись.

— Благодарю, полковник,— натянутым тоном сказала Анна. Она буквально ненавидела Мэгги, причем ненависть ее усиливалась от того, что она видела участие в глазах полковника. Как осмеливается эта кровожадная ведьма чувствовать жалость?

Она пошла в палатку. Снова пошел дождь, и молнии сверкали над водой. Ана почти не чувствовала дождя. Каждый шаг отзывался мучительной болью в голове. Она знала, что помимо головной боли в ней зреет новая, более страшная боль, готовая вылиться наружу. И Ана хотела быть самой собой, когда это случится. Ана вошла в палатку, не сказав ни слова женщине, которая жила вместе с нею.

И почти сразу она заплакала.

Ана плакала беззвучно. Только нервность ее дыхания заставила чернокожую девушку, лежащую

на кровати, приподняться на локте и посмотреть на нее. Ана молчала, и девушка легла снова. Ана спать не могла. Она не уснула ни через час, ни через два. Она плакала молча, будучи не в силах сдерживать боль. Исчезли надежды, мечты. Она не приняла то, что кринпит сказал ей в первой же фразе, но теперь она верила в это. Теперь у нее уже не было причин быть здесь, на этой планете. Не было даже желания жить. Ахмед был мертв.

Она проснулась от громких бесстыдных звуков веселой танцевальной музыки.

Плач очистил ее разум, а последовавший за ним сон оказал благотворное влияние. Ана полностью пришла в себя, когда приняла душ, причесалась, оделась. Музыка говорила о том, что сегодня еженедельные субботние танцы — очередная эксцентричная выходка Мэгги Меннингер. Все-таки, какая она странная! И ее странности не всегда были привлекательными. На последнем корабле с Земли прибыли не только продукты и научные инструменты, но и разные ткани. Ана сшила себе блузку и юбку. Нельзя сказать, что это был праздничный наряд, однако это была и не рабочая одежда. Она очень давно не танцевала, но ей вовсе не хотелось быть с теми, кто наслаждался этим занятием.

Она прошла мимо генератора, возле которого находился кринпит. Возле него был солдат с карабином. Дождь прекратился и угрюмый Кунг светился на небе. Ана взяла в буфете немного сыра и два бисквита, а затем снова вышла на улицу. Уйти было некуда. Сейчас никто не ходил в лес. Они жили, ели, спали, работали в пространстве, которое можно было обойти за десяток минут. Но сейчас почти все были на танцах, и только охранники находились на своих постах. Она прошла на пляж и присела, опершись на пулеметную турель. Ана съела свой ужин, и опершись подбородком в колени, стала смотреть на пурпурные волны.

Ахмед мертв.

Ей было неприятно думать о том, что Ахмед с самого начала относился к ней не так серьезно, как она к нему. И тем не менее, это было именно так, и не стоило себя обманывать. Она научилась рассекать свою боль на части. То, что она никогда не увидит его, не коснется его сильного тела, не будет лежать рядом, пока он спит,— все это реальность, и это уже не изменишь. Как не изменишь того, что она никогда не выйдет за него замуж, не будет иметь от него детей и не состарится рядом с ним. Однако это было то, что всегда оставалось

только ее мечтой, ее фантазией и никогда не могло осуществиться.

Она снова поплакала немного, затем вздохнула и вытерла слезы. То, чтс, потеряно ею, сказала она себе, потеряно уже давно. С того момента, как он прибыл на Джем, Ахмед стал совсем другим человеком. Но теперь все кончилось. Она должна быть только здесь, в лагере, ибо другого места просто нет. Ты должна пойти на танцы, усмехнулась она. Ты должна быть там, где смеются, пьют, поют.

Но она просто не могла пойти туда. И не потому, что она не хотела танцевать. Причина была где-то глубже. Ана прекрасно понимала, какие мысли владеют умами Мэгги Меннингер, Нгуен Три и других ястребов, в руках которых находится судьба лагеря. Сколько безумия в их головах! Они решили вести войну даже здесь, даже после того, как люди Земли уничтожили сами себя. И тем не менее, они танцуют, смеются, веселятся. Какой хирург разделил их мозги так, что днем они планируют безжалостный геноцид, а вечером пьют, флиртуют и ночью занимаются сексом. Как Ахмед презирал их!

Но Ахмед мертв.

Она глубоко вздохнула и решила больше не

плакать.

Она встала, размяла затекшие ноги. Кринпит медленно полз к воде, чтобы попить после неаппетитной пищи. Солдат сопровождал его. Ана не хотела приближаться к кринпиту," но ей нужно было сполоснуть тарелку, чтобы отнести ее на кухню, которая находилась возле танцплощадки. Внезапно она услышала свое имя. Это был русский пилот Капелюшников. Он сидел, скрестив ноги, у оружейного склада и беседовал с Дэнни Дэйлхаузом. Ана подошла к ним и пожелала доброго вечера.

— Он действительно добрый, Аннушка? Дэнни Дэйлхауз сказал мне о смерти Ахмеда Дуллы. Я глубоко сочувствую тебе.

В первый раз с ней говорили об этом. Оказалось, что она может отвечать.

— Благодарю, Виша,—сказала она.— Но неужели ты стал монахом, что не танцуешь сегодня вечером?

— Там нет никого, с кем я хотел бы танцевать. А кроме того, у нас с Дэнни интересная дискуссия о рабстве.

— И к чему вы пришли? — спросила она.— К тому, что мы все рабы прекрасной блондинки-полковника?

Он не стал отвечать на вопрос.

— Я знаю, в каком ты настроении, Ана. Я сочувствую тебе.

— Настроении?— переспросила она, глядя на него в упор.— Да, возможно, что я подавлена. Думаю, что мой дом уничтожен. Да и твой тоже. Ты отважнее, чем я. Я трусиха. Поэтому меня очень тревожит то, что здесь может случиться то, что произошло на Земле. Я подавлена тем, что мой друг погиб. Я подавлена тем, что полковник хочет смерти еще многим людям. Ты можешь себе представить, что она планирует сделать подкоп под лагерь Гризи и взорвать там ядерное устройство. Все это не может привести меня в хорошее настроение.

"Почему ты все это говоришь?"—спросила она себя. Но она знала, что если они снова будут говорить о сочувствии, то она заплачет. А она не хотела плакать перед ними.

Дэйлхауз нахмурился.

— У нас нет ядерного оружия,— сказал он.

— Идиот,— съязвила она.— У твоей любовницы есть все, что она хочет иметь. Я не удивлюсь, если у нее есть танковая дивизия или соединение подводных лодок. Она украшена оружием, как дешевыми драгоценностями. Запах оружия

постоянно вокруг нее.

— Нет,— сказал он упрямо.— Ты ошибаешься относительно ядерной бомбы. Она не могла бы скрыть это. И она не моя любовница.

— Мне на это плевать. Она может предаваться сексуальным развлечениям с кем угодно. И ты тоже.

Капелюшников кашлянул.

— Мне кажется, что внезапно танцы стали более привлекательны для меня.

Он встал, и Ана взяла его за руку.

— Я прогнала тебя, извини пожалуйста.

— Нет, нет, Аннушка, времена трудные для всех нас. Так что нечего извиняться.— Он похлопал ее по руке, затем улыбнулся и поцеловал ее.— Что касается меня,— сказал он,— то я вижу, что прекрасная блондинка-полковник ходит одна и, возможно, она хочет потанцевать с каким-нибудь новым кавалером вроде меня. А ты не желаешь потанцевать? Или пообщаться другим способом? Нет? Тогда оставайся с моим другом Дэнни.

Они смотрели, как русский небрежно подошел к Мэгги, услышали ее смех, когда он заговорил с нею, затем он пожал плечами и пошел к танцплощадке.

Кринпит в своем беспорядочном передвиже-

нии по пляжу приблизился к ним. Это ощущалось по сильному запаху и тяжелому прерывистому дыханию. Ана прислушалась:

— Он теперь бормочет о своей любви. Кто-то убил ее, но я не могу понять, кто и как. Думаю, что Ахмед имел к этому отношение, и поэтому кринпит решил мстить людям. Но он стал союзником Ахмеда. Дэн, разве это не безумие? Ведь само убийство — это уже конец всему. И это не зависит от того, кто убивает, почему убивает. Только само убийство имеет значение.

Дэйлхауз встал, глядя на танцующих.

— Она идет сюда,— сказал он.— Слушай, пока она не пришла. Насчет того, что она моя любовница...

— Пожалуйста, Дэнни. Не обращай внимания на мои слова. Я действительно в ужасном настроении. Так что не думай об этом.

Он был явно не удовлетворен и хотел бы продолжить разговор, но Мэгги была слишком близко. Она остановилась, чтобы прикурить, осмотрела кринпита и его охранника, сейчас представляющего собой пример настоящего солдата — подтянутого и в полной боевой готовности. Затем она улыбнулась Нан и Дэнни.

— Болтаете? — дружелюбно спросила она.— Ко-

гда ты последний раз надевал наушники, Дэнни?

Дэнни спохватился и натянул наушники. Они были подключены к подземному датчику, предупреждающему о появлении подземников. Но внизу все было тихо.

— Извини, Мэгги.

Она покачала головой.

— Когда ты на посту, я для тебя полковник. И если я назову тебя лягушкой, ты обязан прыгать. А теперь, когда все стало ясным, я предлагаю немного покурить, прежде чем будем говорить о деле.

— Я не потребляю наркотики,— сказала Нан.

— Жаль.— Она смотрела, как Дэнни глубоко затягивается одурманивающим дымом. Затем она сказала: — Я хочу немного использовать твоего друга Чарли. Вскоре мы хотим нанести удар по лагерю Гризи, и Чарли будет нашим оружием.

Дэйлхауз от неожиданности закашлялся.

— Он... он не может...

— Спокойно, Дэнни. Переведи дыхание и слушай. Буря кончилась. Я возьму с собой пятнадцать человек и тебя, Дэнни. Мы возьмем лагерь без труда. Только я не хочу брать самолет, что они не увидели нас. Так что основную задачу выполнит Чарли.

— Чарли не может воевать.

— Разумеется. Я не думаю, что твой друг хладнокровный убийца, как и ты тоже. Но я не заставляю тебя убивать. Ты будешь поддерживать связь. Чарли будет наблюдать. Гризи не обратят внимания на одинокий газовый мешок.

— Как не обратят? Они стреляют в каждого шариста.

— Дэнни, мне не нужны твои советы. Я приказываю тебе.— Она выбросила окурок и затоптала его ногой.— Видишь ли, Гризи обязательно придут к тому же заключению, что и я. Только я пришла раньше. Все это как-то нужно решать. Единственный путь, чтобы разрешить все проблемы, уничтожить противника. Единственное, что должен делать Чарли, это висеть в воздухе с радио и сообщать нам, не выслали ли Гризи самолет и не вышли ли в лес. Я поведу отряд, но мы будем слепыми без прикрытия с воздуха. Мы должны знать, когда нам следует прятаться. Ведь для него это простая задача, не так ли?

— Да, конечно. Но, Мэгги! Ведь он почти единственный, оставшийся в живых. Полезно спросить...

— Опять ты делаешь ту же ошибку, Дэнни. Я не спрашиваю, я приказываю. Если он не сделает

этого, то я сделаю из него небольшой факел.

Она дружелюбно посмотрела на Дэнни.

— Так что после танцев я сообщу об этом людям, а завтра мы уже будем в пути.

— С атомной бомбой для Блока Горючего? — резко спросила Ана.

Лицо Мэгги Меннингер застыло. Через мгновение она ответила:

— Пожалуй, я пропущу это мимо ушей, Димитрова. Я не приказываю тебе держать рот закрытым, но смотри, чтобы ты этого больше не говорила. Все, что ты слышишь, когда переводишь, засекречено.

— О, боже,— сказал Дэнни.— У тебя действительно есть ядерная бомба?

— Заткнись, Дэнни. Ты здесь, чтобы слушать, не приближается ли подземники.

— Мэгги... вернее, полковник. Если ты имеешь в виду запасы плутония для станции, то их недостаточно для создания бомбы.

— Ошибаешься, Дэнни. Достаточно 1800 граммов. А у меня чуть больше 6000 граммов в ящиках с надписью "Горючее". Все это планировалось давно, и из этого можно легко создать небольшую атомную бомбу. О, конечно, это не стомегатонная бомба, даже и не килотонная. Но мне и не нужна

большая. Я не хочу уничтожать лагерь Гризи. Я хочу завладеть им. Я хочу забрать запасы пищи, оружия. И я знаю место, куда заложить бомбу. А потом пусть они идут к нам на поклоны.

Она выглядела такой деловитой и такой невинной, что Дэйлхауз даже не поверил, что она вынашивает такие планы.

— Это же... неспровоцированная агрессия!

— Ты не прав, Дэнни. Это превентивная мера. У Гризи тоже нет выбора. Просто они еще не поняли это.

— Черт! Так же было и с Перл-Харбором!

Она широко раскрыла глаза.

— Ну и что? Если бы японцы развили успех в Перл-Харборе, произвели посадку, то история пошла бы совсем по-другому.

Казалось, она чрезвычайно довольна собой, но внезапно она заколебалась. Она выбрала местечко посуше и села на землю.

— Вам, моим старым друзьям по Болгарии, я должна признаться, что я устала, что я испугана. Ведь дела у нас идут совсем не так, как мы мечтали. Я... что с ним?

Кринпит приблизился к ним, скрипя и пощелкивая. Ана прислушалась:

— Его трудно понять. Он говорит об Ядовитых

Привидениях, о Верхних Привидениях. То есть о нас и о шаристах. Видимо, он начал пугать нас.

— Я думаю, что для каждого из нас все враги одинаковы. Скажи, чтобы он убрался. Мне не нравится его запах.

— Хорошо, полковник Меннингер.

Но прежде, чем Ана успела составить фразу, Мэгги остановила ее.

— Подожди. Что это?

На фоне музыки послышался голос из громкоговорителя по трансляционной сети.

— Не понимаю,— сказал Дэнни.— Но я слышу что-то. В лесу... нет... в воздухе...

Внезапно музыка затихла и послышался испуганный голос

— Полковник Меннингер! Весь персонал! Приближается самолет!

Теперь уже было ясно слышно: летят геликоптер и самолет. Все танцующие смешались.

Над деревьями появились два силуэта. Они летели медленно: геликоптер и самолет, которого они еще не видели. Наверняка они не пришли с миром. Солдаты, сидящие в геликоптере, открыли огонь ракетами, а самолет поливал пулеметным огнем лагерь. Пулеметы были установлены на его крыльях. Самолет заходил на лагерь, открывая

огонь, затем разворачивался и делал следующий заход. При одном из заходов самолет выпустил четыре ракеты, и многие палатки вспыхнули, как порох.

Гризи тоже не теряли время даром.

Тут и там охранники, которые отреагировали быстрее, чем танцоры, открыли ответный огонь. Мэгги вскочила и бросилась к ближайшей ракетной установке. Самолет устремился на нее, открыв огонь из всех пулеметов и из огнемета. Мэгги, увидев, что пули вонзаются в землю возле нее, упала рядом с кринпитом. Чудовище из последних сил поднялось во весь рост и всеми двумя сотнями килограммов своего тела рухнуло на Мэгги Меннингер.

Шарн-игон знал, что это его последняя линька, мучительная болезненная. Он знал, что никогда не сможет насладиться новым прочным панцирем, не сможет ощутить приятной сексуальной близости с самкой. Он пытался предупредить своих новых союзников о приближении Ядовитых Привидений. Но они были глухи к сверкающим звукам с неба, глухи к его предупреждениям.

Боль была слишком сильна.

В его планы входило помогать им уничтожать друг друга как можно больше, а оставшихся он

хотел уничтожить сам. Но, вероятно, в своей помощи он уже сделал, что мог. Дикая боль туманила его мозги. Ослепительные звуки летящих машин и взрывы бомб довели его до безумия.

Он дошел до такой степени, что мог убить только одно Ядовитое Привидение. Может быть, этого будет достаточно. Он поднялся на ослабевшие конечности и рухнул на слабое мягкое тело, и в это время обжигающий язык огнемета лизнул их.

К этому времени весь лагерь, вернее то, что от него осталось, стрелял по машинам. Но они были вне досягаемости. Они уже были над водой в километре от них. Они сделали пару кругов и полетели прочь, не возобновляя нападения. Следующий удар будет нанесен с другого направления.

Из одного укрепления вдруг раздался крик, и два солдата исчезли в обрушившейся земле. Из ямы выскочило длинное гибкое черное существо и бросилось к людям. За ним еще одно и еще.

Подземники смогли убить только десять человек. Даже в защитных очках они не могли противостоять обученным солдатам в бою на поверхности земли. Если бы самолет продолжал атаку... но он улетел. Поэтому вскоре пятьдесят подземников валялись на земле, орошая ее чер-

ной водянистой кровью. Никто больше не вылез из-под земли. Туннель был надежно заделан.

Дэнни Дэйлхауз стоял, молча глядя на море, а медсестра забинтовывала ему рану на плече. Воздушные пираты исчезли. Тихое море расстилалось перед ним.

— Почему они не прикончили нас? — спросил он.

Ответа не было.

Глава 21

Битва давно кончилась, и лагерь почти начал обычную жизнь, когда они нашли Мэгги Меннингер — еще живую.

Она лежала под мертвым зловонным кринпитом более двух часов, оглушенная, полузадушенная, неспособная сбросить с себя эту массу. Как джин, выпущенный из бутылки, сначала она хотела дать королевский выкуп своему избавителю, но сейчас люди, подошедшие к ней, слышали только сдавленные угрозы и требования вытащить ее.

Ее вытащили и отвели подальше, отворачивая головы, так как запах от нее был ужасен. Ее непрерывно рвало, и в промежутках между приступами она отчаянно ругалась. Подбежал доктор, но она не нуждалась в его услугах. Она нуждалась только в том, чтобы избавиться от тошнотворного запаха кринпита. Она позволила Чичи раздеть ее и отвести к воде. Через полчаса она уже могла ходить сама, правда, очень неуверенно. Надев бюстгалтер и трусики, перекинув через плечо ремень с пистолетом, она подошла

к зловонной каше, каким теперь стал кринпит. Она отдала приказ убрать его и ушла.

Почему они остановились?

Лагерь был в их руках. С какой точностью они уничтожили тяжелое оружие с первого захода! Теперь у них не осталось ни одной ракетной установки, ни одного пулемета. Только пистолеты и винтовки. Из ста восьмидесяти человек двадцать два были убиты, почти пятьдесят ранены или получили ожоги.

Воздушные пираты улетели без повреждений. Подземников уничтожили всех, но если бы самолет и геликоптер продолжили свою работу, подземники запросто прикончили бы всех. Почему? Время было согласовано точно. Как только аэропланы кончили стрелять, вышли подземники. Это не могло быть совпадением. Было ясно, что Гризи подготовили их для работы. Но затем бросили их на произвол судьбы.

Но почему?

Но спасибо папе и его последнему подарку! Тонна оружия и патронов уничтожена, но в последнем корабле осталось еще не меньше тонны. Там же есть палатки и пища. Самолет Каппи был прошит пулями, но есть запасные части для его ремонта. И самое главное: шесть килограммов

плутония остались неповрежденными и нетронутыми. Убитых, конечно, не заменить. Хуже всего, что появились искалеченные. Теперь они будут обузой. Нгуен Дао Три потерял ногу и много крови. Шестеро получили сильные ожоги. Двое серьезно ранены. Легкораненных тоже очень много. Теперь нужно выделять людей для ухода за ними. Для того, чтобы вместить всех пострадавших даже не было большой палатки. Поэтому их уложили на тюфяки прямо на улице, и если снова пойдет дождь, то их положение будет незавидным. Но пока что для них сделано все, что можно, думала Мэгги, идя между ними.

Один человек привстал при приближении Мэгги. Это была лейтенант Кристианидис. Весь бок ее был забинтован. Видимо, она получила сильный ожог.

— Полковник,—сказала она,— я покинула свой пост у радио...

Мэгги взглянуа на доктора, и та покачал головой.

— Ложись, Крис. Расскажешь мне после.

— Нет. Я ол райт. Когда они прострелили палатку, я выбежала, но оставила работать магнитофон. Я записала весь их разговор. Только говорили они на разных языках.

— Спасибо. Теперь ложись,— приказала Мэгги и крикнула: — Дэнни! Проверь радиорубку. Если магнитофон работает, позови меня.

Он плохо выглядит, подумала она, когда Дэнни положил на землю узел с одеждой и, не говоря ни слова, направился к радиорубке. Впрочем, все мы выглядели не лучше. Особенно я сама. Палатка Мэгги была полностью уничтожена, и сейчас она была одета в одежду женщины, которая погибла. Одежда не подходила ей по размеру: женщина была выше и толще.

Когда Дэйлхауз позвал ее, она уже забыла, зачем послала его. Но она пошла к радиорубке. Палатка была цела. В ней были видны только пулевые отверстия. В палатке уже была Ана Димитрова. Дэйлхауз запустил пленку, а Ана надела наушники и приготовилась переводить.

— Сначала один из пилотов сказал: "Мишень!" и база подтвердила. Затем несколько раз включались передатчики пилотов, как будто они хотели говорить, затем заговорила база: "Задержать операцию. Не атаковать!" И тут один из пилотов — по акценту египтянин — сказал: "Удар нанесен. Мы заставили замолчать их ракетные установки. Примерно двадцать пять человек убиты". Затем какое-то время бормотание, которого я не могу

понять и снова база: "Приказываю. Немедленно прекратить операцию". Затем слова другого пилота; "Мы барражируем над водой, наблюдаем, ждем дальнейших инструкций". С базы последовала инструкция возвращаться, не возобновляя нападения. После этого на ленте ничего, кроме инструкции по посадке.

— Это все? —спросила Мэгги.

— Да, полковник, больше ничего.

— Но почему же они переменили решение в ходе операции? — спросила Мэгги.

Ни Дэнни, ни Димитрова не дали ответ. Но она и не ждала его. Дело не в этом. Гризи объявили войну, и если они решили закончить ее посередине, это их проблема, а не ее. Она не пойдет назад. Для Меннингер атака на ее базу решила все вопросы. Так что теперь не было вопроса, зачем. Оставался один вопрос: как? Как навязать им сражение и выиграть его?

— Ты можешь копать с такой раной в плече? — спросила она Дэнни.

— Думаю, да. Она не кровоточит.

— Тогда помоги Капелюшникову копать могилы. Димитрова, теперь ты будешь радиооператором. Никаких передач. Только слушай. Если Гризи будут переговариваться, я хочу знать

о чем.

Она оставила их и пошла в одну из уцелевших палаток. Она хотела побыть одна, чтобы подумать. Мэгги закрыла за собой дверь, села и закурила сигарету, глядя в пространство.

У нее не было сомнений, что она выиграет войну, потому что у нее осталась могущественная карта. И не одна. Например, плутоний. Вторая карта — небольшой пульт майора Вандемира. Ведь на орбите есть еще четыре спутника. Один ударит по основной базе Гризи, второй — по базе на Фарсайде. Она может сделать это в любой момент.

Основная трудность заключалась в том, что она не хотела уничтожать технику Гризи. Она хотела сохранить ее для себя. Так что спутники и бомбы были бы весьма нежелательны.

Нет. Это должна быть наземная операция. Может быть с плутонием, если его правильно заложить в нужное место. Конечно, жаль, что Гризи опередили ее с ударом и уничтожили ракетные установки. Но это не катастрофа. Жаль, конечно, что теперь уменьшилось количество боеспособных солдат. А с кем же тогда она пойдет в рейд? Мэгги Меннингер только что приняла решение, определяющее будущее человечества

на Джеме, хотя и сама не знала об этом.

— Единственное хорошее во всем этом,— сказал Дэйлхауз Капелюшникову,— заключается в том, что объекты, которые уничтожены, в основном, военные. По крайней мере, теперь мы можем заняться тем, для чего прилетели сюда: научной работой.

Капелюшников хмыкнул и выбросил из ямы несколько лопат земли.

— Да, конечно,— он вытер пот с лица.— Только один вопрос: какова настоящая цель экспедиции?

— Выжить! И сохраниться! Бог знает, что произошло на Земле. Может быть, мы единственные оставшиеся люди, и все плоды нашей пятитысячелетней цивилизации здесь: и достижения науки, и литературы, и музыки, и искусства.

— Слишком огромная ответственность для двух гробокопателей,— заметил Капелюшников.— Конечно, ты прав, Дэнни. У нас в Советском Союзе говорили: любое путешествие начинается с первого шага. Какой шаг сделаем мы?

— Ну...

— Нет, подожди. Вопрос чисто риторический. Первый шаг очевиден. Когда закончим копать могилы для наших ушедших друзей, ты, Дэнни,

пойдешь к полковнику и доложишь, что можно начинать погребальную службу.

Он воткнул лопату в грязь и сел. Он выглядел крайне раздраженным. Впервые Дэнни видел его таким.

Он сказал:

— Ол райт. Мы слишком устали. Нужно передохнуть.

Пилот покачал головой, затем улыбнулся.

— Я не только устал, Дэнни. Я ведь русский. А это очень тяжелая ноша. У нас в СССР есть другая пословица: сотня лет больше, сотня меньше — какая разница? Но я скажу тебе правду, Дэнни: все пословицы — чушь. Я знаю, что мы делаем: я, ты, все мы. Мы делаем, что можем. Не так много, как хотелось бы, но все, что можем.

Дэйлхауз положил лопату и направился к штабу, размышляя. Тяжелая ответственность! Если хорошенько подумать, то станет ясно: все сохранить невозможно. Слишком много невосполнимого будет утеряно — уже утеряно. Слишком мало шансов на то, что уцелеет Триумфальная арка, Британский музей, Парфенон, не говоря уже о миллиардах человеческих жизней. Дэнни с трудом сознавал, что никогда ему не услышать симфонию, увидеть балет, ужинать

в российском ресторане на крыше небоскреба... Столько утеряно навсегда! И столько еще будет утеряно...

Однако не утеряно главное: надежда. Они могут выжить. Они могут построить все снова. Они могут построить все даже лучше, имея опыт прошлых ошибок жизни на родной планете...

Возле штаба толпились люди, и туда уже подошла Мэгги с парой своих помощников. Дэнни ускорил шаг и пришел как раз вовремя. Ана говорила:

— Только что пришло сообщение, полковник. Я воспроизведу ленту для вас.

— Давай,— сказала Мэгги. Она задыхалась от быстрого шара. Дэйлхауз подошел поближе. Мэгги, казалось, была близка к обмороку. Но она собралась с силами и приготовилась слушать.

Дэнни узнал голос. Это был чернокожий вице-адмирал авиации Понтефакт. Он говорил недолго:

— Это официальное послание лагеря Блока Горючего лагерю Блока Продовольствия. Мы предлагаем немедленное перемирие. Мы предлагаем, чтобы вы и мы со своей стороны не приближались к чужим лагерям ближе, чем на двадцать километров. Ждем ответа в течение

часа.

Пауза, а после нее голос с явным ямайским акцентом:

— Как вы поняли, наше нападение на ваш лагерь было спровоцировано уничтожением наших спутников. Приказ на нападение был отдан после тщательного изучения возможных альтернатив гибели спутников. Мы хотели уничтожить вашу базу полностью, но ограничились минимальными потерями с вашей стороны. Поэтому мы и предлагаем вам перемирие. Помните, наша звезда Кунг нестабильна. Она близка к тому, чтобы вспыхнуть. Мы уверены в этом, так как уровень радиации постоянно колеблется. За последние двадцать четыре часа он возрос до максимума. Во время нападения мы получили данные от наших астрофизиков, что вспышка произойдет в ближайшее время. Точного времени мы не знаем. Видимо, в пределах от сорока восьми часов с этого момента до двух недель. Если вы принимаете перемирие, мы передадим вам все данные, и ваши специалисты сами смогут оценить правильность наших выводов.

Голос немного дрогнул, затем тон сообщения стал менее официальным:

— Мы не знаем положения дел на Земле. Думаю,

что и вы тоже не знаете. Но очевидно, что мы, живущие на Джеме, единственные представители человеческой расы во вселенной. Мы считаем, что все ресурсы сейчас нужно направить на то, чтобы подготовиться к вспышке. Если мы будем продолжать войну, то можно с уверенностью сказать: мы все погибнем. Я не предлагаю работать вместе. Я предлагаю кончить войну. По крайней мере, до окончания кризиса.— Снова пауза. И затем: — Пожалуйста, ответьте нам в течение часа. Боже, помоги всем нам.

Мэгги закрыла глаза. Все молча смотрели на нее и ждали. Затем она открыла глаза, собралась с духом:

— Ответь им, Димитрова. Скажи, что мы принимаем предложение, запроси технические данные и скажи, что мы свяжемся с ними снова, как только нам будет что сказать. Люди, война закончена.

Через десять минут весь лагерь знал это. Мэгги выступила по трансляционной сети, прокрутила ленту с предложением Гризи и рассказала все о приближающейся катастрофе. Затем она приказала Алексу Харкурту изучить данные, полученные от Гризи, и сообщить ей результаты. Повернувшись к Дэнни, она сказала:

— У меня нет кровати теперь, но мне нужно поспать хотя бы час.

— Ложись в моей палатке.

— Я ждала твоего предложения— Она взглянула на тускло-багровое небо, где в облаках прятался Кунг, и покачала головой.— Ужасный день сегодня.— Он сопровождал Мэгги к палатке.— И он еще не кончился. Знаешь, что я хочу сделать на митинге?

— Понятия не имею.

— Разумеется. Тебе никогда не догадаться. Я хочу сообщить о полной отставке полковника Марджори Меннингер от активной деятельности.

— Что?

— Закрой рот, Дэнни, и не стой здесь,— посоветовала она.— Мы создадим гражданское правительство, которое будет действовать, когда худшее будет позади. А может и раньше, мне все равно. Может быть, ты и все те, кто выступал против армии, правы. К тому же теперь очевидно, что мои действия не сработали так, как надо. Я полагаю, что нужно провести выборы в правительство и ты должен стать его главой.

— Зачем? Почему я? Мэгги, ты хочешь, чтобы я все расхлебывал?

— Почему ты? Потому что ты практически единственный, кто остался из первых поселенцев. Ты и Каппи. Потому что тебя все любят. Потому что ты единственный в лагере, кто может управлять, и к тому же ты не солдат. Я не давлю на тебя. Решай сам. Но я буду голосовать за тебя. Хотя... — добавила она,— хотя вряд ли наше решение изменит что-либо.

Они были уже у палатки, и Мэгги задержалась у входа, глядя на небо.

— Черт,—сказала она,— опять начинается дождь.

Действительно, крупные капли забарабанили по брезенту.

— Раненые! — сказал он.

— Да. Надо построить навес. Жаль, Дэнни, я надеюсь, что перед митингом мы с тобой немного поразвлечемся в постели.

Дэнни не смог удержаться от смеха.

— Мэгги, ты очень странный человек. Иди ложись.— И когда она пошла в палатку, Дэнни обнял ее.—Я никак не мог предположить в тебе такого поворота. Что заставило тебя поверить в гражданское правительство?

— Что заставило? Может, этот чертов кринпит. Если бы он не рухнул на меня, сейчас вы похоро-

нили бы меня вместе с другими. Он отдал свою глупую жизнь, чтобы спасти меня. Хотя я и не доверяла ему.

Их осталось так мало, что для митинга не потребовалось включать трансляцию. Те из раненых, что могли, сидели в своих палатках и слушали, а остальные расположились на мокром помосте танцплощадки. Мэгги Меннингер говорила, стоя на небольшом возвышении. Она рассказывала о выводах Харкурта.

— Данные, полученные от Гризи, относятся большей частью к геологии, а не к астрономии. Они выкопали множество шурфов. Из данных очевидно, что вспышки происходят регулярно раз в двадцать-тридцать лет. Судя по количеству пепла и угля, происходит увеличение уровня излучения на семьдесят пять процентов и длительность вспышки неделя, а может и дольше. Этого достаточно, чтобы убить нас. Как теплом, так и ионизирующим излучением. Теперь, когда это случится? Они предполагают, что минимум через десять дней. Я могу только подтвердить их заключение. К сожалению, более точный прогноз невозможен.

Из толпы слушателей послышался шепот.

— Из полученных данных видно, что темпера-

тура поверхности постепенно повышается уже две недели. Поэтому и погода так испортилась. Во время вспышки температура поверхности будет где-то между температурой 35 градусов и точкой кипения воды. Я не думаю, что она будет выше, хотя в момент вспышки трудно что-либо предположить. Во всяком случае, то, что может гореть — сгорит. Например, леса. Но не сразу. Сначала они будут высыхать. После этого температура начнет спадать, начнутся сильные дожди, которые зальют пожары. Период дождей продлится несколько недель. А затем все придет в норму.

— Но не останется ничего живого,— сказал кто-то.

Харкурт развел руками.

— Может быть. Но если будут убежища, то можно выжить.— Он хотел продолжать, но Мэгги остановила его.

— Ты говоришь без большой уверенности.

— Да.

Дэйлхауз встал:

— Алекс, почему же все не погибло на Джеме, если эти вспышки регулярны?

— Я могу только высказать предположение. Сначала о растительности. Она выгорает, но затем из корней прорастает новая. Семена, веро-

ятно, выживают тоже. А обильные дожди после вспышки дают хороший старт растительности для возобновления жизни. Первобытные люди на Земле тоже выжигали леса для удобрения почвы. Я не знаю насчет животного мира. Подземники, вероятно, не почувствуют особых неудобств, если, конечно, у них есть запасы еды. Большинство из них выживет. Может быть, и кринпиты. Они хорошо защищены от внешней среды. Им не нужно беспокоиться, что вспышка ослепит их — у них ведь нет глаз. Панцирь надежно защищает их внутренние органы.

— А как насчет Чарли?

— Не знаю. Тут сложнее. Думаю, что вспышка уничтожит всех взрослых, но их разбросанная сперма может дать потомство. Разумеется, будут сильные мутации. Эволюция на этой планете происходит очень быстро.

— Но если все эти существа могут выжить, то почему не можем мы?—спросила Мэгги.

Харкурт пожал плечами.

— Они приспособлены, а мы нет. Кроме того, я говорил о выживании расы, а не отдельных особей. Может, выживет всего один процент. Может, меньше.— Он осмотрел аудиторию.— Сколько будет один процент от нас?

— Ясно,— сказала Мэгги.— Я полагаю, нам все ясно. Значит, нам нужно строить убежище, защищающее от теплового и ионизирующего излучений. И строить надо быстро. Есть ли у кого-нибудь идеи относительно этого?

Харкурт колебался.

— Понятия не имею. Палатки бесполезны. О, я еще должен упомянуть о ветрах, которые в это время будут очень сильными. Так что убежище должно выдержать ураганный ветер, скорость которого двести километров в час. Я подумал, нельзя ли использовать туннели подземников. Однако немногие из нас выдержат жизнь под землей при высокой температуре, без вентиляции.

Все молча оценивали такую возможность. Затем встал Капелюшников.

— Можно сделать вот что: человек пятнадцать могут взлететь в капсуле и продержаться на орбите, пока все кончится.

— Но там тоже будет жарко,— запротестовала Мэгги.

Каппи покачал головой.

— Только радиация. Стальная обшивка отразит процентов девяносто, а может быть и полностью защитит. Единственная проблема, как выбрать этих пятнадцать счастливчиков?

Мэгги задумалась, затем сказала:

— Нет, это последнее дело, Каппи. Здесь другая проблема — что будут делать эти счастливчики, когда вернутся на мертвую планету? Ведь никого из нас не останется. Думаю, что те, кто полетит туда, должны не возвращаться на Джем, а попытаться добраться до Земли или до других колоний. Здесь им будет не выжить.

Харкурт кивнул и добавил автоматически.

— Не вся планета будет мертва.

— Что?

— Да, только половина планеты. Та, что обращена к Кунгу. На обратной стороне даже не заметят, что была вспышка. Но нам это все равно, потому что мы живем здесь и у нас нет времени, чтобы построить там обогреваемый купол, изолированный от окружающей среды, и перебросить все туда. В чем дело?

Мэгги внезапно разразилась смехом.

— Сукины дети,— сказала она.— Снова убеждаешься, как ты глуп, когда начинаешь верить людям. Эти бастарды Гризи обманули нас. Они предложили мир не потому, что хотят мира. Они прекратили войну потому, что поняли — мы и так погибнем!

— Но... но они...

— Нет! Они не погибнут! У них есть база на Фарсайде! — Она покачала головой.— Люди! Я хотела заявить о том, что передаю власть гражданскому правительству. Но теперь я решила, что нужно подождать. У нас есть необходимость выполнить военную работу. Когда эта сторона планеты будет залита губительной радиацией и умирать от жары, Гризи спрячутся в уютном гнездышке на той стороне планеты. Им будет наплевать на то, что творится здесь. Да, гнездышко у них будет очень уютное. И я хочу отнять его у них.

Глава 22

Дэнни летел уже больше часа над высокогорной пустыней. Ущелья и каньоны проплывали под ним. И только изредка зеленые островки, слишком маленькие для того, чтобы сесть. Капелюшников снижался к ним, насколько возможно. Он проделал огромную работу по разведке и сократил пешему отряду, пробивающемуся сквозь джунгли и пустыню, сотни километров. И тем не менее им оставалось еще не меньше трех дней пути, и каждый шаг давался с огромным трудом.

Все же уже давно Дэйлхауз не чувствовал себя так хорошо. И это несмотря на страшную усталость. Несмотря на то, что вспышка может произойти в любой момент. Несмотря на то, что Мэгги Меннингер допустила ошибку в заказе обуви. Так что он натер правую ногу до пузырей. Однако он не был самым невезучим. Трое из отряда совсем остались без обуви.

— Мы вернемся за вами,— пообещала Мэгги.

Но Дэйлхауз понял, что она лжет. И по глазам остающихся было видно, что и они это понимают. И все же он был счастлив, шагая вперед, хотя

иногда ему не хватало дыхания. Редкие полеты были для него не работой, а отдыхом.

Но теперь они пришли туда, где полеты были небезопасны. Дождь с перерывами шел уже сорок часов, то заставляя их дрожать от холода, когда они промокали до нитки, то заставляя задыхаться от удушливого пара, который исходил от промокшей одежды при ее высыхании. Впрочем, это не имело значения. Плохо было то, что невозможно было видеть Чарли и двух оставшихся в живых членов его стаи. Дэнни забрал от них радио, так как Гризи могли перехватить их разговоры. И когда рассеивались облака, Дэйлхауз обшаривал небо, отыскивая своих друзей. Он ни разу не видел их, не слышал их песен, но он знал, что они поблизости, они в небе.

Их было двенадцать человек, пробивающихся к лагерю Гризи. Они ушли с Базы, приказав остающимся изображать, что на базе их по крайней мере вдвое больше. Оставшиеся прекрасно понимали, что если миссия отряда завершится провалом, то выжить им не суждено. Мэгги сама передала последнее сообщение Гризи:

— Мы начали строительство подземного убежища. Когда вспышка кончится, поговорим о мире. А пока мы будем стрелять в любого, кто

приблизится к нам.

Сейчас им осталось десять километров пути. Три часа для человека в хорошем физическом состоянии. Но целый день пути для измученных людей... Сложность заключалась не только в том, что им приходилось преодолевать различные препятствия, но и в том что они были нагружены до предела. Им пришлось нести на себе все: пищу, оружие, воду, различное снаряжение. Все необходимое им пришлось нести на своих плечах.

Самыми тяжелыми были красные цилиндры с надписью: "Элементы питания. Замена". Каждый цилиндр весил не менее килограмма. А двадцать цилиндров — это уже была тяжелая ноша.

Сначала они несли эти цилиндры так, чтобы исключить возможность соединения их вместе для образования бомбы. Лейтенат Кристианидис следила за тем, чтобы расстояние между несущими было не менее метра. Конечно, шансы на то, что при падении цилиндры образуют критическую массу, были малы. К тому же Мэгги заверила всех, что без сложного оборудования и взрывателей бомба не сработает. Поэтому им приходилось тащить на себе еще двадцать килограммов сложной аппаратуры. И тем не менее, все они были крайне осторожны. Они боялись,

что произойдет взрыв.

В конце каждого перехода Мэгги обходила весь отряд, проверяя груз. Когда она подошла к Ане Димитровой, сидящей очень близко к Дэнни Дэйлхаузу, она спросила:

— Ты не беременна?

— Что? Что за вопрос?

Но Мэгги покачала головой.

— Прости. Я устала. Я должна знать, что с тобой все в порядке.— Она ухмыльнулась, подмигнула Ане и Дэнни. Но когда отряд снова отправился в путь, то Ана уже несла фляги с водой, а красные цилиндры перекочевали на спину Марджори Нозелер.

Мэгги выглядела ужасно, и с каждым шагом вид ее становился все хуже. Ее пухлость давно исчезла. Впервые на лице ее обнажились скулы, а голос стал хриплым. Ее пребывание под крипитом в течение двух жутких часов подавило ее защитные рефлексы. К тому же на коже у нее появились зловещие пятна коричневого цвета, похожие на ожоги. Она уверяла, что это не болезненно, но Дэнни понимал, что она лжет.

Но он думал, что Мэгги говорит правду относительно одного важного дела: она утверждала, что бомба, которую они несут, не будет исполь-

зована.

Он был первым, кто предложил это, и Мэгги согласилась сразу.

— Конечно,— сказала она,— я не хочу уничтожать лагерь. Мне нужен этот лагерь — и не просто для нас, но для будущего всей человеческой расы на Джеме. Бомба нужна нам только для угрозы. Для этого мы и несем ее.

Дэнни сказал об этом Ане на последней остановке перед тем, как они приблизятся к лагерю Гризи.

— Она думает о будущих поколениях. Она считает, что наши гены и хромосомы не должны подвергнуться действию радиации.

— Конечно,— не удивилась Ана.— Я тоже так считаю.

Так что у Дэнни была надежда. Она привела его через дикие джунгли ко входу в грязную пещеру, через которую они могли проникнуть в туннели подземников, ведущие под лагерь Гризи. Она была у него, когда майор Вандемир и Крис Кристианидис собирали взрыватель и вставляли в него стержень детонатора. Она не покидала его и тогда, когда Мэгги, Вандемир и еще двое тяжелым грузом исчезли из виду. И та часть его жизни, нет, всех жизней, которые они прожили вот до этого

момента — эта часть жизни была их позором, их несчастьем, их бесчестием. Может быть, даже хуже. Дэнни не мог подумать об этом иначе, как о чем-то грязном, предательском. Это было не что иное, как грабеж со взломом! Воровство! Но это должно кончиться. Должно наступить лучшее время. Надежда на лучшее время не покидала его целых два часа с того момента, как Мэгги и другие исчезли в туннеле. Она не покидала его до того момента, как Крис Кристианидис посмотрела на часы и сказала:

— Ну вот. С этого момента никому не выходить. Лицом к стене. Руками закрыть глаза. Когда появится огненный шар, не смотреть! Затем выждать десять минут. Я скажу, когда...

И тут раздались крики. Дэнни кричал:

— Она хочет сделать это! Она же обещала...

— Дэнни, она же не могла его выполнить! Она дала фальшивое обещание Гризи, чтобы мы могли захватить продовольствие и оружие. Тогда мы сможем выступить против них и уничтожить всех!

— Это безумие! — вскричала Ана.— Радиация убьет нас, если мы войдем в лагерь.

— Может быть. У меня есть счетчик. Мы проверим все. Самое главное — самолеты. Если мы

захватим их, мы можем полететь на их базу на Фарсайде.— Крис колебалась. Она была посвящена тайну с самого начала и понимала, что они задумали преступление и что ее место вместе с полковником и майором за решеткой. Во всяком случае,—сказала она,— мы уже ничего не смолам сделать. Бомба будет взорвана через десять минут. Прячьте свои головы!

И только сейчас надежда погибла полностью.

Для самки подземников тоже все было кончено. Слепая и одинокая, она двигалась по туннелю в то единственное место, где она могла еще быть.

Уровень на глубине тридцати метров под землей. Место для выращивания молодняка, любовных игр и место, для того, чтобы умирать. Мать др-Ши никогда не была здесь раньше. Она была главою семейства, которой было предназначено судьбой нести ответственность. Однако она знала, что придет время, когда в конце жизни ей придется увидеть эти старые туннели и умереть в них.

Но что-то было здесь не так. Время умирать пришло, и он приползла сюда. Но она не видела ничего.

С негодованием Матка подняла переднюю часть туловищ, и спросила:

— Здесь есть кто-нибудь?

Ответа не было. Ни звука. Никакого запаха, кроме запаха те кто давно умер здесь. Она снова крикнула. Но не потому, что надеялась получить ответ, а просто по привычке быть методично во всем.

— Есть кто-нибудь, кто слышит меня?

Никого. Если бы она получила ответ, то это мог быть только кто-нибудь из одичавших молодых, которые носятся по туннелям, ища убийства. Но здесь даже их не было.

Так что ее чувство слуха было тут бесполезно. Зачем нужен слух, если слышать нечего?

Конечно жаль, что она слепа. Но у нее не было чувства злобы к Двуногим, которые выжгли ей глаза своими стробоскопам! Она отомстила не за то, что они отравили туннели, за то, что совратили молодых на путь злобы и убийства. Она сражалась против них, Двуногих, и даже против своих молодых, которые приняли новую веру. И вот теперь туннели пусты. Было бы не так печально, если бы она могла видеть слабый фосфоресцирующий свет разлагающихся останков. Что у нее осталось? Вкус уже не имел смысла. Еды уже почти не было. А зачем обоняние? Нюхать пыль под нею? Др-Ши чувствовала себя гораздо

лучше, если бы она была заточена в своей норе, как это было в лучшие, счастливые годы своей жизни...

Которые теперь кончились...

Она потянулась и издала мягкий кошачий звук отчаяния. Ее начинал мучить голод. Двуногие уничтожили все хранилища для еды, отравили почти все туннели. Но туннели ведь тянулись на десятки километров во все направления. Ведь где-то в этом огромном мире должно остаться что-то. Однако она не собиралась таскаться в поиски. Она не хотела продлевать жизнь.

Внезапно туннель содрогнулся. Это было почти перестальтическое движение, а не обычное сотрясение. Мать др-Ши никогда раньше такого не испытывала. Туннели иногда обрушивались, в них вторгались кринпиты, заливали дожди... Но никогда раньше земля не двигалась. Такого не может быть! Мать др-Ши испытывала то же самое, что испытывал бы человек, если бы вдруг воздух вокруг него разлетелся на мелкие осколки, как стекло.

И затем, где-то в километре отсюда, на поверхности земли раздался звук. Это был не просто звук. Это была воздушная волна, которая ударила по ее ушным перепонкам, и в голове возник при-

ятный шум, похожий на беспорядочные крики о помощи перепуганных детенышей. Однако с этого момента уже никогда детеныши не будут звать ее на помощь...

Левое колено Мэгги ужасно болело и кровоточило. Кожа на нем давно была стерта до мяса. Ей было все труднее и труднее поспешать за теми двумя, что ползли впереди. Бог создал ее совсем не для того, чтобы ползать часами по подземным туннелям высотой всего девяносто сантиметров. Чтобы немного облегчить нагрузку на больное колено, она попыталась ползти, опираясь на руки и на здоровую ногу. Но через два метра она просто упала, ползший за нею Вандемир едва не наткнулся на нее. Двое впереди продолжали ползти, так что Мэгги пришлось удвоить усилия, чтобы не отстать, а это еще больше усилило ее мучения.

Она остановилась, посмотрела на часы. Больше четверти часа до взрыва. До того момента, как взорвутся две гранаты и подорвут бомбу. К этому моменту они удалились примерно на километр. Достаточно для того, чтобы не пострадать. Она крикнула:

— Отдых! — и перевернулась на спину, тяжело дыша затхлым воздухом.

По счастью, в туннеле было не совсем темно, что оказалось для нее неожиданностью. Глаза ее уже привыкли к темноте, и она различала световые пятна, такие слабые, что даже было невозможно сказать, какого цвета.

Мэгги услышала глубокий вздох в туннеле позади нее.

Затем снова тишина.

— Ван? — крикнула она.— Майор Вандемир?

Грязные стены поглотили ее голос, ответа не было. Она перекатилась на живот, развернулась в туннеле и поползла назад.

Запах мышей стал очень сильным. Мэгги включила фонарь на своем шлеме и увидела, что майор мертв. Один из подземников побывал тут, и нож, торчащий из глаза майора, подтверждал это.

— Черт,— прошептала Мэгги и вытащила пистолет. Свет фонаря прорезал тьму туннеля, но не смог успокоить ее. Туннель был извилистым, с боковыми ответвлениями, в каждом из которых ее мог поджидать враг, чтобы отвернуть ей голову.

Она хотела крикнуть остальных, но остановила себя. Им не вынести тело майора из туннеля. К тому же майор загораживал весь проход и мог сослужить последнюю службу, блокировав продвижение преследователей.

Есть более лучший способ. Она достала одну из своих двух гранат, завела ее на десять щелчков и, катнув ее к майору, поползла прочь, как можно быстрее. Через сто секунд она бросилась ничком на землю, закрыв голову. Позади раздался взрыв, и она поняла, что обрушила туннель, похоронив доблестного майора. После взрыва она вдруг осознала, что не слышит своих спутников.

— Сэм! Чотник! — закричала она.

Они не отвечали, видимо не слышали ее приказа остановиться.

Она оставила свет фонаря на шлеме и поспешила за ними. Боль в колене сразу забылась сама собой. Когда часы показали время взрыва, она еще не нагнала своих спутников.

Она быстро легла на спину. Сейчас можно было не закрывать голову. Либо она погибнет тут, либо нет. Все зависело от того, далеко ли она смогла отползти от места взрыва. Расстояния должно хватить. Взрыв, по расчетам, должен быть не очень сильным. Если все сделано правильно, он должен уничтожить только оружие Гризи. В расчетах она была уверена. Карта, ради которой Тинка и индонезиец пожертвовали жизнью, ясно показала, где находятся жизненные центры базы. Однако рассматривать карту на поверхности зем-

ли и попытаться сориентироваться под землей — это разные вещи. Сейчас Мэгги даже не была уверена, что она правильно ползет обратно. Нужно было протянуть от выхода шелковый шнур.

И в это время раздался взрыв. Точно в назначенный срок. И она осталась жива.

Ей даже не было страшно. Значит, хотя бы в этой части ее план сработал. Теперь, если Крис правильно проведет атаку... если они не забудут накидки от радиации... если Гризи не успеют опомниться и оказать сопротивление... если бомба заложена туда, куда надо... слишком много если. Нет, ей нужно быть там, наверху, со всеми, а не здесь.

Какой-то глухой звук привлек ее внимание. Она посмотрела и увидела, что целая секция потолка рухнула в туннель и завалила его.

Последствия взрыва? Может быть, но маловероятно. Подземники пытаются устроить ловушку для врага? Ведь ее можно было так просто выследить по кровавому следу от раны на колене.

Пора выбираться отсюда. Содрогаясь от мучительной боли и замирая от страха, Мэгги ползла вперед.

Через десять метров голова ее уткнулась в стену.

Она снова включила свет. Свежая земля. Значит, подземники замуровали оба выхода из туннеля. Она быстро развернулась. Сзади никого. Она была одна.

Мэгги Меннингер сказала, обращаясь к стене:

— Самое страшное для человека — это быть погребенным заживо.

Она ждала, надеясь услышать хоть слово. Затем вытащила пистолет и пошарила рукой лопатку. Ее не было. Она оставила лопату возле места взрыва. Тогда пальцы.

Она бросила пистолет и стала когтями разрывать стену. С яростью. Потом в ужасе. И, наконец, потому, что больше ей ничего не оставалось делать.

От горизонта до горизонта, насколько мог видеть Чарли, все было затянуто облаками. Буря ослабевала там, вблизи океана, но здесь, над лагерем Гризи, она продолжалась. Уже несколько часов он не видел земли и несколько дней, как он не видел отряд друга Дэнни. Ветер, сильный и безжалостный, тащил его и двух оставшихся в живых самок по направлению к Полюсу Тепла. Они уже устали и выбились из сил. К тому же потеряли высоту.

Пока они сражались с ветром, появилась новая

стая, летящая от Полюса. Чарли повел свои остатки, чтобы соединиться с нею. Он жаждал новых слушателей, чтобы пропеть им песни о новых друзьях с Земли, а также услышать песни, которые он не слышал. У него заняло много времени присоединение к стае. Стая была небольшая, меньше чем шестьдесят взрослых, но в ней были новые голоса, которых Чарли никогда не слышал. И он с радостью устремился к ним.

И тут небо озарила белая вспышка.

Она захватила всех врасплох. Чарли оказался одним из счастливчиков. Он смотрел в другую сторону и поэтому не ослеп. Он видел, как преобразилось вечно хмурое багровое небо, озарившееся невиданным сиянием. Затем он услышал звук, и немного погодя черное облако смешалось с облаками Джемианского неба.

Песни приветствия сменялись криками боли и ужаса. Чарли мог ответить только призывом подниматься. Старшие члены стаи подхватили песни, и самка начала сбрасывать балласт, чтобы подняться, но некоторые не могли. Они не просто ослепли, они испытывали сильную боль и не могли реагировать на песни Чарли.

Хотя они были далеко от взрыва, шквальный ветер разметал стаю по небу. Чарли никогда

не ощущал таких ударов ветра. Всегда он мог предсказать заранее, что начинается буря, и можно было уйти от нее, подняться выше облаков, пропустить ее под собою. На этот раз не было никакого предчувствия. Ему казалось, что ветер отрывает части его тела, выкручивает его конечности. Его несло через чужую стаю, он сталкивался с самцами, самками, сбивая молодых.

И затем снова без предупреждения острый запах самок ударил в его ноздри. Пора оплодотворения!

Самки уже работали вовсю, выпуская длинные серебристые нити яйцеклеток. Весь воздух был пронизан требованием оплодотвориться. Для Чарли и всех взрослых самцов не было вопроса, что делать дальше: сеять семена, оплодотворять яйцеклетки. Сама природа требовала этого. Поверхность их воздушных мешков натянулась, превратив их лица в карикатуры на самих себя. Это было выражение боли, и боль должна будет кончиться, когда исторгнется семя.

Но это неправильно, неправильно! Чарли со страхом и болью задавал этот вопрос стае, которая пела вместе с ним. Почему это оплодотворение? Почему огонь пришел с враждебной земли, а не с неба? Что означают этот жар, грохот

и дикий ветер? Всем своим теплом Чарли понимал, что это неестественно. Почему это огромное черное облако все время растет, намереваясь поглотить их всех?

Этот вопрос непрестанно задавали и Чарли, и вся стая, пока обжигающий жар ядерного пепла не выжег им глаза, не сжег их газовые мешки, выпустив водород, и не заглушил их песни навсегда.

Глава 23

Ядерный взрыв на этой планете был невиданным зрелищем. Он был менее килотонны и вряд ли на Земле был бы замечен кем-нибудь на фоне многомегатонных взрывов, которые искорежили поверхность планеты. Когда гранаты сблизили своим взрывом плутониевые стрежни, мощная реакция пришла в действие.

И затем раздался взрыв. Все, что окружало плутониевый заряд: оболочка, стены туннеля, обратилось в горячий газ с давлением в биллионы атмосфер. Газ стремился вырваться на свободу. И он вырвался. За одну тысячную долю секунды образовался огненный шар диаметром пятьдесят метров. И этот шар стал расширяться во все стороны со скоростью пятьсот километров в час. Он был ярче, чем Кунг, ярче, чем Солнце Земли, ярче, что сто солнц, собранных вместе. И яркость его начала уменьшаться по мере охлаждения шара.

Люди, скорчившиеся в пещере, видели вспышку даже с закрытыми глазами, а сильный удар они ощутили своими телами, когда затряслись стены пещеры. Грохот был ужасающий. И затем

они услышали голос Крис Кристианидис:

— Не вставать! Глаза не открывать! Ждите! — Почти десять минут она держала их в пещере, и только потом она позволила им открыть глаза.

Осторожно они выглянули из-за хребта и с ужасом увидели, что сделала Мэгги Меннингер.

Ядерный гриб вонзился высоко в атмосферу, пробив дыр в облаках, но вершины гриба не было видно. Лагерь Гризи, казалось, почти не пострадал. С лица земли был смертен склад, сгорело несколько палаток. Повсюду бродили ошарашенные люди.

— Она... она промахнулась! — крикнула Крис, и Дэнни Дэйлхауз не мог понять, сердита она или рада.

Эпицентр взрыва был в полукилометре от лагеря. Мэгги промахнулась. Вся сила взрыва пропала понапрасну. Однако тепловой удар был достаточно эффективен. Люди, которые находились вблизи, ослепли и получили ожоги. Никто не предупреди их, что нужно закрыть глаза и не смотреть в сторону взрыва.

— Проверьте оружие,— сказала Крис. Она сняла защитные очки, глаза ее были красные и опухшие. Но голос у нее был решительный.— Накинуть плащи. Идем.

Дэйлхауз встал, натянул пластиковый плащ. Неужели он может защитить от радиации? Поднял карабин и вставил магазин в него. Зачем он делает это? И медленно пошел вместе с отрядом, в котором было только девять человек, к лагерю Гризи.

На каждом шагу он говорил себе, что все неправильно. Неправильно тактически: ядерный взрыв вывел из строя только нескольких, кому не повезло. Оставшиеся в живых легко справятся с ними. Неправильно стратегически: они не имели права попадать в такую ситуацию. И самое главное: неправильно морально. В каком мире они собираются жить, если в борьбе за него они нападают друг на друга исподтишка?

Дэйлхауз неспокойно посмотрел на отряд, шедший в одну линию. Все смотрели вперед, на лагерь Гризи. Неужели никто из них не чувствует себя также, как он?

Он остановился.

— Крис, я не хочу делать это!

Она медленно повернулась к нему так, что ствол автомата уперся ему в живот.

— Вперед, Дэнни.

— Нет, подожди, Крис...

Она резко сказала:

— Я ждала этого от тебя. Мы пойдем туда. Все. Полковник Меннингер приказала, и я выполню приказ. Иди.

Остальные встали, глядя на них. Все молчали, они ждали пока Дэйлхауз рассматривал ствол автомата, направленный уже ему в переносицу.

Он сказал:

— Нет, Крис.

Выражение лица Крис изменилось, посуровело, и он понял: да, она собирается нажать курок.

— Убери автомат, лейтенант,— крикнула Ана.

Она была немного сзади и уже направила свой пистолет в спину лейтенанта.

— Я не хочу убивать,— сказала она.— Но я тоже не хочу нападать на этот лагерь.

Дэйлхауз не стал ждать. Он шагнул вперед и взял автомат из руки Кристианидис. Он швырнул его далеко в кусты, куда тут же забросил и свой. Через секунду то же самое сделала и Ана, а за нею и остальные.

— Идиоты!— крикнула Крис.— Они перестреляют вас, как кроликов!

Дэйлхауз не отвечал. Он смотрел на лагерь, где люди уже заметили их. У них было оружие, и они смотрели на драму, разыгрывающуюся на холме.

Дэйлхауз поднял руки вверх и пошел к лагерю.

Краем глаза он заметил, что Ана сделала то же самое. Может, Крис права? Может, кто-нибудь из Гризи уже опустился на колено, прицеливается, приготовился стрелять?

Но он уже ничего не смог бы с этим поделать. Как велика не была их вина, она уже не была его виной, и впервые за несколько месяцев он ощутил в душе мир и покой.

Глава 24

И, наконец, что можно сказать о них? Что можно сказать о Марджори Меннингер, Дэнни Дэйлхаузе, Ане Димитровой, о Чарли, об Ахмеде Дулле, о Шарн-игоне, о Матери др-Ши? Они делали, что могли. И слишком часто делали то, что считали необходимым сделать. И обо всех них можно сказать то, что можно сказать о любом живом существе — человеке или представителе другой расы — все они умерли. Некоторые пережили войну. Некоторые пережили вспышку. Но в борьбе со временем выживших не оказалось.

И затем, что можно сказать о прекрасной и могущественной женщине по имени Мускрат Гринклоуд Ан-Гуен?

Каждый скажет, что в ней есть следы Мэгги и Нан и некоторых других. Некоторые следы обусловлены цепочками ДНК, другие тем, что эти люди были раньше. Она никогда не знала их, потому что с тех пор прошло уже шесть поколений.

Как все мы, она не была единой личностью. В ней заключалось три личности, или шесть, или

сто, если учесть те отпечатки, которые наложили на ее личность множество людей, живших рядом. Для своего любовника она была желанным спутником для провождения уик-энда на озере Дьяволов. Для своих внуков она была строгим учителем, который водил их в целях образования по музеям и зоосаду. Для всех жителей, зарегистрированных в Бойн-Фен митрополитом Ареал, она была выборным судьей, контролирующим деятельность правительства. Или, вернее, неправительства.

Муски была твердым приверженцем Шести Принципов Джемианской Республики, из которых самым главным принципом было: Никакого Сильного Центрального Правительства. Понятие Правительство было давно забыто, сгорело в огне вспышки, умерло от голода в годы отчаяния. Оно исчезло с Джема полторы сотни лет назад. И никто не хотел возвращения этого ужаса, особенно Муски. Оно было таким же чудовищным, как армия, как голод. Муски была готова драться за свой принцип и готова была отдать за него каждую каплю крови, так же как и молодые добровольцы-милиционеры и приниматели Даров.

Но чтобы понять, что такое Муски, посмотрим на три главные ипостаси Муски и через это пока-

жем сложный и своеобразный мир Джема.

Во-первых, Муски производила больше, чем десятую часть продовольствия для Бойн-Фен, и почти все оно приходило из-под земли. Конечно, она не создавала его сама. Она стояла у ворот галереи. Старые добрые времена частной собственности умерли вместе с правительством. Муски не была владельцем чего-либо, она была равной среди равных. Но она выполняла специальные обязанности.

Вы могли бы подумать, что она похожа на виргинского фермера, присматривающего за батраками. Но это ошибочный взгляд. Здесь не было собственности. Здесь не было эксплуатации. Кринпиты приносили ей дары с подземных ферм. Это были именно дары. Их давали добровольно. Если Муски не нравились дары, она не приказывала заменить. Она просто отказывалась. Тогда кринпит спокойно возвращался в свою деревню, где мог свободно голодать. В метре от Муски подземники опрыскивали кринпитов антиаллергеном. Здесь тоже не было применения силы. Если кринпит не давал даров, то они не опрыскивали его. И кринпит мог по своей воле болеть и даже умереть. Так что кринпит был абсолютно свободен и мог выбирать то, что

хочет сам без всякого принуждения. В этом мире не было никакой эксплуатации, никого, никем и никогда. Это был один из шести Принципов.

Кринпит знал это и наслаждался своей свободой, так же как радио, барабанами, металлическими предметами, которые давала ему Муски сама в обмен на то, что давал ей кринпит. Подземники тоже знали это и тоже были благодарны, особенно за то, что Двуногие улучшили их тунели. И подземники помогали сильным рабочим кринпитам возделывать урожаи на подземных фермах. Они также получали много такого, чего не знали их дикие предки, вечно жившие под землей. Шаристы тоже знали это, в воздухе постоянно звучали их песни. И, конечно, Муски Гринклоуд Ан-Гуен прекрасно знала это. У нее было все, что она хотела. И больше всего ее удовлетворяло то, что она всегда была уверена, что Шесть Принципов неукоснительно соблюдаются, справедливость всегда торжествует, и каждый на Джеме — человек, кринпит, шарист, подземник — имеет все. Хотя, может, и не всегда столько, сколько она.

Во-вторых, Муски была добровольным служащим. Она была выборным судьей, которая добровольно отдает свое время служению Обще-

ству, даже по праздникам.

Она вышла из сельскохозяйственной галереи на поверхность, под купол города Жирных. Муски была довольно красивая женщина. Она загорела под искусственным солнцем плавательного грота. Она была высокая и весила шестьдесят килограммов, хотя талия у нее была пятьдесят сантиметров. Ее любовник предпочитал иметь дело с нею, а не с девицами более молодыми. Когда Муски шла по Холлу Воспоминаний, приветствуя всех, мужчины не отводили от нее глаз. Она скинула обувь для удобства и села на Диван из пенорезины.

— Я хотела бы начать,— сказала она с солнечной улыбкой.

Остальные шесть выборных судей согласились с нею и сказали, что они тоже готовы начать обсуждать дела. Большинство дел были самыми ординарными, и согласие судей достигалось сразу. Все берегли силы для действительно настоящего дела. Со своего места под бюстом Матери Кристианидис Роанок т-Шрайбер рассказала о том, как идут дела по очистке озера Дьявола. Вся животная жизнь в озере была почти уничтожена с тех пор, как был изобретен Эшеречил Соли, служащий антибиотиком против всех форм жизни

на Джеме.

— Осталось еще несколько грузовиков вывезти в озеро, и оно будет абсолютно чистым,— сказала т-Шрайбер.

Оторвавшись от любования своими десятисантиметровыми ногтями, Сод Хауз Флареборы предложила давать дополнительные дары милиционерам, так как многие из них пострадали при исследовании старых туннелей подземников и освобождении дальних лагерей кринпитов. Все согласились, что это надо сделать. Женщина в милицейской форме возле двери удовлетворенно улыбнулась.

Затем лицо Муски затуманилось. Она осмотрела всех сидящих.

— Я слышала, что пришло сообщение с Альфабазы.

Наступила тишина. Это дело было связано с грядущими изменениями, и никто не хотел бы рассматривать это. Все судьи заерзали на своих креслах под бюстами предков. Каждый ждал, чтобы заговорил кто-то другой.

Наконец, т-Шрайбер высказала свое мнение:

— Лично я считаю, что наши предки поступили неразумно, возобновив исследования космоса. Они добровольно влили большие средства, чтобы

вывести на орбиту тактрановые спутники. И что мы получили взамен? Горе и смятение.— Т-Шрайбер перечислила все предыдущие контакты: угрозы со стороны марсианской колонии, мольбы о помощи с самой Земли, дюжина предложений с Альфаколонии наладить регулярное сообщение между Альфой и Джемом. Из остальной Вселенной — ничего.

Муски ждала мнения остальных с нетерпением. Затем она сказала:

— Интересно, стоит ли нам дальше отвечать на послания с Альфабазы?

Никто не ответил.

Следовательно, все согласны. И судьи перешли к разговору о том, как растет население планеты: от ста восьмидесяти выживших к тысяче восьмистам в третьем поколении и к почти четверти миллиона в шестом поколении. Теперь можно не бояться, что человечество не выживет. Человек на Джеме будет процветать.

Это напомнило Муски, что ее последний ребенок готов уже родиться. Она позвонила в госпиталь по телефону. Сиделка даже в этот час была на месте. Но новости были плохие. Ребенок родился мертвым.

— Я ругаю себя за то,— сказала Муски докто-

ру,— что выбрала... как ее имя, доктор?

— Мери Глоубаг.

— Да, Мери. Ей почти шестьдесят лет, и мне нужно было пригласить кого-нибудь помоложе, чтобы родить мое дитя.

— О, не порти себе такой день,— сказал доктор.— Всякое может случиться. Помни, что почти все твои дети живы, и еще троих вынашивают другие сиделки.

— Ты очень добр,— Муски повесила трубку с улыбкой. Но новость поразила ее.— Мне бы хотелось уйти,—сказала она судьям.

И все были рады этому предложению, так как всем хотелось по домам, к своим семьям.

И третья ипостась Мускрат — это мать, уважаемая глава семьи.

И это была не самая маленькая часть ее. Ее семья была огромна. Сорок четыре живых ребенка, из которых десяток старших уже многократно сделали ее бабушкой, а три самых младших еще находятся внутри трех женщин, добровольно согласившихся выносить и родить их. Она напомнила себе, что нужно сделать подарок Мери Глоубаг за ее добровольное согласие оплодотвориться ее яйцеклеткой. Не такой большой подарок, как обычно, ведь ребенок родился

мертвым. Скоро Рождество, и все эти женщины придут ее поздравить. Муски удовлетворенно ждала этого дня.

Но не все думы о семье были приятными. Когда она шла по аккуратному саду сюда, где она спала и хранила свои вещи, из кустов навстречу ей выскочил подросток. Это был д-Дэйлхауз Дольфин Ан-Гуен, один из ее сыновей. Он тяжело дышал от бега. Муски вздохнула и сказала:

— Очень приятно, что ты спешишь поздравить меня, Дольф.

Он остановился и посмотрел на рождественское дерево посреди сада, с его огнями и звездой на вершине. Очевидно, он забыл о каникулах. Муски снова вздохнула.

— Счастливого рождества, Дольф. Садись и успокой дыхание.

Они сели на скамью из прессованной глины под деревом. Муски не смотрела на сына. Она знала, что несмотря на все свои недостатки, он не начнет говорить без разрешения, и она хотела, чтобы мальчик ощутил мир и покой в саду. Здесь стояли статуи Первого Поколения Восемнадцати Матерей из золота, пятьдесят две Кормилицы из хрусталя и восемьдесят девять Отцов, высеченных из гранита, который добывали в скалах

возле Полюса Тепла. Двадцать один человек из выживших, которые не внесли вклада в гены ныне живущих, тоже были высечены в статуях, но эти статуи находились в самых дальних уголках сада. Статуи имели и другие различия. Имена тех, кто пережил вспышку на Фарсайде, были выгравированы на серебре, как бы подернутые морозом. Те, кто пережил катастрофу в катакомбах подземников, получили подписи из рубина. Остальные, пережившие вспышку в орбитальных капсулах, под машинами, в пещерах, в других местах, где были они и могли укрыться от гнева звезды, украшены оранжевым хризолитом, напоминающим цвет пламени. Это произошло шесть поколений назад.

Когда Муски почувствовала, что это святое место подействовало на ее сына, она сказала:

— Ол райт. Можешь говорить, что хочешь, Дольф.

Он не мог дождаться этого момента, так он был нетерпелив.

— Ол райт! Я скажу! Ты делаешь ошибку, Мать Муски. Мы не можем сказать нет Альфабазе!

— Не можем?

Он ужасно упрям. Даже свиреп.

— Да, я сказал, не можем! Это преступление

против человеческой расы! Джем разлагается на наших глазах, Мать Муски. Это единственный шанс, чтобы мы могли развиваться дальше. На Альфабазе есть высокоэнергетическая технология. Ты знаешь, что значит их предложение? Они могут перевести в тахионное состояние десятки тонн. Мы не можем сделать этого даже ради спасения собственных жизней.

— Милый Дольф. У нас на Джеме очень много горячих проблем. Ты знаешь, сколько диких стай шаристов? Кринпитов, которые впали в дикое состояние? Подземников, которые стали совершенно неуправляемы и бесполезны для нас? Наш долг...

— У нас долг перед человечеством!

— Да, конечно. И мы выполняем его. Наши предки отдали жизни, чтобы спасти нас, и мы строго блюдем Шесть Принципов. У нас нет тирании, национализма, расовых распрей. Мы не насилуем Джем, мы служим его процветанию. Мы экономим его ресурсы, а на Альфе снова развивают индустрию и с нею все зло технологической цивилизации.

— Боже! — воскликнул он.— Ресурсы! Да мы пальцем не шевельнули, чтобы хотя бы тронуть их! Ты знаешь, что горючее образуется быстрее,

чем мы используем его?

— Прекрасно! Но будь разумным, Дольф, дорогой! Зачем ты портишь мне праздник своими глупыми предложениями? Предположим, что кто-то примет твои предложения. Кто будет разрабатывать ископаемые минералы?

— Кринпиты! Подземники! Люди! Машины! Я не знаю. Если кто-либо не захочет работать, надо его заставить!

Мускрат была ошарашена.

— Ты испортил мне праздник.

Какой стыд! Упрямый подросток и неумелая сиделка — и вот ее праздник насовсем испорчен, еще не начавшись. Дольф ее любимый сын. Она восхищалась его ловким телом, быстрым умом. Но как он может не принимать этот рай и не быть в нем счастливым, как все остальные?

Каникулы Дольфа тоже были испорчены, и он, злой и растерянный, сел на каменную скамью, не слыша веселого пения вдали.

Если бы он мог заставить ее понять! Овладение Джемом дорого обошлось людям. И не только в первый ужасный год. В первые декады произошло еще несколько вспышек Кунга. Было восемь вспышек, и только две или три из них обошлись без страшных последствий. Последние. Людям

пришлось выносить многонедельное заточение под защитными куполами, страшный голод в течение следующих полутора лет, пока планета не восстановила себя. И стоило ли людям платить жизнями за существование на такой планете?

Подземник с четырьмя садовниками-кринпитами, панцири которых были покрыты блестящим праздничным лаком, прошли мимо него. Внезапно он услышав песню вдали.

Спаси всех нас от сил Сатаны.

Когда мы уйдем звездным путем...

Черт бы побрал это время радости, подумал он про себя. Время самоубийц! Время медленно умирать в довольстве, когда все остальная Галактика благодаря достижениям технологии стремится бог знает куда! Ярость боролась в нем с праздничным настроением. И постепенно ярость отступила. Он вдруг вспомнил, что нес подземник, — бледно-тлеющий ультрафиолетовый факел, и решил пойти к рождественскому дереву. Кринпиты уже стащили по сторонам скамьи и столы для пикников, чтобы создать пространство. После этого они удалились. Подземник установил факелы по местам и ожидал распоряжений. На дереве привязанные шаристы распевали свои сладкие песни.

Молодые люди возле него скидывали одежду и бежали к украшенному стволу.

— Пора начинать! — кричали все, и шаристы начали песню "Добрый король Венцеслав". Подземник поджег факелы. Шаристы вздрогнули, как один, и душистые нити полились на землю. Под рождественским деревом пары сплетались в экстазе традиционного Кольца.

И Дольф не смог устоять. Ярость погасла, Рождество победило. Он сбросил одежду и бросился к дереву. "Зачем сражаться за утопию?" — подумал он про себя. И в этот момент в нем закончился процесс взросления. И начался процесс умирания. Что, во многом, одно и то же.

Конец.